

TARTU RIIKLIKU OLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

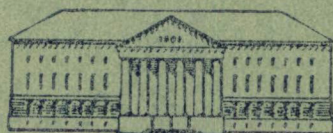
ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 107 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

С. Г. ИСАКОВ

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ
ПЕЧАТИ 1860-х ГОДОВ

ТАРТУ 1961

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 107 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

С. Г. ИСАКОВ

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ
ПЕЧАТИ 1860-х ГОДОВ

ТАРТУ 1961

Редакционная коллегия:
Б. Егоров (отв. редактор), Ю. Лотман, А. Правдин, Л. Эрингсон

Полемика по остзейскому вопросу, обсуждение положения в Прибалтике на страницах русской печати 1860-ых гг. сыграли немалую роль в истории прибалтийских народов — эстонцев и латышей. Эта полемика привлекла внимание широких кругов тогдашней русской общественности к ненормальности положения в Прибалтике, где еще господствовал особый остзейский режим, сохранявший всю власть в крае в руках местных немецких баронов, где крестьяне были лишены земли и скольконибудь обеспеченного состояния. Обсуждение остзейского вопроса в русской печати получило всеевропейский резонанс, вызвав огромное количество статей и книг, в первую очередь, в германской, но также и во французской, английской, бельгийской, австро-венгерской, чешской прессе. Ход обсуждения, размах полемики по остзейскому вопросу неизменно оказывал влияние и на правительство, на правительственную политику в Прибалтике, хотя решающее значение здесь, конечно, имели хорошо известные властям и без печати факты волнений крестьян, открыто высказывавшегося ими недовольства своим положением.

Страницы русской прессы оказались трибуной для деятелей эстонского и латышского национального движения, зачастую лишённых возможности выступать в прибалтийской печати, стеснённой местной цензурой остзейских баронов. Характер обсуждения остзейского вопроса на страницах русской печати 1860-ых гг. сыграл немаловажную роль в выработке так называемой «восточной», русской, ориентации младолатышского и эстонского национального движений на раннем этапе их развития. Отличительные особенности этого обсуждения вообще объясняют многое в истории национального движения прибалтийских народов.

Всё это диктует необходимость тщательного изучения полемики по остзейскому вопросу в русской печати 1860-ых гг. Между тем, до сих пор нет ни одного обобщающего исследования этой полемики; на русском и эстонском языках нет даже ни одной специальной статьи, которая была бы посвящена хотя бы отдельным эпизодам обсуждения положения в Прибалтике в русской печати тех лет. Более того, отсутствует даже библиография русских статей, брошюр и книг по остзейскому вопросу, ибо существующие библиографические справочники (Кр.

Барон, «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края», СПб, 1868; Ed. Winkelmann, «Bibliotheka Livoniae historica», Berlin, 1878 и др.) ни в малой степени не охватывают всего материала.¹ Таким образом, отклики русской прессы на положение в Прибалтике, в сущности, ещё не собраны и не систематизированы. Незавершенность этого важного вопроса в исследовательской литературе обуславливает и характер нашей работы.

Мы остановимся лишь на обсуждении в русской печати 1860-ых гг. важнейших проблем общественно-политической и экономической жизни Прибалтики, на узловых моментах этого обсуждения. Мы не только сознательно опускаем частности, но и почти не будем останавливаться на полемике между русской и немецкой прессой (это вынудило бы нас ещё более увеличить объём работы), привлекая её материал лишь в тех случаях, когда он существенно важен для понимания тех или иных проблем прибалтийской жизни в освещении русской печати. Превосходно сознавая, что это приведёт к известной неполноте нашего исследования (впрочем, неминуемой по совершенной необъятности материала), мы, тем не менее, думаем, что выявление важнейших моментов, сути обсуждения остзейского вопроса в русской печати имеет уже само по себе достаточно важное значение.

В то же время, хотя мы и вынуждены ограничиться рассмотрением лишь основных моментов обсуждения, нам придётся всё-таки, быть может, чаще, чем это нам хотелось, заниматься сравнительно подробным изложением важнейших статей, приводить большие цитаты из них, ввиду того, что эти материалы ещё не введены в научный оборот, неизвестны большинству исследователей и разбросаны по трудно доступным не только читателям, но и даже исследователям печатным и рукописным источникам.²

¹ Наиболее полная библиография русских материалов о Прибалтике содержится в неопубликованном частном собрании К. Вельмана, бывшего библиографа (позже директора) Фундаментальной библиотеки Тартуского университета, но и в ней много пробелов в отношении материалов 1860—70-ых гг., так как данная библиография не основана на постраничном просмотре периодической печати тех лет.

² В этом отношении характерно признание исследовательницы Э. Янсен в сборнике «С. R. Jakobson ja tema ajastu» («К. Р. Якобсон и его время»), Тп., ЕРК, 1957, стр. 15, что, из-за отсутствия в библиотеках Эстонии «Голоса», «С.-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», она вынуждена излагать их взгляд на переселенческое движение в Эстонии на основе... остзейской немецкой прессы.

Прежде чем перейти к изложению хода обсуждения остзейского вопроса на страницах русской печати 1860-ых гг., необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

В Прибалтике господствующие сословия — дворянство и верхушка буржуазии, бюргерство, — принадлежали к немецкой национальности. Эксплуатируемые же и бесправные низы состояли из эстонцев и латышей. Это придавало особый оттенок классовой борьбе в крае, которая нередко сливалась с борьбой национальной. Вся власть в Прибалтике находилась в руках остзейских баронов — немцев. Хотя остзейцы и широко пользовались русскими штыками, поддержкой царизма при подавлении народных восстаний, в утверждении своего господства, но фактически центральная правительственная власть Российской империи не была полновластным хозяином Прибалтики: здесь господствовали немецкий язык, лютеранство, особый свод законов, особое судопроизводство, особая система управления — всё это объединялось в институте так называемого «особого остзейского режима» в крае, целиком подчинённого остзейскому рыцарству и отделённого от системы общероссийской государственности.

Массовое крестьянское движение 1840—50-ых гг., завершившееся восстанием 1858 г., известным под названием «войны в Махтра», сделало для всех очевидным совершенно неудовлетворительное положение трудящихся масс Прибалтики, недостатки «особого остзейского режима». Стало очевидным, что «освобождение» крестьян 1816—19 гг. и даже реформы, проведённые уже в процессе массовых волнений крестьян 1840—50-ых гг., не улучшили положения народа; необходимы какие-то изменения в общественном и экономическом строе Прибалтики.

Остзейцы³ были заинтересованы в сохранении основ существующего в Прибалтике порядка, который отдавал всю власть в их руки, и боялись всяких изменений, особенно же преобразований, проводимых не по их инициативе. Поэтому они утверждали, что особый остзейский режим в общем хорош и нуждается лишь в небольших частных улучшениях, которые остзейское дворянство само обещало провести.

В лагере остзейцев можно наметить либерально-буржуазное и консервативно-дворянское течения, но в специфических условиях 1860-ых гг. различия между ними стираются, и в борьбе за сохранение особого остзейского режима они выступают сплочённым фронтом, так что русская публицистика с полным основанием рассматривает этот лагерь как единый.

В правительственных кругах шла внутренняя борьба. При

³ Мы употребляем слово «остзеец» в том смысле, в каком оно употреблялось в 1860-ые гг. Ср. предложение «Кронштадтского вестника» (9. X. 1863, № 115, стр. 458): «Не следовало ли бы употреблять название «остзеец» лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?»

дворе существовало две партии — антиостзейская и проостзейская. Антиостзейская партия (великий князь Константин Николаевич, военный министр Д. А. Милютин, министр государственных имуществ А. А. Зеленой и др.) стояла за проведение в Прибалтике буржуазных реформ, близких к русским реформам 1860-ых гг. Проостзейская партия (министр внутренних дел П. А. Валуев, министр финансов М. Рейтерн, А. А. Суворов и др.), опиравшаяся на поддержку в данном вопросе Александра II, утверждала, что в Прибалтике все необходимейшие реформы, как-то освобождение крестьян, уже проведены, в своих основах существующий порядок вполне удовлетворителен, и здесь можно ограничиться лишь небольшими преобразованиями по части улучшения быта крестьян и сближения принципов управления Прибалтикой с общерусскими. В правительственной политике в Прибалтике одержала победу проостзейская партия, хотя она порой и вынуждена была идти на уступки противоположной партии.

Отношение различных слоёв русского общества к положению в Прибалтике также не было одинаковым, что естественно в условиях резкого разграничения лагерей, острой идеологической борьбы в обществе 1850—60-ых гг.

Революционные демократы отрицали весь существующий в Прибалтике порядок в его основах, требовали его уничтожения и основные надежды в этом возлагали на крестьянскую революцию. Однако нужно заметить, что в послереформенных условиях 1860-ых гг., в силу ряда причин, демократический лагерь русского общества не проявил интереса к остзейскому вопросу, который как бы стал монополией публицистов либерального и правого, катковского, лагерей.

Либералы и правый, шовинистически настроенный (катковский) лагерь русского общества тоже резко критиковали особый остзейский режим, но с иных позиций, чем революционные демократы, — с позиции укрепления государственного единства царской России, с позиций борьбы с обособленностью остзейского края от России, с немецким характером Прибалтики. Остзейцев защищала лишь небольшая группа крайне правых элементов, откровенных крепостников.

Молодое, только ещё формирующееся буржуазное национальное движение прибалтийских народов также выступало против особого остзейского режима, против немецкого дворянства и бюргерства, ибо это были основные враги эстонцев и латышей. Деятели эстонского и латышского национальных движений стремились к аграрным преобразованиям в крае с целью улучшения положения крестьян, к предоставлению прав коренному местному населению, к развитию национальных культур. Их позиция не совпадала с позицией либерального и правого, катковского, лагерей, но у них оказался общий враг — остзейские немцы и особый режим. На этой почве стал возможен

союз между ними. Впрочем, и здесь надо учитывать внутреннюю неоднородность национального движения прибалтийских народов. Так, в эстонском национальном движении почти с самого начала выявилось два направления — буржуазно-демократическое (Якобсон) и буржуазно-клерикальное (Янсен). Первое стремилось к союзу с русскими либералами и консервативными кругами, надеясь найти в них могущественных союзников в борьбе с остзейцами. Второе направление склонялось к политике компромисса и даже союза с немцами.

Отмеченный выше факт многозначителен: само стремление молодого национального буржуазно-демократического движения опереться на выступления русской либеральной или даже консервативной прессы показывает, что в интересующем нас аспекте идеи, выдвинутые русской публицистикой, выступают в особом, порой неожиданном свете. Те идеологические направления, реакционная сущность которых безусловно раскрывалась в ходе внутрирусской политической концепции (славянофилы, Катков), порой оказывались союзниками наиболее передовой национально-освободительной мысли прибалтийских народов тех лет. И дело здесь не только в незрелости этого национального движения, но и в том, что острая критика «остзейского режима», которую с своих консервативных позиций развернул, например, Катков, в условиях Прибалтики переосмыслилась. Она выковывала идеологическое оружие, которое в своих национально-демократических целях использовала молодая буржуазия Прибалтики.

I. ХОД ОБСУЖДЕНИЯ ОСТЗЕЙСКОГО ВОПРОСА.

1.

Прибалтике в истории разрешения крестьянского вопроса в России XIX в. суждено было сыграть роль своеобразной опытной лаборатории, где ранее, чем в других областях, проводились те или иные реформы, опыт которых вызывал живейший интерес в русском обществе и использовался в последующей правительственной практике в применении к другим областям государства. Печально знаменитое «освобождение» остзейских крестьян от крепостной зависимости 1816—19 гг. вызвало большой интерес ещё у декабристов и привлекло их внимание к экономической и общественной жизни Прибалтики.⁴ Ещё большее внимание русского общества привлёк опыт остзейских губерний в разрешении крестьянского вопроса во второй половине 1850-ых гг., когда на повестку дня стала проблема освобождения русских крестьян от крепостного рабства в ближайшем будущем, когда во всех кругах общества и в правительственных

⁴ См. об этом в нашей статье: О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-ых гг., Уч. зап. ТГУ, т. 98, 1960, стр. 147—148.

сферах стал дискутироваться вопрос о путях, о форме освобождения в связи с выработкой проекта реформы.

В этих условиях остзейское дворянство, напуганное перспективой проведения в стране новых реформ, которые могли бы быть распространены и на Прибалтику и поколебать привилегированное положение местного рыцарства, почти ничем не отличавшееся от эпохи крепостного права, стало энергично пропагандировать остзейский метод безземельного освобождения крестьян с предоставлением им лишь личной (да и то ограниченной) свободы. Остзейское дворянство преследовало этим несколько целей: оно стремилось обезопасить себя от возможных реформ, стремилось представить Прибалтику в качестве идеального края, где все сложные и противоречивые проблемы общественной жизни удачно разрешены благодаря мудрости местных баронов. Тем самым должен был подняться авторитет остзейского дворянства в верхах да и самом русском обществе, его представители должны были выступить в роли передовых деятелей на поприще общероссийского прогресса, что было столь модно в эту кратковременную пору правительственного либерализма. При этом остзейское рыцарство прекрасно учитывало, что большинство коренного русского дворянства живо заинтересовано в проведении крестьянской реформы в России именно по прибалтийскому образцу, закреплявшему полную зависимость крестьянства от помещиков. Сила воздействия идей остзейского дворянства увеличивалась ещё от того, что его представители играли видную роль в правительственном аппарате.

И в русской печати 1856—1860-ых гг. появляется большое количество статей, брошюр и книг, доказывавших преимущества безземельного освобождения крестьян на остзейский манер. Типичным образцом этой литературы может служить книга А. Рихтера «История крестьянского сословия в присоединённых к России Прибалтийских губерниях, со включением новейших постановлений» (Рига, 1860).

Пропагандистская активность остзейских баронов представляла собой реальную опасность для готовящегося в России разрешения аграрной проблемы. И эту опасность быстро распознали деятели демократического лагеря русского общества, в первую очередь, революционные демократы, группировавшиеся вокруг «Современника» и «Колокола» и стремившиеся к освобождению крестьян с землёй. Н. Г. Чернышевский в «Современнике», А. И. Герцен и Н. П. Огарёв на страницах «Колокола» повели ожесточённую борьбу с идеями остзейских баронов. Они внимательно изучили положение крестьян в Прибалтике, объективные последствия безземельного «освобождения» крестьян в этом крае, и в своих статьях показали нищету и необеспеченность здешних крестьян, их полное бесправие, зверскую эксплуатацию их труда со стороны помещиков, приводящую к бунтам и волнениям. Революционные демократы доказывали, что при-

балтийские крестьяне, в сущности, остались в том же положении, в каком они были и до «освобождения». Эти статьи в «Колоколе» и «Современнике» уже, анализировались исследователями.⁵

Но необходимо отметить, что критика остзейского метода освобождения крестьян раздавалась в эти годы и не только со страниц революционно-демократических изданий. Широкие либеральные круги русского общества также отрицательно относились к остзейскому опыту и критиковали в своих органах реальные результаты этого «освобождения». В этом отношении показательно обсуждение в русской печати вышеназванной книги А. Рихтера.

Актуальный политический смысл книги был прекрасно понят критиками. Рецензент «Северной пчелы» П. фон Ш. (без сомнения, Павел фон Шульд, автор ряда статей о положении крестьянства и землеустройстве остзейских провинций) отмечал: «Главное, общее значение подлежащей книге заключается в том, что г. Рихтер не ограничивается изложением одних только фактов, а является публицистом, защитником известного рода идей <...> Он не просто знакомит нас с устройством крестьян в остзейских губерниях, а ставит нам это устройство в пример, представляет его во многих отношениях образцовым, советует применить его, в известной степени, к другим губерниям России». Книга Рихтера ставит очень важный для тех дней вопрос: «должно ли безземельное освобождение крестьян в остзейском крае служить для нас *примером* или *уроком*?»⁶ И если автор склоняется к первому выводу, то рецензент ко второму. Он последовательно критикует все тезисы А. Рихтера. Рихтер восхваляет постепенность в урегулировании крестьянского вопроса в Прибалтике: вначале определение повинностей крестьян, затем личная свобода, затем переход от барщины к оброку и, наконец, постепенное превращение крестьян в собственников. Рецензент же не находит здесь никакой закономерности, ибо лишь менее двадцатой части крестьян сумело приобрести землю да и процент перешедших на денежную аренду (18%) невелик⁷. К тому же это постепенное урегулирование на практике означает ухудшение положения крестьян, отделение их от земли, полную зависимость их от произвола помещиков, непомерные повинности, которые помещик теперь может поднимать по собственному усмотрению. Рецензент стоит за освобождение крестьян с землей, правда, в виде принципа: «потомственное наследственное пользование участками за неизменные повинности». Впрочем, в Прибалтике уже невозможно вернуться к этому принципу. Для рецензента совершенно ясны и те корыстные классовые интересы дворян, забота их о собственной выгоде, которые заставили остзейских баронов пойти именно по данному пути разрешения крестьянского вопроса. Он отмечает стремление Рихтера сохранить в результате такого метода «освобождения» «преобладание сословного порядка» и в России в противовес сглаживанию сословных перегородок, намечившемуся в Западной Европе.

Это стремление Рихтера вызвало особое возмущение составителя «Современной хроники России» в декабрьском номере «Отечественных записок»,

⁵ См.: Ю. Ю. Кахк, «Колокол» Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859—1861 годов, Известия АН ЭССР, 1953, № 3; Б. Егоров, Н. Г. Чернышевский и Эстония, газ. Советская Эстония, 28. XI. 1957.

⁶ Северная пчела, 31. X. 1860, № 242.

⁷ Декабрист Н. И. Тургенев в брошюре «Пора!» (Русский заграничный сборник, ч. II, тетрадь I, Лейпциг, 1858, стр. 22) также критикует постепенность в разрешении крестьянского вопроса в Прибалтике, характеризуя в целом опыт остзейцев как «неблагоприятный для защитников личного освобождения».

пересказавшего рецензию П. фон Ш. «Мы так благодарны г. Рихтеру за его доброе слово, что не решаемся делать дальнейших выписок, чтоб не повредить успеху его книги, — с иронией писал он. — Заслуга г. Рихтера приобретает в наших глазах ещё большее значение, если вспомнить, что до сих пор идеи, им приводимые, распространились у нас иными путями, далеко не литературными <...> Г. Рихтер, как свойственно учёному, предпочёл идти прямою открытою дорогою: путём гласности. Шаг утешительный в двойном отношении: он показывает, с одной стороны, что прежние домашние средства для распространения *правильных* помещичьих убеждений становятся бессильны в нашем отечестве; с другой стороны, он представляет любителям остзейских истин возможность изучить их в полном объеме».⁸

Не менее отрицательной была и анонимная рецензия в «Светоче» (1860, кн. IV), где, в частности, обращается внимание на то, что постепенное приобретение земли в собственность, рассматриваемое Рихтером как вершина крестьянского развития, допускается им лишь в отношении небольшой группы «благонадежнейших и зажиточных крестьян» при сохранении безземельности большинства, превращаемого навечно в категорию батраков.

В этой связи, между прочим, неожиданно актуальный смысл приобретает и носящая как будто чисто исторический характер публикация записки В. Н. Каразина «Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы со своими собраниями о указе 23-го мая 1816 года и об эстляндских постановлениях» в «Чтениях в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1860, кн. II). В этой записке Каразин резко осуждает безземельное освобождение крестьян в Эстляндии, доказывая, что крестьянин не может существовать без земли, составляющей его собственность наравне с помещиком. Здесь, пишет Каразин, «по моему понятию, чуть ли не кроется вопиющая неправда под личиною милосердия».⁹ Исторический материал, как мы увидим ниже, вообще неоднократно использовался в интересах критики особого остзейского режима немецких баронов и, кстати, наиболее часто именно на страницах «Чтений».

Тяжёлое положение эстонских крестьян вынуждало их переселяться в русские губернии, чему всеми мерами стремились воспрепятствовать местные власти и помещики, боявшиеся потерять дешёвую рабочую силу. Всё же в 1860 г. несколькими группам эстонских крестьян удалось переселиться в Самарскую губернию. Это событие, ярко раскрывавшее неблагоприятное положение в эстонской деревне, вызвало ряд откликов в столичной русской печати, основывающейся чаще всего на сведениях из «Самарских губернских ведомостей».¹⁰ Наиболее интересна за-

⁸ Отечественные записки, 1860, декабрь, стр. 71—72.

⁹ Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете (в дальнейшем сокращённо — Чтения в ОИДР), 1860, кн. II, отд. V, стр. 222.

¹⁰ См.: Отечественные записки, 1860, сентябрь, стр. 33—34 (в разделе «Современная хроника России»), и октябрь, стр. 58—60 (в том же разделе); Русский вестник, 1860, июль, кн. II, стр. 181—183 (А. А. Самойлов, Из Самары); Наше время, 1860, № 24 (Путешественник по неволе. Чухонцы на пароходе), и 1861, № 3 (Эстонские поселенцы Самарской губернии); С.-Петербургские ведомости, 1861, № 8 (Эстонцы в Самаре); Московские ведомости, 1861, № 13 и др.

метка в «Отечественных записках» (1860, октябрь), где автор пытается выяснить причины переселений и находит их в бедственном положении народа, ибо в Прибалтике «самое освобождение послужило не в пользу чухонцев, но именно во вред».¹¹ Бедственное же положение народа обусловлено, по его мнению, корыстным стремлением остзейского дворянства, ради сохранения дешёвых рабочих, воспрепятствовать переселению, а также сплочённостью и корпоративным духом этого дворянства, противостоящим темноте и невежеству крестьян. В этой же заметке мы видим робкую критику остзейских порядков вообще.

Критика остзейского метода «освобождения», остзейских порядков, местного дворянства, без сомнения, была бы несравненно сильнее, если бы не цензурные препятствия. Цензура очень опасалась широкого обсуждения положения прибалтийского крестьянства, остзейского особого режима, и стремилась в самом зародыше предупредить возможную полемику между русской и немецкой печатью. Об этом свидетельствует любопытное «Дело Главного управления цензуры по представлению С.-Петербургского цензурного комитета о статье графа Соллогуба под заглавием «О красном патриотизме» и ответе на эту статью, назначенных для «Северной Пчелы» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. I, № 5713). Суть дела изложена в представлении цензурного комитета от 29 апреля 1861 г. и состоит в следующем.

«В сентябре месяце прошлого 1860 года, по случаю выставки сельского хозяйства, была помещена в «Северной Пчеле» статья, в которой говорилось о пристрастии экспертов-немцев при оценке произведений сельского хозяйства, присланных от русских хозяев, и кроме того было сказано несколько слов о том, что жителям остзейских провинций пора перестать думать, будто они и в настоящее время могут быть нашими учителями.

В настоящее время граф Соллогуб представил в редакцию «Северной Пчелы» статью, в которой не только старается оправдать упомянутых экспертов, но в особенности защищает и восхваляет учреждения остзейского края и нравственные качества его немецких жителей, имея главным образом целью доказать, что в этом крае существует порядок, суды неподкупны, процветает образование и что, следовательно, русским было бы полезно учиться и перенимать многое у остзейцев.

Редакция «Северной Пчелы» желает напечатать статью графа Соллогуба, но не иначе как с ответом, в котором все похвалы учреждениям и жителям остзейских провинций опровергаются решительным образом, а в некоторых местах в таком резком тоне, который не может не показаться оскорбительным для остзейских немцев.

Предполагая, что появление в печати означенного ответа на статью графа Соллогуба вызовет непременно такой же резкий ответ со стороны жителей остзейского края и за тем поведёт к горячей между русской и остзейской журналистикой полемике, которая со временем может сказать весьма вредное влияние на *расположение* остзейских немцев к России вообще», цензурный комитет испрашивал мнения Главного управления, «следует ли запретить печатание этих статей для предупреждения в самом зародыше предосудительной полемики между русскою журналистикой и подвластными России немцами или дозволить эти статьи» с исключением неприемлемых в

¹¹ Отечественные записки, 1860, октябрь, стр. 60.

цензурном отношении мест. Через месяц Главное управление цензуры сообщило комитету, что оно, «соответственно соображениям, изложенным в представлении комитета», постановило не допускать статьи в печать.¹²

Но все приведённые выше факты были лишь преддверием того оживлённого обсуждения положения в Прибалтике, которое развернулось на страницах русской печати в 1860-ые гг. и отразилось в массе статей и заметок.

2.

В истории обсуждения положения в Прибалтике на страницах русской печати, полемики по остзейскому вопросу в 1860-ые гг. можно наметить несколько этапов. Начальный подготовительный этап — 1861—1863 гг., когда количество статей по остзейскому вопросу ещё не велико и они не охватывают всего сложного комплекса проблем прибалтийской жизни.

В центре внимания на этом этапе — книга «Ehste und sein Negt», вышедшая анонимно на немецком языке в Берлине в конце 1861 г., но принадлежащая перу русского публициста В. Т. Благовещенского¹³. В этой книге были систематически проанализированы взаимоотношения крестьян и помещиков в Прибалтике в их историческом развитии. На основе огромного фактического материала автор создал здесь правдивую обобщающую картину современного положения эстонского крестьянина, картину, подобную которой не смог создать, пожалуй, ни один другой публицист 1860-ых гг. Убедительно показав, что так называемое «освобождение» эстонских крестьян, в сущности, сохраняло всю систему, утвердившуюся при крепостном

¹² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 772, оп. I, № 5713, лл. 1—3.

¹³ Исчерпывающая сводка всех до сих пор известных аргументов в пользу авторства В. Т. Благовещенского дана Ю. Ю. Какхом во вступительной статье к эстонскому изданию книги — «Eestlane ja tema isand», Тln, ERK, 1959. В дополнение к этим фактам мы можем привести ещё один. В № 281 «Русского Инвалида» от 18 декабря 1864 г. в корреспонденции из Митавы, подписанной Ф. Го—т—ов, мы находим некролог Благовещенского с довольно подробным изложением его биографии (этот некролог не отмечен ни в книге А. Любарского «Слово дружбы», Таллин, Эстгосиздат, 1956, ни в вышеуказанной статье Ю. Какха). В биографии подтверждается авторство Благовещенского в отношении книги. Между тем этот некролог имеет особое значение — он принадлежит лицу, лично хорошо знавшему Благовещенского (в этом автор сам признается в данной корреспонденции) — Ф. В. Голотузову, учителю русского языка в Митаве, длительное время работавшему с Благовещенским по одному и тому же ведомству в Прибалтике. О небольшой сплочённой группе русских деятелей на ниве просвещения в Прибалтике, в которую входили и Голотузов и Благовещенский, см.: Русский Архив, 1873, III, стлб. 1709. Псевдоним Ф. Го—т—ов (он же —т—), которым подписаны частые корреспонденции из Митавы в «Русском Инвалиде», раскрыты нами здесь впервые.

Соображения А. Любарского, отвергающего авторство Благовещенского, в свете обсуждения остзейского вопроса в 1860-ых гг., когда с критикой остзейских порядков выступали и правые круги, представляются совершенно неубедительными.

праве, и не улучшало, а наоборот, ухудшало положение крестьянина, автор решительно нападает на остзейское дворянство, на все пережитки феодализма. Он доказывает, что помещики заинтересованы в сохранении этих пережитков, в частности, барщины, и что они пойдут на всё, дабы поднять цены на землю и сделать практически невозможным выкуп её крестьянами. Впрочем, никакой положительной программы автор не даёт, от революционных выводов он далёк — последнее, как мы увидим, будет характерно для подавляющего большинства критиков остзейских порядков в 1860-ые гг. Книга «Эстонец и его господин», переведённая позже на русский и эстонский языки, хорошо известна не только исследователям, но и широкому кругу лиц, вообще интересующихся историей Прибалтики. Имеется уже исследовательская литература о книге, в которой достаточно полно выяснено значение публицистического труда Благовещенского¹⁴. Всё это избавляет нас от необходимости подробно анализировать её.

Книга Благовещенского произвела в Прибалтике впечатление разорвавшейся бомбы. Остзейские публицисты, защищавшие интересы местного дворянства, могли не обращать особого внимания на мелкие заметки и статьи 1850-ых гг., где прибалтийские порядки подвергались чаще всего самой общей критике, редко покоящейся на фактическом материале. Здесь было другое — это была критика, основанная на многочисленных фактах, ещё не виданная со времён Меркеля и Петри. Остзейское дворянство всколыхнулось, почувствовав опасность такой резкой критики в условиях проводившихся в России реформ, в условиях всё увеличивавшегося недовольства масс. На страницах остзейской печати развернулась оживлённейшая полемика о книге. Едва ли не единственной защитницей книги явилась либеральная в ту пору «*Revalsche Zeitung*». Зато сплочённым фронтом против труда Благовещенского выступали все прочие органы местной печати. Для опровержения книги писались не только статьи, но и брошюры, как в Прибалтике, так и за границей.

Большой резонанс получила книга Благовещенского «Эстонец и его господин» и в России. В России в это время, вначале благодаря усилиям небольшой группы передовых публицистов, связанной с морскими кругами Кронштадта и Петербурга и органами этих кругов — «Кронштадтским вестником» и «Мор-

¹⁴ Из последних работ сошлёмся на вышеуказанную статью Ю. Какха. Нам кажется лишь, что Ю. Какх несколько преувеличивает связь книги Благовещенского с позицией Герцена и Огарёва в «Колоколе» по остзейскому вопросу. В то же время Какх ничего не говорит об известной близости этой книги к позиции М. Н. Каткова, И. С. Аксакова и либеральных публицистов «С.-Петербургских ведомостей», «Голоса» и «Русского Инвалида», развернувших несколько позже не менее резкую критику остзейского устройства крестьян. Думается, что связь труда Благовещенского с этой литературой несравненно более тесна, чем связь с «Колоколом».

ским сборником», стали всё чаще обращать внимание на ненормальное положение в Прибалтике, на устарелое феодальное устройство её общественного быта, на невыносимо тяжёлое положение крестьян, лишённых земли. Эта группа, вероятно, через А. В. Фрейганга, видного морского писателя, в ту пору капитана I ранга, члена редакции «Морского сборника», выступавшего в печати под псевдонимом «Андрей Васильев»¹⁵, установила связь с крупнейшим деятелем младолатышского движения К. Вальдемаром и органом движения газетой «Peterburgas Awises». Не лишено вероятия предположение о том, что публицист этой группы В. В. Иванов, проживавший в Ревеле, установил связь с либеральной редакцией «Revalsche Zeitung», в которой видную роль играл Руссов, деятель раннего этапа эстонского национального движения.

«Кронштадтский вестник» и «Морской сборник» (наряду с газетой «День») в начале 1860-ых гг. занимали наиболее откровенную антииоэстзейскую позицию. И это, видимо, не было случайностью. Это объясняется не только личными убеждениями В. В. Иванова или А. В. Фрейганга, но и особыми условиями, в которых находились эти морские круги. Дело в том, что управляющим Морским министерством был великий князь Константин Николаевич, заигрывавший с либеральной интеллигенцией. По его инициативе во флоте был проведён ряд реформ, раньше всех уничтожены телесные наказания. «Морской сборник», благодаря его стараниям, был избавлен, как орган министерства, от общей цензуры и сделался выразителем либеральных тенденций русского общества. На его страницах печатались статьи, поднимающие актуальные социальные вопросы — крестьянский, о судоустройстве, воспитании, состоянии финансов и т. д. Великий князь Константин в то же время был одним из крупнейших представителей антииоэстзейской партии при дворе. На заседании комиссии по судебной реформе в Прибалтике в декабре 1865 г. он, например, выставил лозунг: «Немецкий элемент нужно задуть с помощью эсто-латышских национальных элементов».¹⁶ Эти факты обусловили и популярность Константина среди эстонского крестьянства — именно к нему обращались представители крестьянства, ещё полного наизвои веры в царя, с прошениями.¹⁷ Без сомнения, эти факты нужно

¹⁵ См.: Азбучный указатель имён русских деятелей для Русского биографического словаря, ч. II, Сборник РИО, 1888, т. 62, стр. 394. Об А. В. Фрейганге см.: Русский биографический словарь, том «Фабер-Цявловский», СПб., 1901, стр. 221—222; здесь же приведена библиография.

¹⁶ См.: Baron R. Staël von Holstein, Fürst Paul Lieven als Landmarschall von Livland, Riga, 1906, стр. 164. В этой книге собрано много материалов об антииоэстзейских выступлениях великого князя Константина. Об этом см. также: A. Tobien, Die Livländische Ritterschaft, I, Riga, 1925, стр. 92—93, 493.

¹⁷ См.: H. Kruus, Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel. Lühiuuri-musi. Tln., ERK, 1957, стр. 13—14, 56, 58, 60, 62—63, 68.

учитывать при рассмотрении антиостзейских статей в морских органах печати.

Виднейшим публицистом вышеохарактеризованной группы был Василий Васильевич Иванов, личность и статьи которого были основательно забыты и лишь недавно стали известными современному читателю.¹⁸

Корреспонденции В. В. Иванова из Ревеля стали появляться на страницах «Кронштадтского вестника» и «Морского сборника» с середины 1861 г. и вначале носили объективно-информационный характер.

Первая корреспонденция, затрагивавшая актуальные политические проблемы прибалтийской жизни, появилась в ноябрьском номере «Морского сборника» за 1861 г. (т. LVI, отдел «Современное обозрение», стр. 49—62). В ней Иванов подверг критике, правда, пока ещё очень умеренной, сословные предрассудки остзейского дворянства и бюргерства, высокомерие и надменность балтийских немцев. Охарактеризовав устройство здешнего купеческого общества и городского управления, Иванов подверг критике также царящую в городе олигархию привилегированной верхушки большой гильдии и поставил вопрос о необходимости преобразования гильдии. «При составлении же этой статьи я имел в виду не только знакомство читателей «Мор. сб.» с Ревелем и интересами его жителей, но надеялся, что сделавшись известною ревельским немцам, она ободрит часть их, жаждущую перемен к лучшему, и устыдит, если не сказать больше, приверженцев старого порядка»,¹⁹ — писал он позже. Заметка Иванова была перепечатана «Русским Инвалидом» (16. XI. 1861, № 254). «Если бы «Инвалид» не перепечатал моей статьи, она была бы почти неизвестна немецкой публике и, следовательно, не достигла бы своей цели, тем более, что и «*Revalsche Zeitung*», по местным цензурным условиям, не могла перевести ее из «Морского Сборника».²⁰ И, действительно, заметка не осталась без внимания таллинской привилегированной верхушки бюргерства, о чём свидетельствует тот факт, что № 254 «Русского Инвалида» в Таллине по чьему-то указанию «вскоре после его получения, в один прекрасный вечер исчез вдруг из всех клубов и уже более не показывался».

¹⁸ См.: А. Любарский, Слово дружбы, стр. 304—310.

¹⁹ Морской сборник, 1862, февраль, отд. «Совр. обозр.», стр. 154.

²⁰ Там же. Знакомство В. В. Иванова с тем фактом, что «*Rev. Zeit.*» не смогла, в силу цензурных затруднений, перепечатать в переводе его корреспонденцию, на наш взгляд, может служить основанием для предположения о личных связях его с редакцией данной газеты. Кстати, в заметке в ноябрьском номере «Сборника» Иванов с большой похвалой отзываясь о «*Rev. Zeit.*», называет её представительницей «партии прогресса», которая «стала затрагивать разные общественные вопросы». Иванов подробно излагает эти вопросы, поднятые газетой, — вопрос о преобразовании гильдии, о топливном кризисе в связи с монополий дворянства на дрова, о квартирной повинности в интересах бюргеров и т. д.

В 1862 г. в № 22 «Кронштадтского вестника» Иванов, основываясь на данных «Revalsche Zeitung» (№ 45), сообщил о постановлениях последнего лифляндского ландтага, в которых решено было поставить на обсуждение вопрос об устройстве балтийского ландтага и балтийского сената, а также о других мероприятиях, долженствующих ещё более отделить Прибалтику от России. «Известно, что в немцах глубоко коренится убеждение в превосходстве их породы над всеми другими и, как следствие этого, привычка онемечивать все подвластные им племена, а также страшные усилия препятствовать развитию этих племён сообразно национальным их особенностям. То же самое видно и в остзейских губерниях: как здешние дворяне, так и городские сословия никак не могут переварить мысли, чтобы между финским племенем (т. е. эстонцами — С. И.) и ими когда-нибудь могло существовать равенство. Если они будут держаться той же политики и в предстоящих преобразованиях, то путного из этого ничего не выйдет. Им необходимо допустить к участию на ландтагах и финский элемент; таким только образом их дряхлый гражданский организм будет оживлён струею свежей крови; в них же самих собственно нет ни одного здорового зародыша, да наконец и число этих пришельцев относительно массы природного населения ничтожно».²¹ Эта заметка Иванова была перепечатана в ряде русских газет и журналов (Московские ведомости, 1862, № 77; Отечественные записки, апрель, отд. «Совр. хроника», стр. 76 и т. д.) и вызвала возмущённые отклики и возражения в немецкой прибалтийской и петербургской прессе.

Но наибольшую известность получила статья Иванова о книге «Эстонец и его барин», видимо, известная и в виде отдельного оттиска.²² В мартовском номере «Морского сборника» он впервые сообщил о книге, назвав появление её «самой важной новостью», которую он только может сообщить из Эстонии читателям. Затем он говорит о всеобщем любопытстве, вызванном книгой в Таллине, о начавшейся вокруг книги полемике. Но подробно прореферировать книгу и критические отзывы о ней редакция «Морского сборника» сочла, видимо, опасным²³, и статья производит впечатление неоконченной, лишённой продолжения.

Вслед за тем Иванов послал свою статью «Эстонец и его барин» в газету И. С. Аксакова «День», уже проявившую к этому времени своё враждебное отношение к остзейским поряд-

²¹ Кронштадтский вестник, 18. III. 1862, № 22.

²² См. об этом: А. Любарский, ук. соч., стр. 493. В. В. Иванов перевёл название книги как «Эстонец и его барин», позднее в литературной традиции утвердился иной перевод заглавия — «Эстонец и его господин».

²³ Не на это ли намекает Иванов в заметке в майском номере «Морского сборника»: «Вы вправе упрекнуть меня за неаккуратную присылку писем, но причина этой неаккуратности лично вам известна из другого письма, напечатание которого неудобно» (стр. 76)?

кам²⁴ и вскоре ставшую одним из центральных антиюстэийских органов русской печати. Там она и появилась 15 декабря 1862 г. (№ 50). Подробно изложив книгу Благовещенского, Иванов суммирует выводы автора следующим образом: «Его сочинение должно служить доказательством, что дворяне не слишком много ошибались, говоря, что «они завладели землей только с освобождением крестьян.»²⁵ В подтверждение этой точки зрения Иванов приводит также рецензию на книгу, напечатанную в приложении к № 40 «*Revalsche Zeitung*». Рецензент, отметив, что в сущности книга «содержит истину, и сущность эта именно <...> крепостная зависимость, продолжающаяся в области права, несмотря на другое название и другую оболочку», указывает на четыре момента, которыми обусловлены права личности. Это: 1) право владеть собственным имуществом, 2) право свободного передвижения, 3) право быть наказанным только по определению судьи и 4) равенство прав при обсуждении отношений и вопросов, вытекающих из гражданского состояния. Но в Прибалтике, как совершенно верно показывает книга «Эстонец и его барин», крестьяне лишены этих прав, за исключением права владеть собственным имуществом.

Вкратце охарактеризовав точку зрения противников книги, Иванов отмечает, что сама полемика вокруг неё является следствием старинной вражды дворянства и городских элементов, среди которых много эстонцев, «с непримиримой, потомственной ненавистью к помещикам». Иванов обращает внимание на борьбу немцев и эстонцев, считая её одним из важнейших факторов общественной жизни края. Борьба эта носит пока неравный характер и будет таковой до тех пор, пока не укрепится хозяйственное положение эстонцев, пока они не станут «земельными собственниками». Указав на толки среди здешних «патриотов» по вопросу о том, германизировать ли эстонцев или сохранить их национальность, Иванов отмечает, что этот вопрос разрешается сам собой. «Как ни была эфемерна сорокалетняя свобода эстонцев, но всё-таки их элемент успел окрепнуть до того, что теперь уже заметно проявляется сознание и чувство национальности, чему не мало содействовала в последнее время издающаяся в г. Пернове эстонская газета. Вообще прошла уже пора германизирования эстонцев».²⁶

Как мы выше отмечали, Благовещенский не намечал никакой положительной программы. Иванов в своей статье не просто, вслед за книгой «Эстонец и его барин», констатирует бедственное положение крестьянина, но и намечает возможную программу действий: «По-моему, едва ли несправедливо было бы предоставить и здешним крестьянам те же права, какие даны

²⁴ См. передовую статью и корреспонденцию из Риги в № 34 «Дня» (2. VI. 1862). О них ниже.

²⁵ День, 15. XII. 1862, № 50, стр. 9.

²⁶ Там же, стр. 14.

манифестом 19 февраля 1861 г. русскому сельскому населению; но вряд ли настоящее поколение эстляндских дворян решится на такую жертву».²⁷ Это очень важное предложение Иванова, оно будет многократно повторяться, подробно аргументироваться русскими публицистами на протяжении многих лет при обсуждении в русской печати положения в Прибалтике.

Книга Благовещенского вызвала и ряд других откликов в русской прессе. В «Земледельческой газете» (19. V. 1862, № 20) появилась положительная рецензия на книгу. Подробное изложение книги было дано в «Современном слове» (17. X. 1862, № 111) в анонимной статье «Для общего сведения (Положение лифляндских и эстляндских крестьян)». Вслед за тем труд Благовещенского будет часто фигурировать в статьях и книгах многих авторов; ещё в конце 1860-ых гг. публицисты нередко будут аргументировать свою точку зрения, ссылаясь на данные этого труда.

Книга «Эстонец и его господин» разъяснила очень многое для русской общественности. В этом отношении интересно сравнить отклики на книгу с первой статьёй о положении прибалтийского крестьянства в русской печати 1860-ых гг. Мы имеем в виду опубликованную в «Русском Инвалиде» (8. XII. 1861, № 273) переводную (из «Baltische Monatsschrift», 1860, т. II) статью «О пролетариате между лифляндскими и эстляндскими крестьянами». В статье отмечается крайняя отсталость крестьянского хозяйства, нищета и бедность крестьян. Это объясняется отсутствием земельной собственности у крестьян, их эксплуатацией. Автор видит всё усиливающийся процесс пролетаризации крестьянства и даже склонен допустить наследственное владение крестьян землёй, как средство против этого мучительного для них процесса. Но, вместе с тем, во всех бедах он склонен скорее винить крестьян, чем помещиков, их темноту и невежество, хотя из приведённых им фактов видно, что истинная причина бедствий земледельцев — в хозяйственных и социальных условиях их жизни. Эстонцы и латыши, по мнению автора, неисторические нации, лучший выход для них — онемечение. После откликов на книгу Благовещенского такое объяснение причин тяжёлого положения крестьян будет уже невозможным.

Русская печать довольно внимательно следила за всеми выходящими по цензурным соображениям за границей брошюрами, посвящёнными положению крестьянства в Прибалтике. Не имея возможности близко познакомиться с нищетой и необеспеченностью прибалтийского крестьянства на месте, не сумев ещё установить связей с корреспондентами из коренного населения, редакции газет и журналов тем охотнее прибегали к материалам этих изданий. Отсюда, например, внимание к известной

²⁷ Там же, стр. 11.

брошюре О. Рутенберга «Mecklenburg in Kurland» (Leipzig, 1863). В этой также шумевшей брошюре, хоть и в несравненно менее острой форме и на несравненно меньшем фактическом материале, чем в книге «Эстонец и его господин», критиковались поземельные отношения в Курляндии, законодательство о крестьянстве, лишившее его земли и всех прав. При этом нужно учесть, что крестьянский вопрос в Курляндии носил особенно острый характер ещё и потому, что местное дворянство вплоть до начала 60-ых гг. в принципе отказывалось продавать крестьянам землю; именно здесь захваты крестьянских земель помещиками, превращение арендаторов в батраков приобрели особо массовый характер. Всё это дало основание О. Рутенбергу, либеральному публицисту из остзейских немцев, сравнить Курляндию с Мекленбургом, где крестьянство почти полностью было лишено земли, что привело ко всеобщему разорению страны, даже к убыли народонаселения, к падению доходности земли. Такое же будущее Рутенберга предсказывал и Курляндии в том случае, если местные дворяне не «одумаются» и не облегчат положения крестьян.

В «Библиотеке для чтения» (1863, май, стр. 51—57) появилась рецензия на брошюру, носящая откровенно антиостзейский характер.

Отклики на брошюру появились и в других изданиях (см., напр., «Современное слово», 6. IV. 1863, № 73). На брошюру откликнулся и В. В. Иванов в своей статье, помещенной вначале в «Кронштадтском вестнике» 6 сентября 1863 г., а позже перепечатанной в «Дне» (21. IX. 1863, № 38).²⁸ В этой статье он, впрочем, как это обычно для него, не ограничился лишь рецензией на «Mecklenburg in Kurland», а затронул несравненно более широкий комплекс проблем, касающихся прибалтийского края. Он опять коснулся здесь вопроса о преобразовании устарелого городского устройства Ревеля, об остзейских порядках и их защитниках. «Всё здесь делается тайно. Привилегированные классы всячески стараются сохранить свои привилегии, и

²⁸ Откликов на брошюру Рутенберга, как и на книгу «Эстонец и его господин», конечно, появилось бы значительно больше, если б не цензурные затруднения. Ср. высказывание Ю. Ф. Самарина: «Прежде, чем она улетучилась, брошюра Рутенберга попала в редакцию «Петербургских Ведомостей», которая изготовила об ней статью и собралась её напечатать: но министр внутренних дел, проведав об этом, призвал к себе редактора и потребовал от него, чтобы он отложил свое намерение, дабы не возбуждать в русской публике неблагоприятных толков о Балтийском крае и не подавать повода к сравнению условий выкупной операции в тех губерниях и в России» (Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. 8, М., 1890, стр. 16).

Кстати, В. В. Иванов, как явствует из его статьи, перевёл брошюру О. Рутенберга, на русский язык, но его перевод не был опубликован. Между прочим, О. Рутенберг, видимо, находился в переписке с Н. И. Тургеневым — в архиве последнего (Рукописное отделение Института русской литературы АН СССР — в дальнейшем сокращенно РО ИРЛИ — ф. 309, № 5018) хранится его письмо от 27 января 1862 г.

если делают небольшие уступки, требуемые духом времени и часто невыносимым положением угнетённых классов, то за то почти ни одна из этих уступок не обойдётся без какой-нибудь закорючки»,²⁹ — замечает Иванов. Особое внимание в своей статье он уделяет вопросу образования крестьян, говорит о нерадении помещиков к народному образованию, «нерадении, в котором как бы проглядывает преднамеренное желание оставить крестьян в их загрубелом состоянии для того, чтобы они не могли освоиться с идеями, выработанными новейшей цивилизацией о свободе и равноправности людей, и не сделались слишком требовательными». В этой связи Иванов рассказывает о статьях пасторов в «*Rev. Zeitung*» на тему: «*нужно ли образование простому народу?*» «И такого-то рода вопросы задают себе остзейские немцы, почему-то называющие себя цивилизаторами России!»³⁰ — с возмущением восклицает Иванов.

Критика остзейской системы народного образования с самого начала полемики по остзейскому вопросу приобрела совершенно особый смысл потому, что прибалтийская печать неизменно доказывала особую культуртрегерскую миссию немцев в России, несущих якобы свет цивилизации варварам-русским,³¹ и в связи с этим восхваляла и немецкую систему образования в Прибалтике, стоящую несравненно выше отсталой русской (см. статью Бульмеринга «Народные училища в Лифляндии» в «Журнале министерства народного просвещения», 1862, ч. СХVI, отд. I³²).

Вышеохарактеризованная статья В. В. Иванова была его последним принципиальным выступлением по остзейскому вопросу.

²⁹ День, 21. IX. 1863, № 38, стр. 12.

³⁰ Там же, стр. 13.

³¹ Об этой теории см.: Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. 1, Рига, Латгосиздат, 1949, стр. 153—161.

³² Впрочем, в «Журнале министерства народного просвещения» (в дальнейшем — ЖМНП) была помещена и переводная статья Фр. Фоке «О состоянии народных училищ в Эстляндии» (1862, ч. СХV, отд. 1, стр. 69—78; перевод из «*Allgemeine deutsche Lehrerzeitung*»), чрезвычайно резко критиковавшая систему народного образования в Прибалтике в связи с остзейскими порядками вообще. Система народного образования в крае не выдерживает никакой критики: школ мало, они находятся в плачевном состоянии и почти никого не могут дать ученикам. Здесь невозможно ничего и исправить, ибо настоящую причину плохого состояния школ надо искать в бедственном положении крестьян. Описав полуголодное существование эстонских ребятишек, их жалкую повседневную пищу, их одежду и жилища, Фоке замечает: «Спрашивается теперь <...> может ли возбудиться желание заводить школы там, где крайние недостатки делают людей равнодушными и подавляют в них всякую любовь к просвещению?» (стр. 74). Резкой критике в статье подвергается и местное дворянство, отстранившееся от забот о просвещении народа. Между прочим, в статье критикуется и эстонская печать за её скучный морализаторский характер и пустоту содержания. Критику остзейской системы народного образования мы встречаем и в другой корреспонденции из Ревеля в «Морском сборнике» (1862, январь, стр. 62—68), видимо, принадлежащей не В. В. Иванову.

Статья вызвала возражения барона П. Гершау (о нём см. ниже) «Ответ остзейца г. Иванову» (День, 11. IV. 1864, № 15), в котором он «доказывал», что положение крестьян в остзейских губерниях совсем не «несчастное»: крестьяне свободны, обладают рядом неоспоримых прав, в числе которых особо подчёркиваемое автором право быть судимым мирским судом общины (т. е. судом самих крестьян). И. С. Аксаков снабдил это ироническим замечанием от редакции: «А земля, г. барон, земля-то как? Наделён ли у вас крестьянин землёю в полную собственность, освобождён ли от барщинских повинностей за пользование, выкуплены ли эти повинности? Отчего бы просвещённому дворянству не наделить крестьян землёю, как в русских губерниях, и не ввести у себя обязательного выкупа?»³³ Далее Гершау расписывал усилия остзейского дворянства по образованию крестьян. Редакция в примечании отметила, что она будет ждать ответа Иванова.

Иванов написал большой и аргументированный ответ Гершау, необходимость которого он мотивировал в письме к И. С. Аксакову от 25 мая 1864 г. тем, «что надо же когда-нибудь поговорить с остзейцами по-подробнее, а не ограничиваться голословными утверждениями <...> Наша прямая обязанность заботиться о благе народностей, подвергнутых ходом исторических событий нашему владычеству, — немцы в настоящее время более чем когда-либо подумывают устроить из Прибалтийских губерний германский уголок, германизируя латышей и эстонцев <...> и, таким образом, угрожают нам со временем тяжкими заботами и неприятностями».³⁴ Иванов прислал И. С. Аксакову приложить все усилия, чтобы провести статью через цензуру. Но это, видимо, не удалось — статья не появилась.

Полемика же вокруг последней статьи Иванова продолжалась. Барон Гершау прислал «Ответ редакции «Дня» на её примечания» (День, 16. V. 1864, № 20), где он доказывал, что в силу исторически сложившейся в Прибалтике системы отдельных ферм, сдающихся в аренду и рассчитанных на использование наёмной рабочей силы, наделение крестьян землёй здесь невозможно. Это было бы несправедливостью по отношению к батракам, составляющим $\frac{9}{10}$ крестьянского населения, ибо по логике вещей землею надо было бы наделить арендаторов. Единственный выход — постепенное приобретение земли богатыми арендаторами, не ломающее сложившейся системы хозяйства. Редакция «Дня» не осталась в долгу и тут же ответила Гершау выписками из статьи П. Ш<ульца> «Лифляндские крестьяне и вновь изданное для них положение», опубликованной в «Журнале министерства государственных имуществ»

³³ День, 11. IV. 1864, № 15, стр. 18.

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 237, лл. 389—389 об.

(1863, №№ 4, 5, 8 и 9), где с умеренно-либеральных позиций критиковалось остзейское законодательство о крестьянстве.

В это же время и также в силу чисто внешних препятствий для Иванова оказались закрытыми и страницы «Морского сборника» и «Кронштадтского вестника». Об этом он прямо писал: «Последнюю мою корреспонденцию в «Кроншт. Вестнике», напечатанную в сентябре 1863 г., в которой я, между прочим, говорил об отношениях помещиков к крестьянам в прибалтийском крае, я окончил словами «до следующего письма», имея в виду напечатать в скором времени другое письмо в том же духе. Но, несмотря на мою готовность в этом отношении, желание моё не могло исполниться по независящим от меня причинам; также как не могло быть, не по вине редакции «Вестника», напечатано возражение на статьи, вызванные моею сентябрьскою корреспонденцию, в двух ретроградных газетах балтийской прессы»³⁵ («Rigasche Zeitung», «Dorpat. Tagesblatt»). Последующие немногочисленные корреспонденции Иванова в этих изданиях носят подчёркнуто нейтральный информационный характер.

В. В. Иванов, как мы видели, был одним из первых, кто выступил против средневекового устройства остзейских городов, в силу которого вся власть в них оказывалась в руках небольшой привилегированной верхушки бюргеров, не допускавшей к управлению широкие слои городского населения, в особенности латышско-эстонского и русского. Этот вопрос позже, в 1864—1865 гг., станет одним из ведущих при обсуждении остзейского вопроса. Пока он представлен несколькими статьями в «Кронштадтском вестнике» и «Дне».

В «Кронштадтском вестнике» (24. V. 1862, № 40) появилась корреспонденция директора Кренгольмской бумагопрядильной фабрики в Нарве Э. Кольбе «Из прибалтийских губерний», в которой также подвергалось критике средневековое устройство прибалтийских городов. Автор замечает, что для прикрытия корыстных интересов бюргерской верхушки, выступающей против преобразований, в Прибалтике обычно выдвигается лозунг: «Немецкому элементу предостоят опасность от русских и латышей, если мы удовлетворим требованиям нынешнего времени».³⁶ В качестве примера Э. Кольбе приводит Нарву, «где благосостояние и вместе с тем несчастье города зависят от двух-трех немецких семейств, которые, под предлогом защиты немецкого элемента против угрожающей ему опасности со стороны существующего там русского элемента, при каждом случае упускают из вида законы чувства, справедливости и равноправности в отношении к русским».³⁷

Аналогичную критику рижских порядков, лишаящих русских, которых здесь более 20 000, всех прав в городе и не допускающих их к управлению, мы находим в отмеченных уже выше передовой статье и корреспонденции в «Дне» (2. VI. 1862, № 34) «Рига, 19 мая 1862». В корреспонденции приводились

³⁵ Кронштадтский вестник, 8. V. 1864, № 53, стр. 210—211.

³⁶ Кронштадтский вестник, 24. V. 1862, № 40, стр. 156.

³⁷ Там же.

факты притеснений, которые чинят местные власти русским купцам, указывалось на стеснительное положение русского языка в Прибалтике, игнорируемого местными немцами. Передовая же статья обратила на себя внимание Александра II, о чём мы узнаём из несколько более позднего официального письма генерал-губернатора В. К. Ливена министру внутренних дел П. А. Валуеву от 15. I. 1863: «Г. Министр Народного Просвещения отношением от 8-го июня 1862 года за № 1076 уведомил меня, для надлежащего руководства, что государь император, обратив внимание на статью об остзейских немцах, напечатанную в № 34 газеты «День», вследствие статьи о славянофилах, помещённой в «Рижской газете», соизволил собственноручно отметить: «эту полемику желательно бы прекратить. Пользы она никакой принести не может, а только еще более возбудит обоюдные нарекания».³⁸

Мелкие же нападки на устарелое устройство городов Прибалтики, обычно связываемые с критикой остзейских порядков в целом, впрочем, довольно часты в русской печати уже и в этот период. Сошлёмся хотя бы на пример «Биржевых ведомостей», поместивших в № 51 за 1863 г. статью «Рижские немцы и евреи», где критикуется преследование евреев немецкими бюргерами и в то же время осмеиваются особенные условия местного быта, здешнее немецкое общество, заражённое «фанатизмом» и «предрасудками», не сочувствующее прогрессивному движению русского общества и старающееся противодействовать исполнению «гуманных намерений» правительства. Статья вызвала формальную жалобу остзейского генерал-губернатора министру внутренних дел П. А. Валуеву.³⁹

Большой интерес представляют статьи Андрея Васильева (А. В. Фрейганга) в «Кронштадтском вестнике» и в «Дне», посвящённые латышскому национальному движению и его органу газете «Петербургас Авизес». Эти статьи носили подчёркнутый характер защиты младолатышского движения от остзейцев, они стремились вызвать сочувствие в русском обществе к национальному возрождению латышей, к их национальным чаяниям. Андрей Васильев стремится доказать, что это движение носит прорусский характер, и русское общество, российские власти обязаны поддержать его в целях противодействия германизации, посягательствам немцев на то, чтобы оторвать Прибалтику от России. При этом автор проявляет незаурядную осведомлённость в латышских делах, что при незнании им латышского языка (в этом он сам признавался в одной из статей),

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 8. «Дело Центрального управления по цензурному ведомству по отношению Рижск. В<оенного> Губернатора о прекращении полемики с немецким населением Остзейского края», лл. 4-4об.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 96, «Дело Центрального управления по цензурному ведомству по отношению Лифл. Г. Губернатора о статье «Рижские немцы и евреи», помещ. в № 51 «Бирж. Вед.»

может быть объяснено лишь личными связями А. В. Фрейганга с деятелями латышского национального движения, вероятнее всего, с К. Вальдемаром — их связывали общие интересы: организация русского торгового флота.

В № 85 (28. IX. 1862) «Кронштадтского вестника» Андрей Васильев опубликовал рецензию на «Петербургас Авизес», в которой подчеркнул серьёзный характер газеты, стремление её просветить латышей, в противовес чисто религиозному характеру двух уже существовавших латышских газет. Но основное внимание здесь, как и в следующей статье «Возникающая латышская литература и её антагонисты» (11. XI. 1862, № 104), уделено нападкам остзейцев на новый орган.

«Газета не совсем по сердцу одной немецкой партии, которая из личных своих видов очень не рада её появлению. Этой партии гораздо выгоднее, чтобы к латышам не проникали лучи просвещения, и потому очень натурально, что она всеми силами старается показать бесполезность и даже вред такого издания. Может быть, благодаря действиям и интригам этой партии, новая газета и не будет иметь возможности затронуть и коснуться некоторых важных вопросов гражданского быта латышей, может быть ей и придется ограничиться пределами более тесными, чем того желала бы редакция, <...> как бы то ни было, мы совершенно убеждены в огромной пользе, которую «Peterburgas Awises» доставит своим многочисленным читателям»⁴⁰, — писал А. Васильев. «Степень негодования, возбуждаемая в известной партии новою газетою, может служить отличным доказательством и мерилом достоинства этой последней».⁴¹

Нападки немцев объясняются во второй статье «славянским направлением» газеты и опасениями их перед национальным движением латышей, которых остзейцы стремятся германизировать. «Однако, по-видимому, сами латыши думают совсем не так; они понимают важность самостоятельного развития и вовсе не расположены чуждаться своей национальности».⁴² Об этом свидетельствует их сочувствие «Петербургас Авизес», которая приобрела уже 4000 подписчиков. И далее А. Васильев выражает своё сочувствие идее национального возрождения и развития народов России вообще, с симпатией говорит о пробуждении национальных стремлений финнов, грузин, армян. Это тем более важно подчеркнуть, что через год в большей части русской печати установится консервативное убеждение в опасности национальных движений с точки зрения государственного единства.

Опасениям А. Васильева относительно «Петербургас Авизес» суждено было сбыться. Уже в конце 1862 г. цензура её

⁴⁰ Кронштадтский вестник, 28. IX. 1862, № 85, стр. 353.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, 11. XI. 1862, № 104, стр. 429. Обе статьи А. Васильева из «Кронштадтского вестника» были переведены на немецкий язык и напечатаны в вышедшей анонимно известной книге видного деятеля младолатышского движения А. Спэгиса «Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Russlands», Leipzig, 1863, стр. 333—337. Эта книга, носившая ярко выраженный анти-остзейский характер, не могла быть из-за цензурных препятствий напечатана в России. В составлении книги принимал участие и Кр. Вальдемар.

была перенесена из Петербурга в Ригу, что крайне отрицательно сказалось на газете — прибалтийская цензура беспощадно запрещала всё, что имело сколько-нибудь актуальный политический характер. В связи с этим А. Васильев опубликовал новую статью в «Дне» (15. XII. 1862, № 50, в том же номере, где была помещена статья В. В. Иванова «Эстонец и его барин») — «Латыши и их литература», где он ещё раз вернулся к вопросу о преследованиях газеты остзейцами за её «славянофильство». Конечно, газета преследовалась немцами не только за это, но Васильеву важно было подчеркнуть именно этот момент, чтобы вызвать у читателей «Дня» сочувствие к латышам и их движению. «Латыши беспомощны. Они не в силах вступить в число образованных народностей <...> Латыши в родном краю лишены и духовной подпоры и материальной помощи. Немногие отдельные личности, получившие университетское образование, обладающие нравственною силою и энергиєю и не стыдящиеся сочувствовать бедственному положению своих собратий, не смогут ничего сделать для них, если господствующее и могущественное славянское племя русских не окажет им внимания и нравственного покровительства».⁴³ Автор недвусмысленно укорял правительство за то, что оно, в угоду прусской партии, санкционирует преследование газеты, ярко проявившееся в факте перенесения цензуры в Ригу.

Статья А. Васильева в «Дне» вызвала возмущение остзейцев. Генерал-губернатор барон В. К. Ливен обратился с большим письмом к П. А. Валуеву. В этом письме он доказывал, что перенесение цензуры в Ригу было вызвано не поисками «ультра-немецкой партии», преследующей «Петербургас Авизес» за её «славянские» симпатии, а явилось следствием направления газеты, «обращённого в то время прямо против помещиков, духовных лиц и начальства, т. е. клонившегося к потрясению залогов общественного спокойствия».⁴⁴ В статье Ливен находил совершенно недопустимую критику правительственных распоряжений и, главное, возбуждение национальной ненависти. Указывая на волю императора, рекомендовавшего не допускать никакой полемики между русской и остзейской печатью, и всё время пугая Валуева опасностью этой полемики, которая якобы становится неминуемой из-за статьи Васильева, Ливен просил министра подвергнуть цензора и редакцию газеты «заслуженному взысканию» и в то же время принять меры к недопущению такого рода статей в будущем.⁴⁵ Эти меры были приняты по распоряжению Валуева, сторонника остзейских баронов, одного из руководителей проостзейской партии при дворе. Цензору было поставлено на вид. Надзор за аксаковским «Днём»

⁴³ День, 15. XII. 1862, № 50, стр. 15.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 8, л. 3 об.

⁴⁵ Там же, лл. 4—5.

был усилен.⁴⁶ В Центральном управлении по цензурному ведомству было заведено специальное дело «О прекращении полемики с немецким населением Остзейского края».

Этими фактами, в основном, исчерпывается обсуждение остзейского вопроса в русской печати 1861—1863 гг. Как видим, количество статей по данному вопросу пока ещё невелико. Положение в Прибалтике ещё не стало в центре внимания русской прессы. Не случайны горькие сетования В. В. Иванова и автора статьи «Для общего сведения» на равнодушие и невнимание русского общества и прессы к положению в остзейском крае.⁴⁷ Круг органов печати, проявляющих к этому интерес, невелик — «День» И. С. Аксакова, «Морской сборник», «Кронштадтский вестник», да нужно учесть, что и эти издания не имеют особо широкого распространения. Ведущие органы печати, как реакционные и либеральные, так и демократические, в основном, ещё молчат.

Также ограничен пока и круг рассматриваемых вопросов, он далеко не охватывает всего комплекса сложной остзейской проблемы. Но всё же некоторые важные вопросы уже поставлены. Поставлен вопрос о тяжёлом положении прибалтийского крестьянства и о причинах этого, сделана попытка наметить меры ликвидации ненормального состояния прибалтийского крестьянина. Этот раздел остзейской проблемы будет привлекать пристальное внимание русской публицистики на протяжении всех 1860-ых гг. Поставлен вопрос об устаревшем феодальном устройстве городского управления в Прибалтике и о необходимости его изменения. Подвергнута критике остзейская система народного образования. В связи со всем этим, в самом общем виде намечен вопрос об особом остзейском режиме, как определённой общественной системе, утвердившейся в Прибалтике и противоречащей как передовым идеям современности, так и интересам большинства в крае и в целом государстве. В полной мере этот вопрос будет развит в 1864—65 гг.

Органы русской печати в своей критике остзейских порядков (защитников особого остзейского режима в русской прессе с самого начала почти не было) пока ещё редко основываются на сведениях из самого края, на фактах, взятых из самой жизни. Они чаще заимствуют факты из других печатных источников — из бесцензурной заграничной печати, из

⁴⁶ И. С. Аксаков писал М. О. Кояловичу 3. II. 1863: «Валуев, либеральная у Вас в П<етер>бурге, меня жестоко преследует: так он на прошедшей неделе прислал две бумаги; одну — выговор цензору за статью, помещенную в «Дне» месяца два тому назад («Латыши и их литература»); другую — подтверждение цензуровать «День» еще строже, так как очевидно (сказано в бумаге), что редактор руководствуется при оценке своих статей воззрениями, совершенно противными цензурным постановлениям» (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 22, л. 27 об.).

⁴⁷ См.: День, 21. IX. 1863, № 38, стр. 12; Современное слово, 17. X. 1862, № 111, стр. 449.

прибалтийской прессы. Это ограничивает возможности русской печати. Но уже начинаются поиски местных корреспондентов, устанавливаются связи с деятелями латышского и эстонского национальных движений.

Широкому обсуждению остзейской проблемы мешают и цензурные трудности, менее существенные для следующих этапов обсуждения.

Но уже во всём ощущается преддверие будущей ожесточённой полемики, будущего бурного обсуждения положения в Прибалтике. Это тонко чувствуют остзейцы и их органы печати.⁴⁸ Они принимают активные меры по предотвращению этого крайне опасного для них обсуждения. В то же время, чувствуя своё бессилие в этом отношении, они задумываются над тем, как лучше дать отпор органам русской прессы. Остзейское дворянство решает на свой счёт нанять специального корреспондента, в задачу которого входило систематическое наблюдение за русской печатью и написание возражений на антиостзейские статьи русских газет и журналов. На этот пост был избран уже знакомый нам барон П. Гершау.⁴⁹ В то же время принимаются меры к тому, чтобы приобрести и влияние хотя бы на один орган русской прессы. В этой связи симптоматичным является присутствие лифляндского предводителя дворянства князя П. Ливена на собрании учредителей газеты «Русский листок», где он выступил с программными соображениями о характере издания.⁵⁰ «Русский листок» просуществовал недолго, его место заняла крайне правая «Весть», единственный орган русской печати, открыто защищавший остзейские порядки.

3.

1864—1865 гг. — первое значительное оживление в обсуждении остзейского вопроса. Оно сменилось кратковременным периодом падения интереса к Прибалтике в 1866 г., вызванном рядом внешних причин, с тем, чтобы это обсуждение, возобновившись в следующем 1867 г., достигло апогея в 1868—1869 гг. и, в основном, исчерпало себя в этот период. Хотя оживлённейшее обсуждение положения в Прибалтике продолжается и в 1870-ых гг., да и позже, но к 1869 г. все основные проблемы остзейского вопроса уже поставлены и в теоретическом плане, в той мере, в какой это могла сделать русская печать, разрешены. Мы в данном случае говорим, конечно, о наиболее общих проб-

⁴⁸ Показательна статья в «Rigasche Zeitung» от 21. IV. 1862, № 91, «Партии в России», где с сожалением отмечается, что, в сущности, все органы русской печати, за исключением «Северной почты», «Биржевых ведомостей» и «Нашего времени», откровенно враждебно настроены по отношению к остзейским порядкам.

⁴⁹ Материал об этом находим в неопубликованном дневнике лифляндского предводителя дворянства П. Ливена. См. Н. Кг и с, ук. соч., стр. 94.

⁵⁰ Там же, стр. 97.

лемах прибалтийской жизни, характерных для длительного периода её развития, отвлекаясь от тех новых проблем, которые поставила прибалтийская действительность 1870—80-ых гг.

Чем было вызвано оживление в обсуждении остзейского вопроса в 1864—65 гг.? Причин здесь несколько.

Основная заключалась в том пристальном внимании, которое обратили на все русские окраины и общество и правительство в связи с польским восстанием. Польское восстание, вызвавшее известный подъём шовинистических настроений в буржуазно-дворянском обществе, направившее усилия правительства в сторону укрепления связей «окраин» с центром (это осуществлялось методами откровенного русификаторства), показало опасность сепаратизма для царской России. «На окраинах России, особенно Северо-западной и Балтийской, пахнет гарью. В одном месте недавний пожар не совсем потушен <...> В другом месте накопляются горючие материалы и безымянные корреспонденции, рассылаемые оттуда во все иностранные газеты, грозят нам всякими бедствиями»,⁵¹ — писал несколько позже Ю. Ф. Самарин.

Именно в этот период вырабатывается катковская теория российской государственности, вскоре получившая широчайшее распространение, усвоенная не только представителями официальной науки (ср. труды А. Д. Градовского) и большинства русской прессы, но очень скоро и правительством. Согласно этой теории основу государства составляет его целостность, которая базируется на единстве государственной национальности. Национальность, по Каткову, понятие исключительно государственное; племенное происхождение, язык, исторически сложившиеся особенности характера, нравов и обычаев, религия здесь никакой роли не играют. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основу государства, объединяет вокруг себя и подчиняет себе другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной нации, и государство, собственно, держится только на нём. Принцип государственной национальности как основы единства страны не требует, как считал в 1860-ых гг. Катков, от других «племён», вошедших в состав государства, отказа от своего языка, обычаев, религии, племенных особенностей, но требует единых законов, единой системы управления, единого государственного языка — русского — и единого — в применении к России русского — «патриотизма». Главная опасность для российского государства именно в сепаратизме, в стремлении отдельных «племён» выдвинуться в самостоятельные нации, обособиться в отдельные государства или войти в состав другого государства; последнее особенно опасно. Катков, по крайней мере, на словах считал сепаратизм опаснее для России, чем войну и даже рево-

⁵¹ Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. 8, стр. 6—7.

люцию. В передовой «Москва, 9-го ноября» (Московские ведомости, 10. XI. 1864, № 246) Катков задаёт вопрос — к каким приёмам лучше всего прибегнуть врагам России для её ослабления? Война и революция ему кажутся или не столь вероятными или, вернее, не столь опасными, как доктрина, согласно которой «прогресс русского государства требует раздробления его области по-национально на многие чуждые друг другу государства, должностующие тем не менее оставаться в тесной связи между собой».⁵²

Польское восстание, новая теория российской государственности, опасность сепаратизма — всё это привлекло внимание русской прессы и к Прибалтике, к особому остзейскому режиму, резко отличавшемуся от общегосударственного устройства России. После польского восстания это казалось крайне опасным Каткову, газета которого «Московские ведомости» выдвигается в этот период в число самых влиятельных в реакционном лагере органов русской прессы. Катковские опасения к концу 1860-ых гг. были усвоены и большинством представителей либеральной прессы, чему способствовали и откровенные призывы немецкой печати, как остзейской, так и заграничной, к германизации Прибалтики и её коренного населения. Именно с этих позиций идёт критика остзейских порядков в русской печати 1860-ых гг.

В сущности, сопоставление Прибалтики с Польшей, а остзейского вопроса с польским было лишено основания. В Польше русский царизм боролся с народно-освободительным движением, которое Катков, правительственная да и либеральная пресса в демагогических целях стремились представить как чисто «шляхетное», аристократическое (оттенок «шляхетности» присутствовал в восстании, но он не был главным). «Защита» польского мужика от польского пана, которая утверждалась на словах правительством и «Московскими ведомостями», была откровенной демагогией, особым приёмом борьбы с революцией.

По-другому обстояло дело с Прибалтикой. Здесь Катков с шовинистических позиций русской дворянско-буржуазной государственности боролся с остзейским немецким рыцарством и бюргерством, которые действительно были основными угнетателями латышского и эстонского крестьянства. Катков, стоявший

⁵² Московские ведомости, 10. XI. 1864, № 246. В этой связи характерно, что самый влиятельный противник Каткова по остзейскому вопросу (как, впрочем, и по ряду других) министр внутренних дел П. А. Валуев, систематически преследовавший в 1864—65 гг. катковский орган «Московские ведомости», был, видимо, сторонником другой теории российской государственности. «Выдумывать о каком-то сепаратизме в остзейском крае может только русская пресса, не понимая того, что Россия есть ядро гомогенное, окруженное ядрами гетерогенными и одаренная силою не центробежною, но центростремительною», — говорил он С. П. Зыкову, редактору «Русского Инвалида». См.: С. П. Зыков. Наброски из моей жизни, Русская старина, 1910, июнь, стр. 522.

на консервативных позициях, всё более склонявшийся к открытой реакции, конечно, не склонен был выступать в защиту эстонского и латышского крестьянства, думая, в первую очередь, о русификации Прибалтики, обрусении её народов. Однако объективно его борьба с остзейцами в ту пору была на пользу эстонцам и латышам, что создавало возможность союза между деятелями местных национальных движений, к тому же ещё неопытных в политике, исполненных наивных царистских иллюзий, и Катковым. В Польше ничего подобного быть не могло. Там Катков и объективно и субъективно мог выступать в роли только противника польского национального движения.

В данном вопросе мы имеем дело с одним из интереснейших противоречий исторического процесса 1860-ых гг. Катков, сыгравший столь реакционную роль в России, ярый сторонник жестокого подавления восстания в Польше, выступая с тех же позиций и по остзейскому вопросу, в 1860-ые гг. объективно оказывается союзником эстонского и латышского крестьянства в борьбе с остзейскими баронами. Другое дело, что этот союз был временным, он не был до конца основан на общности интересов — конечные цели союзников далеко не совпадали. Но само наличие этого союза показывает, что по своему существу польский и остзейский вопросы были различны. Их объединение было основано не на действительных фактах жизни, а лишь на теоретической догме Каткова. Впрочем, опасность остзейского сепаратизма была вполне реальной.

Эту опасность особого остзейского режима, остзейского сепаратизма для государственного единства России усиливало открытое тяготение прибалтийских немцев к Пруссии, значительно укрепившейся в это время и ставшей центром объединения Германии. В Пруссии уже в это время раздавались голоса, требовавшие «*Drang nach Osten*» и заявлявшие о том, что Прибалтика есть германская земля, которая рано или поздно должна войти в состав возрождающейся Германии. Этот аспект остзейского вопроса будет в полной мере осознан русскими публицистами позже, в 1866—1868 гг., но он чувствуется уже и в эти годы.⁵³

Но была и другая важная причина, привлекавшая внимание русской печати к Прибалтике. Это — неудовлетворительное положение эстонского и латышского крестьянства, ярко проявлявшееся в самых различных формах недовольства крестьян — то в форме открытых выступлений, то в форме религиозного движения и переселения, то в форме подачи прошений высшим властям.⁵⁴ Эти факты недовольства и открытого протеста крестьян были хорошо известны русской прессе. Особенно хорошо

⁵³ См., напр.: Московские ведомости, 19. XI. 1864, № 254, 21. X. 1865, № 230; День, 29. V. 1865, № 22. Эту опасность почувствовал и Аскоченский — см.: Домашняя беседа, 2. X. 1865, № 40.

⁵⁴ См.: История Латвийской ССР, т. II, Рига, изд. АН ЛССР, 1954, стр. 15—36; История Эстонской ССР, Таллин, Эстгосиздат, 1958, стр. 249—250.

она была знакома с прошениями эстонцев и латышей — одной из важнейших форм выражения крестьянского недовольства, в которых впервые систематически были изложены экономические и общественно-политические требования крестьянских масс.⁵⁵

Неудовлетворительное состояние прибалтийского крестьянства, оказавшегося, в общем, даже в худшем положении, чем русское, при уничтожении крепостного права получившее хотя бы часть земли в свое пользование,⁵⁶ привлекает особое внимание либерально-буржуазных органов русской печати типа «С.-Петербургских ведомостей», «Русского Инвалида», позже «Голоса». Это опять же может быть объяснено только особенностями исторической обстановки 1860-ых гг. в России. В эпоху, когда в России в идеологической войне в обществе на первый план выдвинулась борьба революционных демократов и либералов, что делало очевидным общность последних с откровенно консервативными элементами, для либералов особенно важно было скрыть, замаскировать свою антидемократическую сущность, отделить себя от дворянской реакции, выступить в обществе в качестве сторонников прогресса. На материале русской жизни это было сделать не так просто: в России проводились либеральные реформы, которые всячески поддерживались либералами. Коренных преобразований, которых требовали народные массы, либералы не желали и опасались, вполне удовлетворяясь правительственными реформами. К тому же в это время, ввиду всё увеличивающейся опасности слева, опасности революции, критика правительственного либерализма справа, со стороны дворянской реакции, слабеет.

Другое дело — Прибалтика. Здесь необходимость преобразований ощущается самим правительством, и в то же время этим преобразованиям энергично препятствует откровенно реакционное остзейское дворянство. Немногочисленные крайне правые элементы русского дворянства, группирующиеся вокруг га-

⁵⁵ О прошениях эстонских крестьян и их значении — см. Н. Кг u i s, ук. соч., стр. 9—88. О знакомстве русской печати с этими прошениями см. следующие факты. На требования крестьян Феллинского и Перновского уезда ссылается «Русский Инвалид» в программной статье в № 19 от 24. I. 1865. Текст прошения 1864 г., в основном, составленный А. Петерсоном, был в руках редактора «Русского инвалида» С. П. Зыкова, последний опубликовал его позже в «Русской старине» (1899, декабрь, т. 100). Это же прошение было известно редакции «С.-Петербургских ведомостей», на что прямо указывается во многом основанной на его тексте первой статье «Крестьянский вопрос в остзейском крае» (19. XI. 1865, № 305). Наиболее полное изложение этого прошения находим в газ. «День» (4. XII. 1865, № 49) в статье В. И. Ламанского «Г. Безбардис и немцы». Текст прошения 1864 г. находим также в архиве Ю. Ф. Самарина — см.: Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем сокращенно РО ГБЛ), ф. 265, карт. 93, № 4.

⁵⁶ На это постоянно указывают в своих прошениях эстонские и латышские крестьяне, требующие распространения и на Прибалтику реформы 19 февраля 1861 г.

зеты «Весть», открыто выступают в защиту остзейцев. Требование решительных правительственных преобразований в Прибалтике, вполне безопасное с правительственной точки зрения, даёт возможность либералам проявить себя в роли сторонников прогресса и патриотов, отделить себя от реакционеров. Либеральная буржуазия, ничем не рискуя, могла здесь выступить в столь необходимом для неё облике защитника угнетенных народных масс — латышей и эстонцев Прибалтийского края.⁵⁷

Были и многочисленные побочные причины, вызывавшие интерес в русской прессе к положению в Прибалтике. Здесь нужно учесть усилия деятелей латышского и эстонского национальных движений (увидевших в русской прессе союзников в борьбе со своим основным врагом — остзейцами, особым остзейским режимом) активизировать полемику, обсуждение прибалтийского вопроса, использовать его в своих целях. Именно в этот период начинают всё чаще и чаще появляться на страницах русских газет статьи деятелей эстонского и латышского национальных движений. Кр. Вальдемар, вождь младолатышского движения, становится одним из активных русских публицистов.

Причиной обсуждения остзейского вопроса в некоторых органах правой журналистики (например, в «Домашней беседе» Аскоченского) и в духовных журналах были именно в этот период ставшие известными обществу факты преследования православия в Прибалтике со стороны местных властей и помещиков.

Для единственного органа русской печати, открыто порицавшего освобождение крестьян, уничтожение крепостного права, — газеты «Весть» — остзейский вопрос был вопросом об идеальной общественной системе, по пути которой должна бы пойти и Россия.

Толчком для начала активного обсуждения остзейского вопроса послужило выступление генерал-суперинтендента Ф. Вальтера при открытии лифляндского ландтага 9 марта 1864 г. В своей речи Ф. Вальтер, подчеркнув чисто-немецкий характер остзейского края, выступил с горячим призывом к германизации коренного населения Прибалтики, объявив это основным историческим долгом остзейцев перед своей родиной — Германией. Катков откликнулся на выступление Вальтера передовой статьей в № 97 «Моск. вед.» (2. V. 1864). Суть речи он изложил следующим образом: «Итак, постоянное возобновление немецкой народности в сношениях с Германией, сближение всех

⁵⁷ Этим объясняется (см. ниже) в целом отрицательное отношение к обсуждению остзейского вопроса демократических органов русской прессы — «Современника», «Дела» и др. В них неоднократно раздаются насмешки над сепаратизмом Каткова, над превращением остзейского вопроса в центральный вопрос российской жизни, при игнорировании действительно насущных проблем русской действительности в либеральной прессе.

слоёв немецкой народности в самой Лифляндии, дабы в этом крае могли раскрыться во всей полноте своей и во всём своем разнообразии отличительные свойства германского духа, наконец, постоянная ревностная германизация всего того, что вследствие прошлых упущений и недоразумений, фальшивых взглядов и чувствований осталось в Лифляндии не немецким — вот, по учению проповедника, главный интерес и долг лифляндского дворянства». В конце статьи Катков заметил, что этот призыв Вальтера совершенно противоречит интересам русского государственного единства, которое он видит в слиянии всех разнородных элементов страны. Долг же немца в России — по Каткову — в том, чтобы тот, «не разучиваясь своему языку и не изменяя своей вере, тем не менее, звал себя прежде всего русским и дорожил этим званием».⁵⁸

Каткову возражал на страницах «Моск. вед.» московский пастор Ферман, пытавшийся доказать, что остзейцев побуждает германизировать эстонцев и латышей «долг гуманности и христианской любви», ибо только онемечиваясь они могут выйти из своего незавидного состояния и приблизиться к культуре. В своём ответе Ферману («Моск. вед.», 17. V. 1864, № 109, передовая) Катков заметил, что если прибалтийские народы не способны к самостоятельному развитию и что «если школа и образование должны выводить этих людей из тесной доли скудного племенного существования и приобщать их к какой-либо великой исторической народности, то всего естественнее желать, чтоб они приобщались к народности русской», ибо Прибалтика часть российского государства. Германизация же туземцев ставит их в «двусмысленное и нестерпимое положение в будущем». В интересах единства государства и самих туземцев надо всеми мерами препятствовать германизации, надо ввести в Прибалтике русский язык, а народные начальные школы сделать латышскими или эстонскими, но ни в коем случае не немецкими. Нельзя «допускать, чтобы Германия совершала мирные завоевания в России и с помощью русского правительства захватывала целые массы иноплеменных народностей».⁵⁹ Как видим, уже здесь Катков достаточно откровенно раскрыл свои русификаторские планы — весь вопрос для него, в сущности, в том:

⁵⁸ Московские ведомости, 2. V. 1864, № 97. Интересно, что орган «почвенничества» «Эпоха», с одобрением пересказав в майском номере за 1864 г. статью Каткова и возражение ему на страницах «Московских ведомостей», выступила, исходя из своей теории «почвенничества», за полное обрусение немцев в России — это облегчит их жизнь в русской среде, усилит их связь с «почвой», окружающей их.

При оценке выше процитированной статьи «Московских ведомостей» нужно учесть, что эта статья претерпела большие изменения из-за вмешательства цензуры, которая вначале вообще не хотела пропускать ее в печать. См. об этом в письме Каткова к Валуеву от 7 июня 1864 г., Русская старина, 1916, июнь, стр. 353.

⁵⁹ Московские ведомости, 17. V. 1864, № 109.

германизировать или русифицировать «туземцев». Но, как мы увидим ниже, в сложной обстановке 1860-ых гг. его позиция не была столь прямолинейной и не сводилась к простому призыву к обрусению эстонцев и латышей, хотя в качестве конечной цели русской политики в России этот момент и подразумевался.

Каткову возражал также П. Гершау (Моск. вед., 6. VI. 1864, № 125). Всячески подчёркивая верноподданность остзейских дворян, он пытался доказать, что последние совсем не стремятся германизировать туземцев и что речь Вальтера выражает лишь его личное мнение. Катков ответил Гершау в том же номере, в передовой «Москва. 5-го июня». Он отметил, что речь Вальтера всё же выражает мнение хотя и не большинства остзейского населения, но значительной и влиятельной его части, органом которой является газета «Dorpatser Tagesblatt». Главная же опасность выступления суперинтендента состоит в том, что, по словам «Allgemeine Zeitung», «Доктор Вальтер возобновил воспоминания о *сопринадлежности* Прибалтийского края с Германией».⁶⁰ Отставание же русской культуры от немецкой, на которое обычно ссылаются остзейцы, оправдывая германизацию, Катков считает явлением временным и, главное, в факторах государственных не играющим существенной роли.

Речь Вальтера заставила Каткова с подозрением приглядеться ко всему тому, что происходило в остзейских губерниях. Причём всё, что он там видел, он склонен был преломлять сквозь призму остзейского сепаратизма. Так, его испугали слухи, проникшие и в прибалтийскую печать, о готовящихся в крае реформах, имевших целью объединить все немецкие сословия в крае и окончательно обособить Прибалтику от России. Как известно, разработанный вице-президентом гофгерихта В. Бокком (позже виднейшим остзейским публицистом) по инициативе ландмаршала Эттингена проект реформ предполагал создание особого верховного суда для остзейских губерний и создание объединённого балтийского ландтага, где были бы представлены и города — т. е. что-то вроде немецкого парламента в Прибалтике.⁶¹ Катков в ряде передовых статей резко выступил против этого плана объединения трёх остзейских губерний в единое целое, увидев в нём попытку создать в Прибалтике своеобразное государство в государстве со своим ландтагом — сеймом и верховным судом.⁶²

В этой связи Катков чрезвычайно настороженно отнёсся и к открытию центральной комиссии по судебной реформе в остзейских губерниях. Формально, по прямому смыслу правительственного распоряжения, эта комиссия должна была заняться

⁶⁰ Московские ведомости, 6. VI. 1864, № 125.

⁶¹ См. об этом: История Латвийской ССР, т. 11, стр. 98—99.

⁶² См. передовые статьи в след. номерах «Московских ведомостей»: 31. V. 1864, № 120; 9. VIII. 1864, № 175; 23. IX. 1864, № 208; 19. XI. 1864, № 254; 9. XII. 1864, № 270; 21. III. 1865, № 63.

вопросом о применении к Прибалтике нового общерусского судебного устройства. Но на самом деле комиссия с самого начала занялась выработкой особого остзейского проекта судебного устройства, основывающегося на местных особых законах и учреждениях и долженствующего усилить разобщение края с Россией. Катков в № 208 «Моск. вед.» (23. IX. 1864) решительно выступил против такого характера занятий комиссии, связав ее с попыткой объединения трёх губерний в своеобразное государственное целое и с попытками установления союза местного дворянства и бюргерства во имя защиты немецкой национальности.

Вышеохарактеризованный остзейский проект преобразований скрывался в тайне, и сведения о нём лишь изредка проникали на страницы прибалтийской печати. Катков тщательно фиксировал в своих статьях все эти сведения.

Зато его особенно заинтересовало включенное в полемических целях в книгу А. Спагиса «Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Russlands» письмо «бельгийско-курляндского» публициста Ф. (т. е., вероятно, небезызвестного барона Ф. И. Фиркса, Шедо-Ферроти). В «Моск. вед.» (19. XI. 1864, № 254) появилось подробное изложение письма. В нем автор предлагал остзейскому дворянству срочно провести либеральные реформы в крае (отказаться от ряда привилегий в пользу бюргерства, дать возможность крестьянам приобретать землю и т. д.), прежде чем их провело русское правительство. В процессе же проведения этих реформ он рекомендовал объединить все немецкие элементы края, соединить три губернии в единое целое, которое базировалось бы на немецкой национальной основе, и эти объединенные силы использовать для противодействия вторжению русских элементов во имя утверждения в Прибалтике немецкой национальности. Катков, сравнив взгляды автора письма с мыслями других остзейских публицистов, разбросанными по разным прибалтийским и заграничным изданиям, пришёл к выводу о наличии разработанного плана действий остзейского дворянства, который представляет большую опасность для России, ибо означает «развитие внутренней болезни целого состава» и подготавливает отторжение от России в пользу Пруссии целой области.⁶³ Катков даже не ограничился печатным высказыванием своих опасений, но подробно написал об этом П. А. Валуеву (см. вышецитированное письмо от 7 июня 1864 г., «Русская старина», 1916, июнь, стр. 353—354).

По мере развёртывания обсуждения положения в Прибалтике перед газетами стала задача выяснить *суть* остзейского вопроса. В чём именно состоит остзейская проблема? Ответы на этот вопрос давались разные.

⁶³ См. передовые «Моск. вед.» в №№ 254 и 270 (19. XI. и 9. XII. 1864).

Для Каткова и его «Моск. вед.» вопрос сводился к опасности остзейского сепаратизма, к опасности германизации Прибалтики, как несовместимых с интересами единства государства, ведущих к соединению края с Германией. Разрешение остзейского вопроса — в сближении Прибалтики с Россией во имя единого русского «патриотизма» в противовес начинающему утверждаться в крае патриотизму немецкому, во имя государственного единства.⁶⁴ При такой постановке вопроса остзейская проблема оказывается, по Каткову, лишь частью обширной политической игры, страшной тайной интриги, которая стремится сделать из единого российского государства государство типа Турции или Австро-Венгрии, т. е. лишить его единства. Остзейский вопрос для него в этом отношении общ с «малороссийским» стремлением к обособлению украинской «народности» от русской, с польской «интригой». При этом корни этой интриги, как кажется Каткову, не в России, а видимо, за границей — это какой-то международный заговор против России.⁶⁵

Понимание сути остзейского вопроса либеральными газетами и журналами было иным. Наиболее полно изложил свою точку зрения на этот вопрос «Русский Инвалид», один из ведущих антиостзейских органов печати 1864—65 гг., опиравшийся в своей критике остзейских порядков на поддержку военного министра Д. А. Милютина.⁶⁶ По мнению «Русского Инвалида», суть остзейского вопроса не в германизме и сепаратизме остзейцев, а в защите немецким меньшинством своих устарелых средневековых привилегий, потерявших теперь всякий смысл и тяжёлым бременем ложащихся на плечи коренного населения, составляющего абсолютное большинство в крае.⁶⁷ Всё то, что Катков склонен был объяснить остзейским сепаратизмом, «Русский Инвалид» объясняет корыстным эгоистическим сословным стремлением остзейского дворянства и бюргерства сохранить свои привилегии, опирающиеся на несправие, нищету и угнетение большинства. Путь к разрешению остзейского вопроса — в проведении трех реформ: создание крестьянской земельной собственности, введение равного и гласного суда, уничтожение неравенства в городах.⁶⁸ Вот три реформы, которые «не прини-

⁶⁴ См. программные редакционные статьи в №№ 103 (13. V. 1865), 230 (21. X. 1865), 275 (15. XII. 1865).

⁶⁵ Наиболее полно такое понимание остзейского вопроса изложено в передовой статье Каткова «Москва, 9-го июля» (Моск. вед., 10. VII. 1865, № 150).

⁶⁶ См. об этом: С. П. Зыков, ук. соч., Русская старина, 1910, июнь, стр. 483—523.

⁶⁷ Такое понимание остзейского вопроса дано в программных редакционных статьях в № 19 (24. I. 1865) и № 76 (10. IV. 1865); а также в неопубликованной статье «Что такое остзейский вопрос?» А. Б. Бушена (о ней ниже).

⁶⁸ Разъяснению этих реформ, доказательству их необходимости посвящено три основополагающих статьи «Русского Инвалида» по остзейскому вопросу — «Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях бал-

маются, замедляются, затягиваются всеми силами, потому что *они идут вразрез с привилегиями, потому что вместе с ними они существовать не могут, потому что оставшиеся средневековые привилегии отрицают всякую серьезную эмансипацию всего населения.*»⁶⁹

Наиболее полное изложение взглядов «Русского Инвалида» на остзейскую проблему в печать, правда, не проникло, оно было дано в докладной записке редактора С. П. Зыкова Д. А. Милютину в 1865 г. и в неопубликованной в своё время статье А. Б. Бушена «Что такое остзейский вопрос».⁷⁰ Бушен, показав, что остзейский вопрос не придуман русскими газетами, а существует реально в действительности, характеризует его здесь следующим образом: «Остзейский вопрос состоит в отмене векового противоречия, существующего в остзейском крае, между огромным большинством остзейского населения, состоящего из двух почти миллионов латышей, финнов, русских, большинства немцев, и привилегированным меньшинством, исключительно занимающим почти все местные должности, исключительно имеющим политические права. С особенною силою поднялся этот вопрос в последнее время, ввиду реформ русского правительства, ввиду того, что все в России могут владеть землёй, без ограничения места, ввиду судебной реформы и равенства перед законом, ввиду земских учреждений и свободы выборов в общественные должности».⁷¹ Это типичная точка зрения либералов на остзейский вопрос: остзейские порядки под-

тийского края» (I — 24. IX. 1864, № 211; II — 28. X. 1864, № 238; III — 17. I. 1865, № 13), подписанные Б.... Вероятнее всего, под этим псевдонимом скрывается Артур Богданович Бушен, статистик, видный деятель Географического общества, как явствует из вышеук. статьи С. П. Зыкова, автор большинства программных статей по остзейскому вопросу в «Русск. Инв.»

⁶⁹ Русский Инвалид, 24. I. 1865, № 19.

⁷⁰ И докладная записка и статья Бушена опубликованы (видимо, не полностью) в «Набросках из моей жизни» С. П. Зыкова (Русская старина, 1910, июнь, стр. 502—515). Статья Бушена имела интересную историю. Ввиду ее программного характера, Зыков не осмелился опубликовать статью под свою ответственность и отдал ее на проверку Д. А. Милютину. Тот сделал несколько мелких поправок и одобрил статью, но после некоторого размышления решил все же представить ее перед опубликованием императору. Из общего контекста «Набросков...» Зыкова, как будто, явствует, что статья была допущена царем в печать. Но этому противоречит то, что статья так и не появилась в «Русском Инвалиде», и как раз после представления ее императору со страниц «Русского Инвалида» вообще почти исчезают статьи антиостзейского характера. В воспоминаниях Зыкова вообще много неясности и путаницы, объясняемой то ли небрежностью редакции при обработке статьи, то ли старческой забывчивостью автора (статья писалась Зыковым в глубокой старости). Видимо, все же статья не была рекомендована императором к печати, более того, видимо, император наоборот сделал внушение Милютину относительно недопустимости в официальном органе военного министерства таких резких статей по остзейскому вопросу. Во всяком случае, в активном до тех пор антиостзейском органе печати со второй половины 1865 г. статьи по данному вопросу почти прекращаются.

⁷¹ Русская старина, 1910, июнь, стр. 508—509.

вергаются критике с позиции величайшей благотворности либеральных реформ 1860-ых гг. в России, не распространённых ещё на Прибалтику.

В статье Бушена интересна ещё попытка дать на основе корреспонденции газеты «Nord» сводку доводов остзейцев против преобразований в Прибалтике, предложенных русскими публицистами.

Точка зрения «Русского Инвалида» на остзейский вопрос близка к позиции «С.-Петербургских ведомостей» (кстати, позиция довольно зыбкой и неопределённой, как это вообще характерно для газеты) и «Голоса». Впрочем, «Голос», ставший во второй половине 1860-ых гг. активнейшим антиостзейским органом печати, длительное время занимал нейтральную позицию по остзейскому вопросу. Лишь с конца 1865 г., со статьи «Остзейское быть или не быть» (26. XI. 1865, № 327), его позиция по данному вопросу проясняется. В этой статье доказывалось, что остзейское «быть или не быть» означает: сохранить ли свои привилегии или утратить их. В этом и состоит сущность остзейского вопроса. Разрешение же его совершенно необходимо не только для русских, стремящихся к утверждению русских начал в Прибалтике, но особенно для латышей, которые пока ещё не в состоянии выразить в печати свои убеждения. Остзейский вопрос — это требование равенства для всех жителей Прибалтики.

С правительственной точки зрения, как она нашла выражение в официальном правительственном органе «Северная почта», остзейского вопроса не существует. Но было бы неверным утверждать на этом основании, что правительственная точка зрения носит апологетический характер по отношению к особому остзейскому режиму (такой характер носила только позиция «Вести»). Наоборот, в «Северной почте» нередко встречается критика многих сторон остзейских порядков. Так, например, в анонимной рецензии (26. и 27. V. 1865, №№ 111—112) на «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Лифляндская губерния» Ф. Веймарна отмечаются неодинаковые права русских и остзейских дворян, тяжёлое положение прибалтийских крестьян, объясняемое отсутствием у них земли, эксплуатация крестьян помещиками, приводящая к нерадению их о земле и т. д. Особенность правительственной точки зрения состояла в утверждении, что в Прибалтике нет необходимости в специальных мерах, коренных преобразованиях, здесь вполне достаточно упорядоченных постепенных улучшений, не затрагивающих основ исторически утвердившегося порядка.

Не существовало особого остзейского вопроса и с точки зрения остзейской публицистики. Этот вопрос, по её мнению, придуман русскими газетами. Прибалтийская и петербургская немецкая печать всё время стремится перевести вопрос в план на-

циональной ненависти русских к немцам, а заграничная печать идёт в этом отношении ещё дальше, рассматривая остзейскую проблему в плане сравнительного достоинства русских и немцев как наций. Все органы русской прессы многократно выступили против такого понимания вопроса.⁷²

Наиболее распространённой была либеральная точка зрения на остзейский вопрос, в ряде моментов смыкавшаяся с катковской (требование преобразований в крае по русскому образцу). В либеральной точке зрения, при всей её ограниченности, настолько очевидной, что мы не считаем необходимым специально останавливаться на данном вопросе, были однако и свои сильные стороны. Позиция Каткова приводила к рассмотрению, в первую очередь, политического и юридического аспекта остзейской проблемы (судебная реформа, вопрос о городском устройстве, о ландтаге и т. д.); не случайно вопроса о земле — без сомнения, основного в этой проблеме — Катков почти не затрагивает. Наоборот, позиция либералов требовала внимания не только к политической стороне проблемы, но и к аспекту экономическому, ибо остзейские привилегии упирались, в сущности, в аграрный вопрос, в вопрос о земле, о различных формах эксплуатации. Именно «Русский Инвалид», «С.-Петербургские ведомости» и «День» (занимавший, впрочем, особую позицию в обсуждении) подняли вопрос о земле, хотя, естественно, не могли его разрешить с народных демократических позиций. Этот вопрос можно было правильно разрешить, лишь став на революционную позицию, но, к сожалению, революционно-демократические и демократические органы печати в силу ряда причин, на которых мы остановимся во второй части нашей работы, почти не принимали участия в обсуждении остзейского вопроса.

4.

Крестьянский вопрос, вопрос о земельных отношениях был основным в Прибалтике. Русские публицисты, специализировавшиеся на остзейском вопросе, в общем, это понимали, хотя в силу либеральной ограниченности своих взглядов (а иногда и реакционности) не всегда склонны были выдвигать его на первый план. Но, как бы то ни было, проблема земельных отношений, тесно связанная с вопросом о положении латышей и эстонцев вообще, заняла видное место в обсуждении положения в Прибалтике в 1864—65 гг.

Вначале появляется ряд статей, посвящённых остзейскому крестьянскому законодательству, его истории. Эти статьи, во многом повторяя доводы, высказанные уже в 1861—63 гг., доказывали, что русское правительство неизменно стремилось улучшить положение местных крестьян, предпринимало ряд мер

⁷² См. передовые статьи «Моск. вед.», перечисленные в прим. 64, а также: Русский Инвалид, 10. IV. 1865, № 76 и многие другие.

в этом направлении, но все эти меры оказывались тщетными из-за организованного и систематического сопротивления остзейского дворянства, всеми силами пытавшегося сохранить свою полную власть над крестьянами, своё право на землю. Резко критикуется в них «освобождение» крестьян 1816—19 гг., доказывается, что и крестьянские законы 1849 и 1856 гг., «даровав» крестьянам ряд льгот, в сущности, на практике не улучшили их положение, как и последние правительственные распоряжения. Для авторов этих статей характерно стремление сопоставить крестьянское законодательство Прибалтики с русской реформой 19 февраля 1861 г., показать всю благотворность последней, показать, как страшно отстал остзейский край от России в разрешении крестьянского вопроса в результате этой реформы. Проводится мысль (в самой общей форме и не всегда прямо) о необходимости распространить и на Прибалтику основные положения реформы 19 февраля. Таковы статьи: в «С.-Петербур. вед.» — «Крестьянский вопрос в остзейском крае» (10. IV. 1864, № 81), «К вопросу о землевладении в остзейском крае» (2. V. 1864, № 96), «Ответ нашим остзейским собратам» (20. V. 1864, № 111); в «Русском Инвалиде» — «Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях остзейского края» (статья I, 24. IX. 1864, № 211) Б<ушена> и другие.

«Положения» 1849 и 1856 гг. должны были способствовать приобретению крестьянами земли в собственность, но на практике случаи выкупа земли до начала 1860-ых гг. были крайне редкими; да и в рассматриваемый период из-за высокой цены на землю, установленной помещиками, крестьяне в большинстве случаев не в силах были приобрести земельные участки. В связи с этим интересна развернувшаяся в конце 1864 — начале 1865 гг. на страницах «С.-Петербур. вед.» полемика по вопросу о чрезмерно высокой цене на землю, установленной в остзейском крае местным дворянством. В анонимной статье «К крестьянскому делу в Лифляндии» (24. IX. 1864, № 211) очень аргументированно доказывалось, что цены на землю здесь искусственно и непомерно вздуты помещиками. Цена земли обуславливается: 1) качеством, 2) густотой населения, 3) местными ценами на продукты земли. Сравнивая все эти условия в Лифляндии и в Тульской и Орловской губерниях, автор приходил к выводу, что цены на землю в Лифляндии в 3—4, а то и в 5—6 раз выше её нормальной стоимости. К тому же здешним крестьянам приходится выполнять массу дополнительных повинностей, которые уже давно исчезли в России. Вывод автора: «Получив от крестьян двойную ценность своих имений, лифляндское дворянство оставляет за собою господские земли как бы даром».⁷³

⁷³ С.-Петербургские ведомости, 24. IX. 1864, № 211.

Эта статья вызвала возражения в немецкой «St.-Petersb Zeitung» и на страницах «С.-Петербур. вед.» (24. X. 1864, № 241) в статье Н. Л. (вероятно, Н. Литке). Н. Л. пытался найти ошибки в расчётах автора (тот не учитывает стоимости лугов, пастбищ, «бушланда»), он считал невозможным сравнение лифляндских земель с тульскими или орловскими, ибо первые, хотя по своему качеству и хуже последних, но приносят несравненно больший доход. Публицист «St.-Petersb. Zeit.» к этому цинично добавил, что никто из латышей ещё не умирал от недостатка земли. Автор ответил последнему в № 262 (14. XI. 1864; этот ответ вышел и отдельной брошюрой), а Н. Л. — в № 285 (7. XII. 1864). В этих статьях он ещё более развернул доказательство своего тезиса о чрезмерно высокой цене на землю, ввиду чего крестьяне не в состоянии покупать её себе в собственность, и удачно опровергнул возражения противников. Чрезмерно высокая цена на землю объясняется тем, что помещики определяют её не по качеству земли, а основываются на высоком оброке, который вынуждены платить крестьяне за аренду. Нет никакого основания говорить, как это делает Н. Л., о каком-то развитии сельского хозяйства в Лифляндии с конца 1840-ых гг.: «со времени постепенного возвышения оброка крестьянские земли истощены, а строения более или менее упали, в эстонской части Лифляндии, за немногими исключениями, у крестьян нет даже жилых домов, крестьяне живут в овинах, зимою часто вместе с телятами и овцами».⁷⁴ На «додвод» «St.-Petersb. Zeit.» автор ответил замечанием, что дожидаться того, когда крестьяне умрут от недостатка земли, осталось не долго — крестьяне близки к окончательному разорению; к тому же всегда можно утешаться тем, что ведь покойнику-то землю, конечно, всё равно дадут.

На полемику о цене на землю в Прибалтике откликнулась и «Весть» в статье Н. В. «О социализме в приложении к Лифляндии» (13. XII. 1864, № 50). В ней делается попытка доказать, что ни о какой чрезмерной цене на землю, затрудняющей для крестьян её покупку, не может быть и речи, ибо «право оценки принадлежит не иначе, как землевладельцам, и ни крестьяне, давно получившие свободу, никто не может у них этого права оспаривать». Всякие попытки отдать землю крестьянам по твёрдым ценам, кем-то, кроме владельца, установленным, всякие попытки доказать право крестьян на землю, по мнению «Вести» — «возмутительный» социализм. Poleмика вокруг вопроса о цене на землю продолжалась на страницах «С.-Петербур. вед.» и в 1865 г. (см. №№ 60 и 73).

Но в полной мере крестьянский вопрос был поставлен в русской печати лишь в конце 1865 г., когда русские газеты получили сведения о знаменитом прошении эстонских крестьян

⁷⁴ Там же, 7. XII. 1864, № 285.

Вильяндиского, Пярнуского и Тартуского (Феллинского, Перновского и Дерптского) уездов, поданном царю в ноябре 1864 г. Это прошение, видимо, благодаря стараниям деятелей петербургского центра эстонского национального движения получило широкое распространение в обществе и, как мы уже выше показали, стало известным редакциям всех ведущих русских газет. Прощение это, собственно, впервые познакомило русскую общественность с взглядами самих коренных жителей края на положение в Прибалтике, с крестьянскими надеждами, чаяниями, планами. До сих пор русская печать, в основном, ограничивалась материалами балтийских публицистов, чаще всего немцев, или же в редких случаях русских корреспондентов, в общем не слишком хорошо разбиравшихся в прибалтийской обстановке.⁷⁵ Теперь они услышали голос самого эстонца.

При этом конкретные требования эстонских крестьян оказались вполне приемлемыми для русских либеральных и даже консервативных публицистов, поскольку в них содержался призыв к сближению с Россией, призыв к проведению и в Прибалтике русских реформ, а острые критики в них было направлено против особого остзейского режима, нетерпимого, по мнению правой русской печати, и с точки зрения русских государственных интересов. Здесь-то между русской печатью и деятелями эстонского и латышского национальных движений и возник своеобразный союз, объективно не основанный в полной мере на общности интересов, но, по крайней мере, взаимовыгодный. Деятели этих национальных движений были заинтересованы в поддержке русской печати в своей борьбе с особым остзейским режимом, особенно в поддержке такого влиятельного органа, как «Московские ведомости». В свою очередь, русские органы печати в своей борьбе с остзейцами также были заинтересованы в том, чтобы выступить от имени угнетённых масс латышского и эстонского крестьянства.

Наиболее полное и, вероятно, лучшее изложение проблемы дано в «С.-Петерб. вед.» в цикле статей О. О. «Крестьянский вопрос в остзейском крае» (I — 19. XI. 1865, № 305; II — 27. XI. 1865, № 313; III — 10. XII. 1865, № 326), в котором автор широко пользуется, как он сам пишет, «известными нам письменными заявлениями лифляндских крестьян», часто просто излагает упомянутое уже нами прошение.

О. О. начинает свою первую статью с утверждения, что «полуторавековое владычество России принесло мало существенной пользы огромному большинству населения остзейского края», лишь расширило привилегии дворянства и ухудшило по-

⁷⁵ О трудностях, которые испытывает русский корреспондент в Прибалтике, хорошо рассказал в своей интересной заметке «Дерпт» В. Девлезерский (Очерки, 29. I. 1863, № 29). В этой заметке содержится яркая картина тяжёлой нищенской жизни эстонского крестьянина, автор положительно отзываясь о книге «Эстонец и его господин».

ложение крестьянства. Находящееся «под самым тяжким гнётом» местное крестьянство ожидает помощи только от русского правительства, и «на России теперь лежит трудная, но неустрашимая обязанность возместить старые упущения». Далее подробно излагается, главным образом, на основе статей в «Чтениях в ОИДР» за 1864 г., история крестьянского законодательства в Прибалтике. Итог этим законодательным мероприятиям подводят слова, взятые автором из прошения крестьян: «несмотря на освобождение, мы в действительности остаёмся в не менее тяжком рабстве. В продолжение тех шести столетий мы обрабатывали и ныне обрабатываем поля немецких рыцарей, а наше достояние — голод и нужда, и обращение, напоминающее времена крепостного права. Пища наша так скудна и плоха, что годится скорее для животных, чем для людей, а хлеб, смешанный с мякиною, даже не всегда доступен большинству из нас».⁷⁶

Вторая статья, в основном, посвящена современному положению прибалтийского крестьянина и конкретному плану улучшения его быта. Автор замечает, что почти все меры правительства касались исключительно арендаторов, но не батраков. «Причина этого очевидна: нельзя тронуть вопроса об улучшении положения батраков, не приходя к единственно возможному исходу, к принципу земельного надела. Но что значит надел землею в понятиях остзейского немца? Это значит прибегнуть к аграрным законам, поколебать в основе право собственности, произвести один из самых опасных социальных переворотов. Вот почему остзейского батрачества законодательство наше не касалось, и все гуманные и благодетельные меры имели единственной целью — улучшение быта крестьян-арендаторов».⁷⁷ Но одно дело *принять* меры, а другое дело их *исполнить* в остзейском крае, где в роли исполнителей выступают те, против которых эти меры направлены. В результате, даже и быт арендаторов не улучшился. «Без земли, — говорят крестьяне, — мы, как хлебопашцы, не можем существовать, но земля принадлежит в собственность помещикам; мы до сих пор можем пользоваться ею только на тех условиях, какие предложит помещик. Вот источник наших бедствий и нашей нужды».⁷⁸ Особенно возмущает автора барщина, крайне невыгодная для крестьян. Сейчас, правда, правительство принимает меры к замене барщины денежной арендой, но это мало улучшает положение крестьян, ибо помещики назначают несоразмерно высокую арендную плату — примерно в 200 рублей за хутор, что в несколько раз выше, чем в соседней Псковской губернии. Между тем, крестьянин обременён ещё рядом допол-

⁷⁶ С.-Петербургские ведомости, 19. XI. 1865, № 305.

⁷⁷ Там же, 27. XI. 1865, № 313.

⁷⁸ Там же.

нительных повинностей. В результате, он сплошь да рядом становится должником помещика, что ставит его в положение хуже крепостного.

Выкуп крестьянами земельных участков идёт крайне медленно — в Эстляндии, например, выкуплено не более 76 участков. Причина в непомерно взвинченной помещиками цене на землю. По-прежнему продолжают факты присоединения крестьянских земель к помещичьим. Жаловаться в суд крестьянину бессмысленно — в судах те же помещики.

В заключение второй статьи, на основе упомянутого прошения крестьян, автор излагает те мероприятия, которые нужно провести для улучшения их положения. «Остзейским крестьянам должна быть предоставлена и облегчена возможность, наравне с крестьянами внутренних губерний, приобретать в собственность земли, обработанные их трудом в продолжении столетий; для выкупной и арендной платы должна быть установлена умеренная норма. Выкуп крестьянских земель должен быть предоставлен исключительно крестьянам <...> Против присоединения крестьянских земель к господским полезно принять сильные меры; одних предписаний и положений тут мало. До установления нормы не допускать возвышения арендной платы и отнятия у крестьян-хозяев их усадьбы».⁷⁹ Барщина должна быть отменена как можно скорее. Проведение крестьянской реформы в Прибалтике должно быть доверено русским чиновникам, которые только одни могут быть беспристрастными посредниками между остзейскими помещиками и местными крестьянами. Ни в коем случае нельзя это доверять местным немцам.

Третья статья О. О. исключительно посвящена возражениям, высказанным на предыдущие статьи в немецких «*Rig. Zeit.*» и «*Rev. Zeit.*», также в «Вести». Эти газеты «возмущает всего больше поставленное нами в принципе право крестьян на землю, обрабатываемую их трудом».⁸⁰ Но ведь этот принцип положен в основу реформы 1861 г. в России. Быть может он не применим в остзейских губерниях в силу каких-либо их особенностей? Автор доказывает в статье, на основе политических, юридических и экономических соображений, что это не так — никаких принципиальных препятствий к введению в Прибалтике надела земли крестьянам нет.

Собственно, эта точка зрения высказывалась «С.-Петерб. вед.» и раньше (см. статью «Латышский вопрос», 10. XI. 1865, № 296, где прямо утверждается, что правительство «не может теперь не сделать того же самого для остзейских латышей и эстонцев», что оно уже сделало в разрешении земельного вопроса в России и в Польше). Эта точка зрения утверждается теперь и в «Голосе» (см. уже упомянутые нами статьи «Ост-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, 10. XII. 1865, № 326.

зейское быть или не быть»⁸¹) и в «Дне» (27. XI. 1865, № 47—48; передовая), в последнем особенно решительно. В «Дне» появилась также большая статья Влад. Ламанского, видного учёного-слависта, ярого врага остзейского режима и «обличителя» немецкого засилия в Академии наук, «Г. Безбардис и немцы» (4. XII. 1865, № 49), в которой изложены 14 основных положений прошения лифляндских крестьян, содержащих их конкретные требования. Кроме охарактеризованных уже в статье О. О., здесь содержались требования самостоятельности суда и крестьянских обществ от помещиков, введения в дело-производство присутственных мест эстонского языка, ограничения телесных наказаний, увеличения числа школ с подчинением их общерусскому министерству народного просвещения и т. д.⁸²

Выдвинутое либеральными органами печати требование наделения крестьян Прибалтики землёй вызвало страшное возмущение «Вести», крайне правой газеты, рупора идей крупных землевладельцев, недовольных реформами 1860-ых гг., в особенности уничтожением крепостного права.

Собственно, позиция «Вести» сама по себе не представляет сколько-нибудь существенного интереса и на ней можно было бы особенно не останавливаться, но эта позиция для нас важна

⁸¹ В составленной Главным управлением по делам печати в 1866 г. записке о направлении газеты «Голос» особенно выделялась именно эта статья: «В №№ 356 и 358 в статье «Остзейское быть или не быть» доказывается право на землю латышей Прибалтийских губерний, как коренных землевладельцев этого края, поставленных совершенным извращением естественного права на *собственной земле в положение чужеземцев или пришельцев*. В этом толковании заключается возбуждение крестьян против прав собственности на земли помещиков остзейского края». ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 15, ч. I, л. 58 об.

⁸² Статья В. И. Ламанского также обратила на себя внимание цензуры. Но, к счастью для автора и газеты, о ней докладывал на заседании Главного управления по делам печати И. А. Гончаров, противник остзейских порядков, поэтому крайне снисходительно относившийся к подобному рода статьям. Как-то докладывая об одной из антиостзейских статей «Дня», где в форме «бурной и раздражительной речи», по словам Гончарова, доказывалась необходимость «свободы и надела землею» прибалтийских крестьян, он заметил, что лучше всего вообще не предпринимать никаких репрессивных мер против газеты, ибо это только возбудит торжество в остзейской печати, остзейского же вопроса не разрешит. По мнению Гончарова, вообще цензурными мерами, как бы они не были решительны и строги, нельзя добиться прекращения резкой полемики между остзейской и русской печатью, нежелательного для правительства обсуждения положения в Прибалтике. «Примирение или успокоение обеих пресс, освобождённых от предварительной цензуры, может свершиться только под влиянием тех или других примирительных мер, какие угодно будет высшему правительству принять к устройению самого положения дел в остзейском крае». По отношению к передовой статье в № 47—48 «Дня» за 1865 г. (этой статьёй и вызваны приведённые размышления Гончарова), как позже и по отношению к статье Ламанского, он предлагал ограничиться предупреждением на страницах «Северной почты». См. об этом: Гончаров — цензор. Неизданные материалы для его биографии, Русский вестник, 1906, октябрь, стр. 594—599.

В несколько другом аспекте — как выражение в русской печати взглядов остзейцев, одной из заинтересованных сторон в вопросе о положении в Прибалтике. Поскольку мы решили лишь в минимальной степени касаться полемики между русской и остзейской, а также заграничной печатью, изложение позиции «Вести» может быть полезным для воссоздания общей картины обсуждения остзейского вопроса. С точки зрения «Вести» именно земельное устройство и разрешение крестьянского вопроса в Прибалтике идеальны, должны бы послужить примером для России. Сразу же после вышеохарактеризованных статей либеральной прессы «Весть» поспешила выступить в статьях «Непризванные благодетели рода человеческого» (2. XII. 1865, № 26) и «Право на землю» (30. XII. 1865, № 34) против выдвинутого этой прессой утверждения, что прибалтийские крестьяне имеют право на землю, которую они обрабатывают своими собственными руками. Но наиболее развёрнутое выступление против этого принципа было дано в статье «Остзейские немцы и русские социалисты» (17. I. 1866, № 5), вызвавшей оживлённую полемику в русской печати 1866 г. В статье доказывалось: «Всякая мысль о наделении последних (сельскохозяйственных рабочих, батраков — С. И.) землею была бы насилием, подрывающим в самом корне доверие к праву собственности. Где предел подобному наделению, которое пришлось бы совершать при всяком новом поколении на счёт землевладельца? Кто мог бы быть тогда уверенным, что приобретённая им земля действительно составляет его собственность и перейдёт к его детям, а не к детям нанятого им работника? Допустить мысль о наделении землею всякого батрака значило бы признать в принципе «право на землю», значило бы, развивая логически эту мысль, придти к «праву на труд» и возложить на государство, вместо обязанности ограждать право собственности, опасную и невозможную обязанность обеспечить существование всякого; значило бы, наконец, вдаться в действительный социализм и, разрушив вконец право собственности, остановить рост цивилизации».⁸³ Остзейский вопрос — выдумка социалистов. Положение латышских крестьян великолепно, о чём якобы свидетельствуют взносы крестьян в сберегательные кассы и приобретение зачётных рекрутских квитанций на миллион рублей. Этот совершенно мифический миллион (такой суммы не могло получиться, если бы даже выкупились все лифляндские рекруты!) вызвал особенно много иронических замечаний в русских газетах, выступивших против «Вести».⁸⁴

⁸³ Весть, 17. I. 1866, № 5.

⁸⁴ См.: Газета «Весть» и остзейское крестьянство (С.-Петербург. вед., 2. II. 1866, № 33), Разоблачённый миллион (там же, 16. II. 1866, № 46). Может ли остзейский край служить образцом для России? (Голос, 9. III. 1866, № 68) и др. Poleмика разрослась ещё и благодаря тому, что в ней приняли участие некоторые остзейские газеты.

Правительственная точка зрения на аграрный вопрос наиболее полно изложена в ряде статей П. Ш. (Павел Шульц) в официальном правительственном органе «Северная почта».⁸⁵ П. Ш. не отрицает неудовлетворительности прежних крестьянских законоположений, особенно резко критикует он безземельное освобождение крестьян в 1816—19 гг. Признаётся в его статьях и необходимость преобразований, правительственного вмешательства в отношении помещиков и крестьян сегодня. Но доказывается, что принцип наделения крестьян землёй неприменим сейчас в Прибалтике ни из экономических, ни из юридических соображений. Освобождение крестьян с землёй, конечно, лучше безземельного. Но наделение крестьян землёй может иметь место лишь в момент «дарования» крестьянам личной свободы. В Прибалтике этот момент был упущен и сейчас его вернуть невозможно. Почему?

Система доказательств Шульца такова. Наследственное пользование участками здесь было отменено, арендаторы постоянно меняются, переходя с места на место, вчерашние батраки, как считает Шульц, могут сделаться арендаторами и наоборот. В настоящее время наделение крестьян землёй означало бы возведение в привилегированное положение *наличных* арендаторов, что было бы величайшей несправедливостью по отношению к большинству, которое потеряло бы после этого всякую надежду на землю. Бобылей же нельзя наделять землей, ибо их участки всё равно не в состоянии прокормить их семьи, и к тому же это привело бы к крайне вредному в экономическом отношении дроблению хозяйства.

В Прибалтике надо сохранить исторически сложившееся фермерское хозяйство с наёмной рабочей силой. Все правительственные мероприятия также должны строиться на основе утвердившихся в Прибалтике исторических начал сельского хозяйства, без их коренной ломки. Арендаторов надо, по возможности, оградить от чрезмерного взвинчивания арендной платы, дать им возможность постепенно приобрести хутора в собственность путём покупки у помещиков земли. Батракам же надо предоставить лишь свободу передвижения, что даст им возможность находить выгодные условия работы. Последние правительственные мероприятия в этом и заключаются.

⁸⁵ Основные статьи П. Ш. в «Северной почте»: Годовой отчёт лифляндской комиссии крестьянских дел (30. XI. 1862, № 261), статья под тем же названием (20. XI. 1863, № 255), О курляндских крестьянах (5, 6. и 7. III. 1864, №№ 52, 53, 54), О выкупе крестьянами арендных участков в Эстляндии (5. VI. 1864, № 125), О выкупе крестьянами арендных участков в Курляндской губернии (4. VIII. 1864, № 172), Об учреждении в Эстляндской губернии ссудной кассы для содействия к выкупу крестьянских земель (6. VIII. 1864, № 174), О сельских батраках в Шотландии (3. и 4. II. 1865, №№ 26, 27). К этим статьям примыкает и работа П. Шульца «Лифляндские крестьяне и вновь изданное для них положение» (Журнал министерства государственных имуществ, 1863, №№ 4, 5, 8 и 9).

Благодаря «мудрой» политике правительства батраки получили свободу передвижения; арендаторы с помощью обеспеченной системы кредита имеют возможность приобретать землю в собственность, к тому же, если помещик вздумает их лишить аренды, они имеют право на вознаграждение со стороны помещика, что заставляет последнего избегать подобной меры. Путь правительственных реформ, уже проводимых в крае, и есть идеальный и необходимый для прибалтийского крестьянина путь постепенных преобразований. Остзейское дворянство постоянно заботится о крестьянах и идёт навстречу правительственным реформам. Вся беда только в «бессовестных подстрекателях», которые призывают крестьян не покупать земли и надеяться на бесплатное наделение землёй со стороны правительства. Но, в конечном итоге, положение от года к году улучшается. «Со временем, как остзейские, так и великорусские губернии, хотя и разными путями, сойдутся в конечном результате разрешения крестьянского вопроса».⁸⁶

Такая точка зрения, легко опровергаемая фактами из реальной прибалтийской действительности, хотя и не была апологетической по отношению к остзейским порядкам, как это характерно для «Вести», но, во всяком случае, стремилась сделать ненужной критику этих порядков и была враждебна даже требованиям либеральной публицистики. Эта точка зрения соответствовала практике правительственной политики по крестьянскому вопросу в Прибалтике.⁸⁷

Обсуждение крестьянского вопроса привлекло внимание русской прессы к положению эстонцев и латышей вообще. В этом отношении интересную инициативу проявил орган славянофильства «День», решивший опубликовать обобщающие статьи о жизни эстонцев и латышей. Это были статьи Эстонца

⁸⁶ П. Ш<ульд>, О курляндских крестьянах, Северная почта, 7. III. 1864, № 54, стр. 218.

⁸⁷ В этом отношении интересно сравнить позицию Шульца с «Всепопданнейшей запиской Прибалтийского генерал-губернатора <Э. Т. Баранова> о ходе управления краем за 1865 год» (Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — в дальнейшем сокращённо РО ГПБ — ф. 16, архив П. П. Альбединского). Перечислив принятые в 1865 г. меры по крестьянскому вопросу (поземельное устройство крестьян о-ва Эзеля; предстоящая отмена барщины; вознаграждение помещиками крестьян-арендаторов, удаляемых из участков вследствие возвышения арендной платы; отмена прав вотчинных владельцев на телесные наказания и т. д.), Э. Т. Баранов утверждает: «Целым рядом вышеизложенных мер будут отвращены главные недостатки, найденные мною в Прибалтийском крае, по приведённым вопросам. Несмотря на высокое развитие в нём хозяйства, крестьяне находились по сие время в весьма неудовлетворительном состоянии относительно их общей самостоятельности, их личных и гражданских прав». Но теперь всё изменится к лучшему. Больше реформ, собственно, и не надо. Достаточно ввести уже принятые, чтобы положение стало хорошим. Точка зрения Баранова очень близка к точке зрения Шульца.

(псевдоним) «Эстонцы» (18. IX. 1865, № 32) и Иоста Весула «Латыш» (28. X., 30. X., 4. XI. 1865, №№ 39, 40, 41).

В основу первой статьи легла рукопись одного из деятелей раннего этапа эстонского национального движения Мярта Якобсона «Eestirahva elloluigi» («Жизнь эстонского народа»), написанная в 1864 г.⁸⁸ В статье давалось краткое описание прошлого эстонцев и очерчивался их быт в настоящее время. Это чрезвычайно широкая по охвату картина жизни эстонского народа. Эстонцы в высшей степени трудолюбивы, воздержанны и непритязательны, почему же жизнь их протекает в глубокой нужде, бедности, даже нищете? Вот основной вопрос, который волнует автора. В своём стремлении объяснить бедность народа он останавливается на ряде моментов. Во-первых, автор отмечает моменты экономические, впрочем, тесно смыкающиеся с правовыми. Крестьянин лишён земли, хотя он истинный хозяин её — земля принадлежала ему в древности, в течение столетий именно он обрабатывал её. Тем не менее ни на один день крестьянин не может быть уверен, что у него не отнимут арендуемую им землю, на которой он вырос и трудился всю жизнь. Приобрести землю в собственность почти невозможно — сначала помещики вообще не хотели продавать её, а теперь до чрезмерности повысили цену на землю. Крестьянину приходится поэтому арендовать землю, отработывая за это своим трудом. Ещё более отяготительна, чем барщина, смешанная аренда, охотно вводимая помещиками. Но, что хуже всего, и переход к денежной аренде не приносит облегчения крестьянам — денежная арендная плата возрастает с каждым годом. Крестьянин за свой труд по улучшению земли платит увеличением аренды. Помещик производит своеобразный аукцион: он все время поднимает арендную плату, испытывая, до каких пределов крестьянин может вынести повышение её. Кончается это тем, что крестьяне вынуждены покидать насиженные места. А если неурожай? Тогда всё крестьянское имущество идёт с молотка, и сам крестьянин становится нищим. И однако у него нет другого выхода — иных профессий он не знает, переселиться не может из-за недостатка средств и незнания языка.

Крестьяне бесправны. Вся власть находится в руках немцев, которые преследуют эстонцев даже за их верность своей национальности. Школы находятся в плачевном состоянии. И вот результат: жалкая разваливающаяся лачуга крестьянина, полная дыма и нечистот, обычная пища — хлеб с мякиной да кислое молоко, разбавленное водой. Но не все эстонцы

⁸⁸ См.: Н. Куус, ук. соч., стр. 87. Заметка была прислана в редакцию «Дня» В. И. Ламанским (см. письмо И. С. Аксакова к В. И. Ламанскому от 19. IX. 1865; РО ИРЛИ, 2968. Хм. 8, л. 9). Это, кажется, свидетельствует о каких-то связях Ламанского с петербургским центром эстонского национального движения, тем более, что Ламанский имел в своих руках и прошения лифляндских крестьян 1864 г.

живут так. Совсем иное положение в казённых имениях, где арендная плата невелика и крестьянин уверен в завтрашнем дне. Ещё лучше положение крестьянина-собственника. Автор не выдвинул никаких требований, не предлагал никакого плана преобразований, но и то, и другое само вытекало из описания им жизни эстонцев: сделать крестьянина собственником, обеспечить его права может только правительство.⁸⁹

Одним из наиболее ярких произведений русской публицистики 1860-ых гг., посвящённой остзейскому вопросу, была, без сомнения, статья «Латыш» Июста Весула — псевдоним Яниса Лициса (1833—1905), учителя и православного священника (он же Индрик Страумит, автор знаменитых «Записок православного латыша», опубликованных Ю. Ф. Самариним во втором выпуске «Окраин России»). По резкости обличения, по своей искренности, силе и глубине чувства, обуевающего душу автора, это произведение напоминает работы Меркеля. По существу, это и «монография» жизни латышского народа (так она охарактеризована в редакционном примечании) и художественное произведение в форме автобиографических записок автора с воспоминаниями о жизни латышей, основанными на собственных наблюдениях. В статье описаны все стороны жизни латыша: и его труд, и его быт, и его нравы и обычаи, и его взаимоотношения с помещиком, пастором, властями, здесь дана и характеристика внутренних прослоек латышского народа, и описано положение латышской женщины, история детства латыша. И в то же время это — художественное произведение, где отдельные картины, иллюстрирующие тот или иной момент жизни и труда латыша, даны в беллетризованной форме, через живые зарисовки жизни, а не через документальное, сухо-статистическое описание, характерное для большинства публицистических статей по остзейскому вопросу.

При этом особую силу и действенность произведению придаёт лиризм повествования: автор описывает то, что он сам испытал и видел, что он сам пережил и выплакал, то, что близко его сердцу, то, что неотступно следует за всеми его думами и мыслями. Это рассказ о том, что как бы составляет вечную рану души автора, и он не может не вкладывать в своё произведение эту боль сердца. Правда, произведению нехватает духа борьбы и протеста, призывов к насильственному свержению несправедливого строя, но этого не было и у ведущих деятелей латышского национального движения. Тон

⁸⁹ Статья вызвала возражение Эстляндца «Отклик Эстляндца на примечание к статье Эстонца в № 32 газеты «День» (День, 28. X. 1865, № 39), в котором содержится попытка опровергнуть причины бедности крестьян, приведённые в статье «Эстонцы». Эстляндец (псевдоним) пытается объяснить всё необразованностью народа. Особенное возражение вызвало утверждение автора статьи «Эстонцы», что земля, по существу, должна быть собственностью крестьян, что они имеют на неё право.

статьи скорее элегический (хотя и с оттенком грустной ирб-нии), чем протестующий, но его нельзя назвать пессимистиче-ским — автор верит во внутренние силы латышского народа, в его будущее. И это позволяет ему не только с глубокой не-навистью относиться к помещикам и пасторам — немцам, но и с глубоким презрением смотреть на тех латышей, которые изменили своему народу, стали прислужниками остзейцев. Всё это кажется совершенно из ряда вон выходящим в про-изведении православного священника, если не учитывать осо-бого положения православия в крае (об этом ниже).

Приводя потрясающие примеры беззакония и издева-тельств, творимых помещиками и управляющими над крестья-нами, Иост Весул замечает: «Не Сибирью ли догробной была для бедного латыша Лифляндия — его отечество, его родина? Не работал ли он только для других, для чужих, для при-шельцев?.. Как преступник какой в Сибири, так и он на своей родине не смел уйти и ходил в вечных кандалах, прикован, порабощён, угнетён; если что приобретя, отнимут, не смей иметь ничего собственного. Не смей даже пользоваться здо-ровьем <...> и это отнималось среди поля».⁹⁰ Правда, эта кар-тина относилась в 1840-ым годам, но, как отмечал автор, и позже положение мало изменилось.

Особенно ярко обличение пасторов: «он пастырь богатых и зажиточных, а не бедных. Случалось, что хоронили в один день богатого и бедного. Пастор надрывается расписывать самыми светлыми, яркими красками жизнь богача, нередко тёмную, мрачную и бесстыдную. Накричавшись над богачом, как ворон на жирной падали, даже не заикнётся над телом честного бед-няка, сироты и горемыки, — подобные факты совершаются и в настоящее время, спросите самих лютеран-латышей».⁹¹ В то же время в этой статье ещё не выдвигается тенденция прославления православия, что будет характерно для «Записок православного латыша» того же автора и что, в условиях 1860-ых гг., уже не могло пользоваться особой популярностью в широких кругах латышей.

5.

Вторым важным вопросом в остзейской проблеме, привле-кшим к себе внимание русской публицистики, был вопрос об отсталом средневековом устройстве прибалтийских городов, городского управления. Во второй статье «Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях остзейского края» (28. X. 1864, № 238) «Русский Инвалид» следующим образом сформулировал суть этого вопроса: «Что для дворянства поли-

⁹⁰ День, 28. X. 1865, № 39, стр. 928.

⁹¹ Там же, 4. XI. 1865, № 41, стр. 978.

тические привилегии на исключительное владение землёю и стеснение свободы крестьянского сословия, связанного в своём свободном развитии местным балтийским законодательством — то для немецкого среднего городского сословия — старинное муниципальное устройство балтийских городов и цеховые правила. Существующее ныне устройство обеспечивает известному классу людей исключительные права и преимущества в ущерб общей массе городского населения; поэтому-то устройство это и отстаивается упорно всеми силами заинтересованной партии, во славу средневековых традиций эпохи кулачного права и взаимной вражды сословий и в противность либеральным попыткам русского правительства для эмансипации промышленных сил финно-латышского, русского и даже части немецкого населения края». ⁹² Действительно, существовавшие в прибалтийских городах институты — магистрат, большая и малая гильдии, цехи и братства — оставляли всю власть в руках небольшой группы верхушки немецкого бюргерства, что стало серьёзным тормозом для развития местной промышленности и торговли. Русскую печать особенно возмущало полное лишение русских каких-либо прав в прибалтийских городах; преследование русского языка в официальных городских учреждениях.

Вопрос о городском управлении в остзейском крае наиболее полно был поставлен в 1865 г., при оживлённейшем обсуждении в русской печати (главным образом, в «Моск. вед.») проекта нового городского устройства Риги. Проект выработанный местным бюргерством, подвергся суровой критике в русских газетах за стремление сохранить старые привилегии меньшинства, лишь слегка подновив их. Новый проект, хотя и отменил деление на две гильдии, но сохранил фактически всю власть в руках несменяемого магистрата, который к тому же сам пополнил собственные ряды; для получения права гражданства предлагался высокий ценз. Права русских и латышей новый проект совершенно не обеспечивал, также как он не обеспечивал и права русского языка в городе. Всё это вызвало большое недовольство многочисленного русского населения Риги, внесшего свой проект городских преобразований (проект Осипова) и организовавшего ряд корреспонденций в московские и петербургские газеты (см. статьи М. Семёнова «Из Риги» в «Моск. вед.» в течение всего 1865 г.). Русские газеты широко осветили как сам проект, так и историю с его обсуждением и попытками его изменения, они использовали полемику вокруг проекта для критики остзейских порядков вообще, для доказательства враждебности остзейцев всему русскому. ⁹³ В связи с

⁹² Русский Инвалид, 28. X. 1864, № 238.

⁹³ Основные статьи, связанные с проектом преобразования городского устройства Риги в 1865 г.: Московские ведомости — 8. I., № 5 (передовая), 14. I., № 10 (передовая), 29. I., № 23 (передовая; большая статья Русского

этой полемикой появились и многочисленные статьи об истории городского и цехового устройства Риги, носившие откровенно злободневный антииоэстейский характер.⁹⁴

Обсуждение в русской печати городского устройства прибалтийских городов привлекло внимание московских и петербургских газет также и к Нарве. Нарва в этот период — «город двуснастный, город о двух губерниях, о двух национальностях: спереди русский, сзади немец», как позже писала газета «Москва» (13. X. 1867, № 152). Действительно, Нарва в административном отношении входила в состав Петербургской губернии, а в судебном была подчинена Эстляндии. Здесь, как и в других городах Прибалтики, вся власть принадлежала магистрату, состоящему из верхушки местных немецких бюргеров. Русские и эстонцы, составлявшие $\frac{5}{6}$ нарвского населения, были отстранены от городского управления. В Нарве было несколько немецких школ и лишь одна русская, к тому же влачившая жалкое существование. Нарвский магистрат, опасаясь преобразований, стал упорно ходатайствовать о присоединении Нарвы и в административном отношении к Эстляндии вопреки мнению большинства жителей. «Нарва своим православленным русским населением, своею торговою и промышленною деятельностью тяготеет к русскому миру, а её влекут в мир германский, — ищет примкнуться к общему русскому строю, а её отталкивают назад, в немецкий и исключительный строй привилегированной Эстляндии. Она не понимает иначе как по-русски, а её судят по-немецки; она посылает учиться своих детей в местную школу и их учат немцы», — писала газета «Москва».⁹⁵ Всё это вызвало борьбу среди нарвских горожан⁹⁶ и получило сравнительно широкое отражение в русской печати — обсуждение вопроса о Нарве продолжалось вплоть

Рижанина в связи со статьей в «Голосе» о проекте), 2. II., № 26 (передовая), 2. IV., № 72 (ответ *Русского Рижанина* «Рижской газете»), 1. VI., № 117 (передовая; корреспонденция М. Семенова «Из Риги»), 11. VII., № 151 (передовая), 25. IX., № 209 (передовая; корреспонденция М. Семёнова «Из Риги»), 10. XII., № 271 (статья*** «По поводу предстоящего преобразования рижского городского общества») и ряд более мелких заметок; Русский Инвалид — цикл статей W. «Новый проект городского устройства города Риги» (I — 5. VI., № 121; II — 12. VI., № 127, III — 15. VI., № 129); Голос — 14. I., № 14 (По поводу преобразования рижского городского общества), 6. VI., № 154 (По поводу рижского городского устройства).

⁹⁴ См. обширный цикл из 9 статей W. «Рижские письма» в «Моск. вед.» (I — 6. II. 1865, № 29; II — 14. IV., № 79; III — 16. IV., № 81; IV — 17. IV., № 82; V — 22. IV., № 85; VI — 24. IV., № 87; VII — 28. IV., № 90; VIII — 6. V., № 97; IX — 7. V., № 98). Этот цикл появился также в виде отдельной брошюры.

⁹⁵ Москва, 13. X. 1867, № 152. Эта статья обратила на себя внимание Московского цензурного комитета: см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, «Дело по изданию газеты «Москва», лл. 171 об. — 174 об.

⁹⁶ См. об этом: А. В. Петров, Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности, СПб., 1901, стр. 461—475.

до 1869 г., хотя, конечно, имело несравненно меньший резонанс, чем полемика о городском устройстве Риги⁹⁷.

Третий важный момент в остзейском вопросе, как он понимался русской печатью, — неудовлетворительность местного судоустройства, требование его реформы. Лучшее изложение данной проблемы дано в третьей статье «Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях балтийского края» (Русский Инв., 17. I. 1865, № 13). «Также как и крестьянское дело и дело городского и промышленного устройства, судебная часть в остзейских губерниях покоится на отживших сословных началах. Точно также, как и в других вопросах, сословное начало, плод средневекового феодализма, перенесённого целиком из Германии на почву остзейского края, в деле суда и расправы давно уже отжило своё время и ярмом легло на массу населения, не принадлежащего к привилегированным классам. Если равенство перед законом и судом составляет главное и коренное требование всякого правильного судоустройства и важнейший залог свободного развития народа, то остзейская судебная система наверно принадлежит к самым устарелым и к самым несправедливым. Нигде различие привилегированных и непривилегированных не выступает так резко, как в суде. Нигде не соблюдаются упорнее все мелочи древнего порядка, замедляющего правосудие и обременяющего ищущих его, как в остзейском суде».⁹⁸ Рассмотрев все остзейские судебные инстанции, всю систему местного судопроизводства, автор (вероятно, А. Б. Бушен) приходит к выводу: «Всякий беспристрастный

⁹⁷ Вопрос о том, что вся власть в городе находится в руках небольшой группы немцев из верхушки бюргерства, был едва ли не впервые в русской печати поднят в статье К. В. Мещерского «Город N. (Письмо к приятелю)», «Сев. пчела», 6. I. 1863, № 5. Впрочем, критика городских порядков здесь еще носит очень умеренный характер, и ведется она с консервативных позиций.

Основные статьи о Нарве: Моск. вед. — 12. II. 1865, № 34 (передовая); С.-Петербург. вед. — 7. III. 1865, № 59 (Русский элемент в остзейском крае), 31. III. 1865, № 81 (статья «Остзейские дела», представляющая собой ответ на помещённое здесь же письмо Н. Л.), 8. IX. 1868, № 245 (X., Нарва, 2-го сентября), 11. IX. 1868, № 248 (X., Нарва, 6-го сентября); Русский Инв. — 18. III. 1865, № 60 (статья*** без заглавия), 29. XII. 1866, № 334 (Ругодивцев, Письмо из Нарвы; есть сведения, что под псевдонимом Ругодивцева скрывается Н. А. Скроботов), 2. I. 1867, № 2 (то же); Москва — 1. I. 1867, № 1 (корреспонденция из Нарвы), 13. X. 1867, № 152 (передовая), 16. VII. 1868, № 86 (корреспонденция), 14. IX. 1868, № 131 («Нарвские немцы», статья обратила на себя внимание цензуры — см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, лл. 344—345 об.); Голос — 4. VIII. 1868, № 213 (фельетон Никола Адмирари «Листок»); Народный голос — 24. III. 1867, № 67, 19. V., № 104, 20. V., № 105, 25. V., № 109, 7. VI., № 118, 8. VI., № 119, 11. VI., № 122 (цикл «Письма из Нарвы»); Петербургская газета — 4. I. 1869, № 1, 14. I., № 6, 23. I., № 11 (незаконченный цикл статей «По поводу земских прений о городе Нарве»); Сын отечества — 15. I. 1869, № 12, 18. I., № 15, 28. I., № 23 (Ругодивцев, Письма из Нарвы), а также много мелких корреспонденций во всех газетах.

⁹⁸ Русский Инвалид, 17. I. 1865, № 13.

судья видит в остзейском судеустройстве только одно — право привилегированных держать массу народа в полной от себя зависимости и не давать выйти наружу ни одной жалобе, не допустить никакой возможности эмансипации непривилегированных». ⁹⁹ Но не только суд целиком и полностью находится в руках дворянства, предоставляя ему возможность совершенно бесконтрольно осуществлять «правосудие» в отношении крестьян на основе «сословных предубеждений», — волостное правление также целиком зависит от него. Все системы остзейского суда, как считает автор, нуждаются в коренном преобразовании по русскому образцу, т. е. в духе тех либеральных реформ, которые осуществлялись в это время в России.

Критике остзейского «правосудия» и судебных порядков, правда, посвящено немного статей, но всё же она разнообразна. Критике подвергалось решение ландтага, сохранявшее за помещиком право на домашнее наказание несовершеннолетних (см. статью «Постановления лифляндского и эстляндского ландтагов», «С.-Петербург. вед.», 15. IV. 1865, № 91), беззакония при выборах должностных лиц, когда остзейцы не допускали утверждения на должность волостных старшин неугодных им людей («Из Курляндии», «День», 13. XI. 1865, № 44). Для критики остзейских порядков использовался даже детектив. В статье П. Чердакова «Из уголовной практики в пределах России» («С.-Петербург. вед.», 11. и 14. IV. 1865, №№ 87 и 90, изложение статьи Бёттихера из «Balt. Monatsschr.», 1864, т. 10, тетр. 6) рассказывается о трёх случаях поджога детьми школы в Эстонии. Бёттихер склонен был объяснять это особым складом характера эстонцев, их нежеланием учиться, и оправдывал суровый приговор детям — высылку в Сибирь с лишением прав (последнее по отношению к детям звучало не только трагично, но и несколько комично, что Чердаков и использовал в своей статье). П. Чердаков же склонен это объяснять ужасными порядками в прибалтийских школах, где детей бьют и сурово наказывают, где их мучают зубрёжкой катехизиса, обучают тому, что им совершенно не нужно в повседневной жизни, отрывают от дома и родных. Чердаков оправдывает решение сената, решившего возратить детей родителям.

Как это нередко бывает в полемике, не обошлось и без преувеличений. Такими преувеличениями наполнена, в частности, статья «Судебные порядки в Прибалтийских губерниях» Н. Альбертини, опубликованная в «С.-Петербург. вед.» в следующем — 1866 г. (21. IV., № 106). В ней верно указаны недостатки процедуры в прибалтийском суде (протокол показаний обвиняемого не даётся ему для проверки и подписи, все делопроизводство ведётся на немецком языке, апелляции фактически не допускаются и т. д.), но в то же время критика судебных по-

⁹⁹ Там же.

рядков доведена до утверждения, что в Прибалтике всегда можно заключить в тюрьму и засудить невинного человека только на основании непроверенной жалобы и что этим часто пользуются родственники, желающие захватить имущество кого-либо из своих близких.¹⁰⁰ В своей же основе критика остзейских судебных порядков в русской печати в целом, конечно, была верной.

Четвёртый вопрос, вставший в связи с обсуждением остзейской проблемы, — вопрос о русском языке в Прибалтике.

И критика аграрных отношений и критика местного городского устройства и судопроизводства сочеталась, как мы видели, в русской печати с требованием проведения и в Прибалтике общерусских реформ, что должно было бы сблизить этот край с Россией, ликвидировать его обособленность. Для Каткова именно последнее и играло решающую роль в его критике остзейских порядков: если и нужно провести в Прибалтике реформы, то лишь в целях русификации края. Отсюда для Каткова особо важную роль приобретает вопрос о распространении русского языка в Прибалтике. В одной из своих передовых статей (Моск. вед., 21. X. 1865, № 230) Катков даже выразился, что для него равноправие в Прибалтике русского языка с немецким — единственное нововведение, за которое он ратует. Введение русского языка в присутственные места, официальные учреждения края, признание полного равенства его с немецким языком во всех областях прибалтийской жизни, усиление преподавания русского языка в школах и в Дерптском университете — для него важнейшие мероприятия по русификации края, с которых быть может, и надо начинать. Другие газеты тоже иногда обращались к вопросу о необходимости более широкого распространения русского языка в Прибалтике, но для них этот вопрос был, в общем, второстепенным.

Катков же посвятил даже ряд передовых статей принципиальной стороне вопроса (см. «Моск. вед.», 29. I. 1865, № 23; 11. VII., № 151; 27. X., № 234; 31. X., № 238; 13. XI., № 249): Прибалтика — часть России, а в государстве может быть лишь один официальный язык правительства, поэтому во имя государственного единства нужно как можно скорее ввести русский

¹⁰⁰ Статья вызвала официальную жалобу Курляндского губернского предводителя дворянства барона Рекке министру внутренних дел. Дело о статье рассматривалось на заседании Совета Главного управления по делам печати, где решено было начать судебное преследование автора статьи и редактора газеты её опубликовавшей (см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 2, ч. I, «Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати. 1866», лл. 227—229 об. и 282). Совет нашёл в статье попытку «поколебать общественное доверие» и «оскорбительный отзыв об администрации, а в особенности же о судебных установлениях Прибалтийских губерний». Но судебное дело пришлось прекратить, так как автор, Н. Альбертини, к началу процесса был выслан из Петербурга. См. об этом: Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учреждённою 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. III, СПб, 1870, отд. I, стр. 496—499.

язык в качестве такового и в Прибалтике. Этого требует, говорит Катков, прибегая к своей обычной псевдопатриотической демагогии, русское народное чувство и национальная гордость, интересы местных русских (показательно, что «Русский Инв.» писал по данному поводу об интересах эстонцев и латышей) и успехи русского языка среди «инородцев» вообще. Этого требует, в особенности, необходимость противодействия германизации края.

Но, как доказывали остзейские публицисты, в Прибалтике ещё не созданы условия для введения русского языка в дело-производство — чиновники и большая часть населения его не знают. И вот Катков очень много внимания уделяет вопросам: чем объяснить слабое знание русского языка большинством и как лучше распространить русский язык в Прибалтике? На первый вопрос он убеждённо (впрочем, и не без оснований) отвечал: причина в систематическом сопротивлении остзейцев введению русского языка, в нежелании их учиться этому языку. Для распространения же русского языка надо усилить его преподавание в школах и университете. Поскольку причину слабого знания русского языка школьниками надо искать в том, что он преподаётся как мертвый, нет живой языковой практики, постольку надо организовывать в крае русские гимназии, вводить преподавание ряда дисциплин в немецких гимназиях на русском языке и т. д. (см. статью «Чем можно распространить знание русского языка в остзейских губерниях», «Современная летопись», 1865, № 41, стр. 5—7). Надо добиться, чтобы в Тартуском университете никто бы не мог получить диплома без знания русского языка. И, главное, всё равно нужно вводить в официальное делопроизводство русский язык — только это может заставить остзейцев его изучать.

Пятый вопрос, связанный с остзейской проблемой, — вопрос о положении православия в крае, о необходимости его поддержки и защиты от преследований местных властей, помещиков и пасторов.

В Прибалтике были теснейшим и порою сложным образом связаны вопросы экономические, политические, национальные и религиозные. Немецкая верхушка, придерживавшаяся лютеранства, стремилась утвердить эту религию и среди народных масс, в целях ещё большего подчинения народа. Лютеранство в Прибалтике откровенно выступало в роли пособника помещиков, защитника особого остзейского режима. Пастор, по существу, ничем не отличался от помещика, был также чужд крестьянину, был таким же эксплуататором, как и помещик. И нет ничего удивительного, что, когда в 1840-е гг. в Прибалтике поднялась волна антифеодального крестьянского движения, вызванного совершенно невыносимым положением крестьянства и голодом, то оно зачастую принимало форму отказа

от лютеранства и перехода в православие.¹⁰¹ Крестьяне, исполненные царистских иллюзий, наивно надеялись, что, приняв православие, они получат поддержку православного русского царя, который облегчит их положение и поможет им получить землю или переселиться во внутренние губернии России.

Царское правительство оказалось в несколько затруднительном положении. С одной стороны, в России православие считалось официальной государственной религией и поддержка его входила в основу основ правительственной политики Николая I. С другой стороны, в Прибалтике православие соединялось с народными волнениями, переходившими в некоторых местах в бунты. Одержал победу, конечно, классовый момент. Правительство, сурово подавив народные волнения, предоставило остзейским властям и помещикам возможность заняться «искоренением» бунтовщических настроений, а заодно, как это получилось на практике в Прибалтике, и православия. Формально, правда, царское правительство разрешило переход в православие и даже приняло несколько робких мер по обеспечению безопасности перехода — и среди местного населения оказалось довольно много православных. Это были исключительно бедные крестьяне.

Но преследуемое местными властями православие в Прибалтике оказалось, в результате, к 1860-ым гг. в очень тяжёлом положении: церковей было мало, а те, что и были, находились в самом плачевном состоянии, православные школы почти отсутствовали; притесняемые помещиками и не находящие поддержки у властей православные крестьяне, осознавшие, что переход в новую религию им ничего не дал, кроме новых притеснений, начали массами переходить обратно в лютеранство (это, кстати, было запрещено законами Российской империи). Местные православные власти, также преследуемые высшим начальством края (достаточно сказать, что несколько местных православных иерархов просто-напросто были высланы из края по требованию властей), как и православные органы печати, в этих условиях поняли, что православие в Прибалтике может утвердиться лишь в случае уничтожения особого остзейского режима, считавшего лютеранство официальной религией в крае. Православное духовенство начинает призывать к русификации края и даже к наделению крестьян землёю — в первую очередь, православных, но, в более широком плане, и всех — видя в этом основную меру, с помощью которой можно удержать православных крестьян в этой вере и привлечь к ней крестьян-

¹⁰¹ См. об этом: История Латвийской ССР, т. I, Рига, изд. АН ЛССР, 1952, стр. 512—529; Eesti NSV ajalugu, I, Тln., ERK, 1955, стр. 617—627; H. G. J a n n a u, Vene-õigeusu tulekust Lõuna-Eestis 1845.—46. a., Akadeemilise Ajaloo Seltsi toimetused, III kd., Tartu, 1927; H. K r u u s, Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail, Tartu, Eesti Kirjanduse Selts, 1930.

лютеран. Рижский архиепископ Платон во время своей инспекционной поездки по епархии в 1864 г. получает от крестьян много жалоб на притеснение их властями, на безземелие, жалоб, рассказывавших о нищете, голоде и необеспеченности крестьян. Он счёл необходимым объединить все эти крестьянские жалобы и требования (последние сводились, как мы уже видели, к требованиям о наделении землёю и об освобождении из-под опеки помещиков) и представить их правительству¹⁰².

В «Отчёте Рижского архиепископа Платона по случаю произведённого им в 1864 году обозрения Рижской епархии» прямо говорилось о необходимости борьбы с немецким элементом, с германизацией во имя утверждения русских начал в Прибалтике для того, чтобы здесь не возник остзейский вопрос типа шлезвиг-гольштейнского. Платон в этом «Отчёте» выражает надежду на то, что император даст «им (прибалтийским крестьянам — С. И.) хотя сколько-нибудь земли в собственность, чтобы они не были вынуждаемы переходить с места на место и зависеть от помещиков.»¹⁰³ Конечно, Платон при этом исходил из нужд православия, многие его требования носили откровенный характер фанатической религиозной нетерпимости: так, он требовал строгого наказания, вплоть до высылки, тех православных, кто осмелился перейти обратно в лютеранство, высылки он требовал и для наиболее рьяно выступавших против православия пасторов.¹⁰⁴ Но для нас важен в данном случае объективный смысл его требований, а он неожиданно оказался в некоторых моментах общим с требованиями крестьянских масс.

Без этих предварительных замечаний был бы не ясен характер многих статей в русских православных органах печати.

Обсуждение положения в Прибалтике началось на страницах духовных журналов «Странник» и «Духовная беседа» ещё в 1863 г. в связи с призывом архиеп. Платона к благотворительности в пользу православной церкви в Прибалтике, находящейся в тяжёлом положении.¹⁰⁵ Но наиболее интересные и принципиальные статьи появились в духовных изданиях в 1864—65 гг. Здесь нужно, в первую очередь, отметить статьи П. И. П-ва в «Православном обозрении» — «О настоящем положении православия в Лифляндии» (1865, март—апрель) и «Из современ-

¹⁰² См.: ЦГИАЛ, ф. 908 (П. А. Валуева), оп. 2, № 45, ч. I, лл. 40—42.

¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 2, № 16, л. 15. Докладная записка и отчёт Платона были известны русской печати, и материалы их нашли отражение в статьях: см. — Моск. вед., передовые 19. II. 1865, № 38 и 11. IV. 1865, № 77; День — 4. XII. 1865, № 49 (уже известная нам статья В. И. Ламанского «Г. Безбардис и немцы»); и др.

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 2, № 16, лл. 14—15.

¹⁰⁵ См.: Странник, 1863, март, отд. «Современная хроника», стр. 110—112; Духовная беседа, 1863, №№ 5 и 8 (Лифляндец, О сельских училищах. Голос из Лифляндии), № 27 (Лифляндец, Из Лифляндии. Письмо к редактору), №№ 36, 37 и 41 (Лифляндец, Православие в остзейском крае) и др.

ной практики православного священника в Лифляндии» (1865, август), перепечатанные в ряде других изданий, и более раннюю статью Павла Доброхотова в «Вятских епархиальных ведомостях» (1864, №№ 9—11, 13, 14, 22—24), также известную и по другим изданиям.

В первой статье П. И. П-ва [протоиерея Иоанна Поспелова, благочинного в Вендене (Цесисе), автора ряда трудов по религиозным вопросам на местных языках¹⁰⁶] подробно разъяснились причины перехода крестьян в православие в 1840-ые гг. и обратного перехода в лютеранство в 1860-ые гг. Выясняя причины первого явления, автор, хотя и останавливается на факторах чисто-религиозных, но основную причину всё же видит в социальных моментах: ненависть крестьян к помещикам и к «помещицкой» религии; пасторы — те же угнетатели, что и помещики; надежды крестьян на землю и переселение, связываемые с православием и т. д.¹⁰⁷ Останавливаясь же на причинах второго явления, автор приводит многочисленные факты преследований бедных православных крестьян со стороны местных властей, помещиков и пасторов. Помещики не дают православным крестьянам земли в аренду и даже стараются лишить их и тех усадеб, которыми они уже пользуются. Один помещик запретил своим арендаторам даже брать батраков-православных. Число православных хозяев регулярно уменьшается (приводятся точные статистические данные об этом). Судиться с помещиком православному крестьянину бесполезно: суд всегда примет сторону первого. Православных заставляют отбывать повинности в пользу лютеранских пасторов, и жалобы на это также бесполезны и даже могут обернуться против самого жалобщика. В рекруты местные власти стремились сбыть православных. Местные власти всячески поощряют обратный переход в лютеранство, не стесняясь прибегать при этом и к обману. На судьбе православных отрицательно сказывается и неблагоприятность православных церквей и школ. Всё это под-

¹⁰⁶ О том, что автором статьи был И. Поспелов, мы узнаем из его воспоминаний «Мое восемнадцатилетнее служение в Лифляндии» (Богословский вестник, 1894, сентябрь, стр. 413—414). Здесь же подробно рассказывается о преследованиях Поспелова остзейскими властями за эту статью. Интересен также приведенный им в воспоминаниях факт: за разрешение статьи «О настоящем положении православия в Лифляндии» к печати духовный цензор был подвергнут взысканию по приказу обер-прокурора синода. Дело о статье обсуждалось в церковном суде при Московской духовной академии.

Авторство И. Поспелова не было секретом и для современников — см.: Н. С., Церковно-приходские братства в Прибалтийском крае, Отечественные записки, 1867, т. CLXXV, стр. 428.

¹⁰⁷ Вполне «земные» причины переходов из одной религии в другую осознавались, собственно, в 1860-ые гг. почти всеми. Ср. в «Отчёте» архиеп. Платона: «Один православный, сильно уверявший меня в церкви на о. Эзеле; что он желает перейти в лютеранство по любви к этому исповеданию, вышедши из церкви говорил другим крестьянам: «если бы мне дали землю, то я за неё охотно готов сделаться жидом или туркою» (ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 2, № 16, л. 13).

крепляется многочисленными примерами из жизни. Один частный, но показательный факт преследования православия лёг и в основу второй статьи П. И. П-ва.

Но ещё более интересна статья Павла Доброхотова «О православии между латышами и эстами в прибалтийских губерниях».¹⁰⁸ В статье подробно излагалась история православия в Прибалтике, при этом попутно Павел останавливался и на тяжёлом положении местных крестьян, отмечая, что «освобождение» их сохраняло старое рабство. Много места уделено различным фактам преследования православных в крае. Павел затрагивает в своей статье все актуальные аспекты остзейской проблемы — вопрос о положении православия он связывает с вытеснением Вальтера, германизацией края, остзейским сепаратизмом, с необходимостью русификации Прибалтики.

Но самое интересное в статье — конкретные меры, которые предлагает Павел для укрепления православия. Павел предлагает использовать (само собой разумеется, с оговорками — они совершенно необходимы в данном случае) в этих целях ненависть крестьян-эстонцев и латышей к помещикам-немцам. «Особенно необходимо нужно дать возможность православным крестьянам сделаться домохозяевами и самостоятельными арендаторами помещичьих земель».¹⁰⁹ Нужно добиться, чтобы русские и православные начала стали бы популярными среди эстонцев и латышей. «Всего вернее можно достичь сего чрез введение в остзейских губерниях того порядка вещей, какой существует у нас в империи между крестьянами, вышедшими из крепостного состояния, т. е. чтобы и тамошние крестьяне могли иметь свои усадьбы и свою землю для своего хозяйства».¹¹⁰

¹⁰⁸ Статья имела интересную историю. Её автор Павел Доброхотов, в это время ректор Вятской духовной семинарии (позже вологодский епископ), до назначения в Вятку был с 1851 г. ректором Рижской духовной семинарии и в Риге в 1855 г. написал первый вариант своей статьи, которая была переведена на эстонский и латышский языки и опубликована в издававшихся в 1855 и 1856 гг. духовно-учебным управлением календарях на этих языках. За эту статью автор подвергся преследованиям. Генерал-суперинтендент Вальтер пытался даже добиться запрещения статьи, а когда это не удалось, сделал специальное распоряжение о том, чтобы запретить лютеранам покупать этот календарь на 1856 год (распоряжение зачитывалось пасторами в церквах). Из эстонского православного календаря статья была извлечена Лифляндцем (псевдоним), который опубликовал её в сокращённом виде и со своими дополнениями в «Духовной беседе» (№№ 36, 37 и 41 за 1863 г.). Для «Вятских епарх. вед.» Павел значительно дополнил и расширил статью, связав её с текущим моментом в жизни Прибалтики. Часть статьи Павла была перепечатана в «Дне» (№№ 8, 9, 10, 15 за 1865 г.). Позже, когда Павел Доброхотов стал епископом Псковским и Порховским, он перепечатал статью в своей книге «Кое-что из прежних занятий Псковского и Порховского епископа Павла», Псков, 1872, стр. 19—122.

¹⁰⁹ Вятские епархиальные ведомости, 1864, № 24, стр. 745.

¹¹⁰ Там же. Такого рода призывы нередки в православных органах печати: ср., напр., статью «Положение дел в остзейских провинциях» в издававшейся при духовном журнале «Странник» газете «Современный листок политических, общественных и литературных известий», 10. VII. 1865, № 55.

Для распространения православия Павел предлагает «открыть побольше православных школ латышско-русских и эстско-русских на счёт правительства». Местным православным священникам он рекомендует хорошо изучить местные языки, обычаи и историю местных народов, быть ласковыми и обходительными (в противовес пасторам) с прихожанами, привлечь к себе симпатии эстонцев и латышей.

Много внимания положению православия в Прибалтике уделял Катков в «Моск. вед.», призывая к правительственной и общественной (путём пожертвований) поддержке православной церкви (см. передовые — 19. II. 1865, № 38; 11. IV., № 77; 23. V., № 111; 26. V., № 112 — обширные выписки из первой статьи П. И. П-ва в «Правосл. обозр.»). Катков пытался разъяснить и политический смысл этой поддержки: «Но так как в России иные вероисповедания не имеют права на русский язык и так как в Прибалтийском крае русский элемент до сих пор не имеет никаких прав, а протестантизм совпадает с германизмом, и в настоящее время, когда возник вопрос о национальностях, служит наудобнейшим средством для германизации тамошних народонаселений, чуждых германскому элементу и не сочувствующих ему, и в то же время к отчуждению их от русского народа, то относительно церковных вопросов в Прибалтийском крае никто из русских не может оставаться равнодушным, не только с церковной, но и с политической точки зрения».¹¹¹

Либеральная пресса зато считала «неудобным» для себя прямо выступать в защиту православия, к этому времени давно уже скомпрометировавшему себя в широких либеральных кругах. Отсюда — непоследовательность «Голоса» и «С.-Петербург. вед.» в данном вопросе. Так, «Голос» подвергся в 1865 г. преследованиям и за резкую статью о переходе крестьян в православие, в которой автор выступил в поддержку этого движения, и за защиту лютеранства от православия. В № 313 (12. XI. 1865) «Голоса» опубликована статья «Неизвестная страница из русской истории сороковых годов» — рассказ о движении латышей и эстонцев в православие в 1840-ые гг. (изложение статьи из «Чтений в ОИДР» за 1865 г.), которая вызвала большой шум в цензуре за свой антиостзейский и, в общем, антилютеранский характер; член совета Главного управления по делам цензуры Фукс находил в ней «возбуждение одного сословия против другого» и проч.¹¹² Меньше же чем через месяц «Голос» выступил со статьей «Остзейский край со стороны религиозной нетерпимости» (2. XII. 1865, № 333), где доказывалось, что в сопротивлении остзейцев православию нет политического момента, что это обычная вражда религий и она оправдана и что переход

¹¹¹ Моск. вед., 23. V. 1865, № 111.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 1, лл. 193—195 об.

в православие даже нежелателен для жителей прибалтийских губерний, ибо он может только ухудшить их положение. Автор И. А. Остриков и редактор газеты А. А. Краевский подверглись судебному преследованию за эту статью по обвинению в противодействии распространению православия.¹¹³

Такой же непосредственности отличается и позиция «С.-Петерб. вед.», где были опубликованы и статьи в защиту православия в Прибалтике и статья Н. Литке «Православные церкви в Лифляндии» (прибавление к № 83), в которой утверждалось, что православных храмов в остзейском крае много, никто не преследует православных, если православная церковь и находится в неудовлетворительном состоянии, то в этом виноваты сами православные.¹¹⁴

С обсуждением вопроса о положении православия в крае связан и ряд исторических статей, на которых стоит остановиться особо.

В 1865 г. в «Чтениях в ОИДР» был опубликован большой цикл статей о движении прибалтийских крестьян в православие в 1840-ые гг., продолженный в исторических журналах (в тех же «Чтениях», в «Сборниках Русского исторического общества» и «Русском архиве») в последующие годы.¹¹⁵ Эти статьи носят как будто исторический характер, часто включают в себя

¹¹³ См.: Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. III, отд. I, стр. 12—64.

¹¹⁴ Вокруг этой статьи и разгорелась основная полемика в русской печати 1865 г. о положении православия в крае. См.: С.-Петерб. вед. — 31. V. 1865, № 135 (статья В. Маньковского); 30. VI. 1865, № 164 (статья П. Алексеева); Голос — 5. VI. 1865, № 153 (По вопросу о православии в остзейском крае); Моск. вед. — 11. IV. 1865, № 77 (передовая) и т. д.

¹¹⁵ Основные исторические статьи: в «Чтениях в ОИДР» — Ливония в 1841 году (1865, кн. I), Записка из дела о двух латышах, изъявивших добровольно и без всяких видов желание обратиться в православную веру (там же), Донесение о волнении ливонских крестьян 1841 года (1865, кн. II), Очерки Ливонии (там же), Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года (1865, кн. III), Справка по делу о присоединении к православию крестьян Прибалтийских губерний (там же), О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы (там же), Донесение товарища министра внутренних дел Сенинина о нынешнем положении Ливонии. 1845. (1865, кн. IV), Дело о приписке шлоцких евреев к Риге (1866, кн. I), Голос о необходимости иметь одинаковые законы и Прибалтийских губерний с законами Российской империи, поданный в комиссию сочинения проекта Нового уложения камер-конторы Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел депутатом Артемием Шишковым [в декабре 1767 г.] (1867, кн. IV), И. П. Липранди, Разъяснение донесений правительству о переходе в 1845 году латышей и чухон ливонских в православие (1868, кн. III), Письма рижского епископа Филарета о стесненном положении православия в Прибалтийском крае (1869, кн. II и III); в «Сборнике РИО», 1868, т. III — Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского о министерствах; в «Русском Архиве» за 1869 г. — Ю. Самарин, Православные латыши. 1841—1842 годы. Исторический очерк (статья позже составила третий выпуск «Окраин России» Ю. Ф. Самарина). Ср. также: П. Сладкопевцев, Религиозно-политическое движение между латышами и эстами Остзейского края в 1845 году, Библиотека для чтения, 1865, №№ 4 и 5.

официальные документы, докладные записки, проекты 40-ых гг., основываются на воспоминаниях современников — участников событий. Но исторический аспект в них, пожалуй, не является главным. Эти статьи теснейшим образом связаны с современной борьбой, с полемикой по остзейскому вопросу в те дни. В них, по существу, поставлены на материале недалёкого прошлого все основные вопросы тогдашнего обсуждения положения в Прибалтике. И этот актуальный политический смысл исторических статей в «Чтениях в ОИДР» и других журналах прекрасно понимали все. Его понимала русская печать, широко использовавшая материалы этих исторических работ в своих выступлениях по актуальным проблемам остзейского вопроса, иногда просто перепечатавшая эти статьи со своими комментариями, опять же спроецированными на современность.¹¹⁶ Это понимали и остзейцы, поведшие на страницах своей прессы ожесточённую борьбу со статьями в русских исторических журналах.¹¹⁷ Это понимала, наконец, и цензура, неоднократно обращавшая внимание на данные статьи.¹¹⁸

Факт напечатания такого рода статей в «Чтениях в ОИДР», видимо, объясняется тем, что во главе этого издания стоял О. М. Бодянский, а в обществе активное участие принимали московские славянофилы. О. М. Бодянский, видный русский славист, принадлежал к той группе учёных, в которую входил и В. И. Ламанский. Эта группа, тесно связанная с западным и

¹¹⁶ В подтверждение этого можно привести большое количество примеров. Укажем лишь на некоторые. Выше мы уже указывали на перепечатку в «Голосе» статьи из «Чтений» «Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года», вызвавшую недовольство цензуры. Записка Д. П. Трошинского («Сборник РИО», т. III) легла в основу двух передовых статей «Моск. вед.» (2. IV. 1869, № 72; 16. V. 1869, № 105) и одной в «Голосе» (3. VII. 1869, № 181). Статья И. Липранди из «Чтений в ОИДР» изложена в передовой «Голоса» (18. I. 1869, № 18), а статья Ю. Самарина «Православные латыши» из «Русск. арх.» в передовой «Моск. вед.» (3. VII. 1869, № 144) и т. д., и т. д.

¹¹⁷ Ср. статью в «Rig. Zeit.» от 28. VII. 1865, № 171, — «Учёное общество» — с критикой статей в «Чтениях в ОИДР» «Очерки Ливонии» и «Донесение о волнении ливонских крестьян 1841 года».

¹¹⁸ Особое внимание Главного управления по делам печати привлекли статьи из III т. «Чтений» за 1865 г. — «Движение латышей и эстов...» и «О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы». Цензор Фукс нашёл, что они совершенно «не соответствуют цели и специальности занятий» исторического общества, «так как первая из них, касаясь события, слишком близкого к нам по времени и подлежащего еще дальнейшему правительственному обсуждению, а вторая, касаясь исключительно направления нашей будущей внутренней политики, не подходит под рубрику истории и древностей». Цензор нашёл в статьях недопустимую критику действий правительства и царя, оправдание восстания крестьян, оскорбление остзейского дворянства и прочие «грехи». Решено было указать председателю общества на недопустимость печатания подобного рода статей. См. ЦГИАЛ ф. 776, оп. 2, № 1, лл. 189—192 об. Внимание цензуры привлекла также статья Самарина и её перепечатка (в извлечениях) в «Моск. вед.»

южным славянским миром, исполненная идеи единения славян, их особой роли в истории, отрицательно относилась к усилению Германии, к «наступлению» «германского элемента» на славян, и с этих позиций рассматривала и остзейский вопрос. Положительные эстонцев и латышей, страдающих под немецким гнётом, ассоциировалось в их представлениях с положением чехов, словаков, хорватов, преследуемых австрийскими немцами. Защита прибалтийских народов, русских «начал» в Прибалтике была для них защитой славянского мира от наступления германизма.

Остановимся несколько подробнее на вышеуказанных статьях.

Главное в них — доказательство того, что переход в православие был вызван не подстрекателями (как это пытались доказать остзейцы), а бедственным положением крестьянства, бесправного, лишённого земли, отягчённого работами на помещика и целым рядом повинностей. В связи с этим довольно подробно описывается сама жизнь местного крестьянина, различные формы его эксплуатации. В статьях обращается внимание на несправедливость остзейского суда, целиком зависящего от дворянства, и на неудовлетворительность системы судопроизводства. Остзейское законодательство, крайне запутанное и никому толком не известное, тоже способствует утверждению власти дворян, поскольку они при любом конфликте могут сослаться на какой-либо закон, который решает дело в их пользу. Волостное правление также полностью подчинено дворянам (об этом особенно много говорится в статье Самарина). Пасторы находятся на службе у дворян и как бы играют роль помещиков. В общем, «в теперешнем положении Лифляндии можно её назвать пашальком, где произвол расправы предоставлен сильному».¹¹⁹ Положение таково, что можно в любой момент ожидать бунта, и бунт рано или поздно произойдёт, если правительство не примет мер и не улучшит положения народа; действия народа даже можно оправдать: «При таких условиях, если народ безуспешно испытал все законные средства к своему охранению, если землевладельцы пренебрегли его мольбами, если управление не вняло его стонам, этот народ по справедливости мог бы употребить те средства, которые находились в его естественном, неотчуждаемом праве, и, несмотря на всю их антигражданственность, мы не знаем, какой суд решился бы обвинить нарушителей общественного порядка».¹²⁰

А вся причина тяжелого положения народа — в остзейских дворянах, в установленном ими для защиты собственных привилегий особом остзейском режиме. В статьях находим суровую критику всей системы этого режима, причём авторы доказывают, что остзейские привилегии ни на чём не основаны¹²¹, несовместимы с интересами государства и местного населения и должны быть уничтожены. В статьях много иногда грозных, а иногда остроумных, едких филиппик против остзейского дворянства не только за его неблагоприятную роль в угнетении местных народов, но, главным образом, за его враждебность России, чуждость русским государственным интересам. Особенно возмущает авторов статей 1868—69 гг. частое использование местными властями русских войск в интересах остзейских баронов; таким обра-

¹¹⁹ Донесение о волнении ливонских крестьян (1841 года), Чтения в ОИДР, 1865, кн. II, отд. V, стр. 96.

¹²⁰ Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года, Чтения в ОИДР, 1865, кн. III, отд. V, стр. 119.

¹²¹ Этому особенно много места уделено в «Записке» Д. П. Трошинского. Интересно, что уже в 1865 г. были выступления против попыток остзейцев обосновать свои привилегии текстом капитуляции, заключённой между остзейским рыцарством и Петром I: см. «Чтения в ОИДР», 1865, кн. III, отд. V, стр. 177. В 1867—69 гг. полемика вокруг текста капитуляции получит широкий размах.

зом остзейцы стремятся не только сохранить свою власть, но и посеять в крестьянах неприязнь и недоверие к правительству и русским вообще¹²². В этой связи в некоторых статьях (в особенности в статье Самарина) критикуется правительственная политика покровительства остзейцев.¹²³

В этих статьях намечена и программа действий, те меры, которые нужно предпринять для ликвидации ненормального положения, сложившегося в Прибалтике. Эти меры, по мнению большинства авторов, должны сводиться к политике русификации Прибалтики, к введению общерусских государственных начал в крае. За это, как оказывается, ратовали уже деятели XVIII (Артемий Шишков) и начала XIX вв. (Трошинский), за это ратуют и авторы исторических статей о недалёком прошлом — о 1840-ых гг. Наиболее полно такие требования изложены в записке «О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы», в которых, как это заметил и цензор в вышепротитированном замечании, речь идёт, собственно, не о прошлом, а о направлении правительственной политики в будущем. В записке предлагается ввести в Прибалтике русские законы, суд, губернское и городское устройство по русскому образцу, надо предоставлять — утверждает автор — главные должности в крае только русским и обучение в школах перевести на русский язык. Это наиболее откровенная программа обрусения края; последнее обычно у русских публицистов той поры маскировалось, скрывалось, ибо даже Катков понимал, что идея обрусения в её чистом виде способна скомпрометировать его позицию в глазах прибалтийской общественности. Но в некоторых исторических статьях выдвигалось и требование закрепления земли за крестьянами в наследственное пользование. Таким образом, ещё раз повторяем, исторические статьи имели вполне актуальный злободневный смысл.

И, наконец, последний вопрос, поднятый русской печатью 1864—65 гг. в связи с обсуждением остзейской проблемы, — вопрос о латышском национальном движении (о национальном движении эстонцев материалов пока почти нет).

Выше нам уже неоднократно приходилось говорить о сложных взаимоотношениях деятелей прибалтийских национальных движений с русской печатью. Русская консервативная и либеральная печать поддерживала национальные движения прибалтийских народов, но это была поддержка особого рода. Русская печать (в особенности катковская) воспринимала эти движения, в первую очередь, как антинемецкие, как борьбу против особого остзейского режима, как стремление латышей и эстонцев сблизиться с Россией, добиться установления и в Прибалтике общерусских государственных начал. Эти моменты, действительно, присутствовали в национальных движениях прибалтийских народов и играли в них важную роль, но для эстонского и младолатышского движений всё же не менее важен был вопрос о развитии национальной культуры, о самостоятельном национальном развитии народа. Для русской печати этот момент был на втором плане, хотя, как мы увидим ниже, и не

¹²² См.: Чтения в ОИДР, 1868, кн. III, отд. V (статья Липранди) и Русский архив, 1869 (статья Самарина).

¹²³ Кстати, критика правительственной политики в Прибалтике уже в 1865 г. явление обычное. Так, автор статьи в «С.-Петербург. вед.» «Латышский вопрос» (10. XI. 1865, № 296) прямо называет латышский вопрос, положение латышей — «тяжёлым упрёком нашей прежней политике».

игнорировался (особенно либеральными газетами), тем более, что даже Катков опасности эстонского и латышского национальных движений для царской России не видел и считал возможным в ту пору содействовать развитию местных национальных культур, как средству противодействия германизации.

Возможность союза между буржуазно-демократическим крылом эстонского национального движения и младолатышами, с одной стороны, и русской либеральной и консервативной печатью, с другой, объясняется, однако, не только тактическими соображениями, но, в известной мере, и более глубокими причинами: ни деятели эстонского движения, ни младолатыши не были революционерами, они возлагали почти все свои надежды на правительство, на его реформы — этим и объясняются поиски ими поддержки у Каткова и либералов. Этим объясняется и тот факт, что эти движения не сумели установить связи с русской революционной демократией, хотя здесь важную роль сыграло и то обстоятельство, что русская демократическая и революционно-демократическая мысль 1860-ых гг., в силу ряда причин, вообще мало интересовалась остзейским вопросом.

Правда, нужно учесть, что на практике, в условиях особого остзейского режима, в Прибалтике идеи деятелей национального движения приобретали несравненно более радикальный характер и иногда могли оказывать даже революционизирующее влияние на общество. Совершенно правы современные латышские исследователи, следующим образом характеризующие основной орган младолатышского движения газету «Петербургас Авизес»: «хотя её редакторы не были революционерами и они не пропагандировали революционных идей, в восприятии народа в ряде случаев её антифеодальные и просветительские статьи приобретали революционный характер».¹²⁴ Этой стороны дела тогдашние русские публицисты или действительно не замечали или склонны были не замечать, ибо в интересах воздействия на правительство им важно было представить эти движения как лояльные по отношению к царизму, как прорусские. Этим объясняется и тот факт, что защита «Петербургас Авизес» велась у Каткова в плане опровержения утверждений остзейцев о революционном характере газеты, в плане доказательства её верноподданничества, её прорусских тенденций. Собственно, в этой полемике не были правы ни остзейцы, ни Катков. Младолатышское движение не было революционным, но оно и не совпадало в своих конечных целях с интересами русского царизма. Но каждый из двух лагерей в полемике — остзейцы и лагерь русской консервативно-либеральной печати — склонен был воспринимать эти движения в аспекте своих представлений и планов.

¹²⁴ Очерк истории латышской советской литературы, Рига, Латгосиздат, 1957, стр. 28.

Обсуждение проблемы национального развития прибалтийских народов началось в 1864 г. на страницах газеты «День» со статей об эстонском и латышском языках: «Голос эстонца. Об эстонском языке» (13. VI. 1864, № 24) и «Язык и письменность латышей» (25. VII. 1864, № 30).

Наибольший интерес представляет первая статья, созданная на основе известного рукописного сочинения Я. Адамсона «Lissa-kiigi. Eesti keel». В статье отмечается господство во всех областях жизни Прибалтики немецкого языка и постоянное преследование эстонского, который остзейцы стремятся совершенно уничтожить. Немецкий язык господствует и в церкви, и в правительственных учреждениях, и в судах, что очень затрудняет для крестьян ведение дела. В статье отмечается преследование тех образованных эстонцев, которые не хотят онемечиваться и остаются верными своей нации. В ней высказывается требование равенства эстонского языка с немецким (эта мысль проведена, правда, робко), допущения эстонского языка в дело-производство, в суд, в гимназии. Подвергается критике и эстонская печать, находящаяся под влиянием остзейцев и не знакомящая читателей с русской жизнью и, в частности, с крестьянскими реформами в стране. Но добиться изменения такого положения, добиться признания эстонского языка эстонцы могут только при помощи русских — русского общества и властей.¹²⁵

Вопрос о правах эстонского и латышского языков продолжал дискутироваться и в 1865 г.¹²⁶, когда он уже стал составной частью более широкой проблемы — национального движения в Прибалтике вообще.

¹²⁵ Статья была перепечатана в «С.-Пеперб. вед.» (16. VI. 1864, № 132) и в «Русск. Инв.» (19. VI. 1864, № 136) и вызвала большую официальную переписку — см. «Дело Центрального управления по цензурному ведомству по статье № 24 газеты «День» «Голос эстонца», ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 96. Генерал-губернатор Ливен обратился с конфиденциальным письмом к П. А. Валуеву, в котором, отметив неослабевающую полемику в русской печати по остзейскому вопросу, обратил внимание министра на статью «Голос эстонца», «наполненную неверных и враждебных заявлений», и просил его принять меры к напечатанию опровержения на эту статью в «Дне» и к прекращению полемики вообще. Валуев немедленно потребовал от московского цензурного комитета строгих мер против подобного рода статей с целью «пресечения» полемики. Но редактор «Дня» И. С. Аксаков согласился напечатать опровержение на статью «Голос Эстонца» лишь при условии, что он снабдит его своими примечаниями, мотивируя это тем, что опровержение «подписано частным лицом и вообще имеет характер статьи частной». Аксаков обратился со специальным письмом к министру, где доказывал полную неубедительность опровержения. Началась новая переписка Валуева с Ливеном, закончившаяся тем, что Аксакову разрешено было вообще не печатать опровержения. См.: ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 96, лл. 1—15.

¹²⁶ См.: Г. Алунан, Об употреблении немецкого языка при латышских волостных управлениях (День, 29. V. 1865, № 22); В. Ламанский, Г. Безбардис и немцы (День, 4. XII. 1865, № 49); Остзейские дела (С.-Пет. вед., 5. X. 1865, № 260; здесь наиболее открыто и смело выдвинуто требование равноправия латышского языка с немецким, требование латышского преподавать латышский язык в гимназиях).

Последняя проблема намечена в статьях «С.-Петерб. вед.» — «Остзейские дела» (5. X. 1865, № 260) и «Латышский вопрос» (10. XI. 1865, № 296). В первой статье указывается на то, что, несмотря на полное бесправие и постоянные притеснения, несмотря на немецкую пропаганду и онемечение, латыши нашли в себе достаточно сил для утверждения своей национальности. У них уже есть своя народная журналистика, литературное латышское общество, впрочем, оказавшееся в руках немцев и ставшее орудием германизации. Латышская журналистика состоит из 4 органов, различных по направлению — «Mahjas Weesis» и «Peterburgas Awises» «служат органами народной партии», а митавская «Latweeschu Awises», возглавляемая пастором Шульцом, является «орудием немецкой партии» (с критикой этой газеты выступил и Алуан в специальной статье в «Дне», 29. V. 1865, № 22). Но уже тот факт, что эта партия вынуждена была прибегнуть к изданию на латышском языке, говорит о силе национальных устремлений латышей.

Во второй статье подробно разъясняется, в чём состоит суть латышского вопроса. Это вопрос об освобождении латышей от духовного и материального ига немцев с тем, чтобы сблизить их с Россией, «поднять в них русский дух», «сделать их крепкими России». Впрочем, это всё же не заурядный призыв к русификации. Не случайно тут же проводится мысль, что России нечего опасаться латышского сепаратизма, что тесное объединение всех народов в едином государстве должно производиться на такой основе, на которой не были бы задеты интересы отдельных народов. Но особенно интересна мысль о том, что главное в латышском вопросе — вопрос о земле. Русское правительство обязано, как оно это сделало в России и в Польше, провести и в Прибалтике земельную реформу — наделить крестьян землёй.

В центре обсуждения вопроса о национальном движении латышей в русской печати 1865 г. стала защита его крупнейших представителей и вождей — Кр. Вальдемара и К. Биезбардиса от нападков и преследований остзейцев. Как известно, в 1865 г. «Петербургас Авизес», к этому времени уже крайне стеснённая остзейцами, постоянно преследуемая местной цензурой, вынуждена была прекратить своё существование. В 1865 же году остзейцы предприняли ряд мер к тому, чтобы подорвать в массах авторитет вождя младолатышей Вальдемара. Они воспользовались с этой целью историей с неудачным переселением латышских крестьян в его новгородское имение. Вальдемар купил около 6000 десятин земли в Новгородской губернии с целью распродать её латышским переселенцам. Сообщив об этом в газете, он не рассчитал, что объявление вызовет переселение массы людей. Когда стало ясно, что новгородское имение не в состоянии удовлетворить потребности в земле и части переселенцев, Вальдемар попытался сообщить

об этом крестьянам. Но остзейские власти решили воспользоваться этим случаем для дискредитации Вальдемара и запретили публикацию его предупреждения в газете. Тогда он обратился к пасторам с призывом довести до сведения крестьян сообщение о невозможности наделить всех желающих земель. Пасторы отказались это сделать. Массы переселенцев латышей двинулись в Новгород и вынуждены были, разорившись, лишившись имущества и средств, вернуться домой. Против Вальдемара было возбуждено судебное преследование, а остзейская печать подняла страшный шум вокруг этого дела. Ещё до этого остзейцы расправились с видным младолатышским деятелем К. Биезбардисом, обвинив его в подстрекательстве крестьян против помещиков в связи с крестьянским движением, хотя его вина заключалась лишь в составлении прошений для крестьян. Остзейцы добились его высылки из Латвии.

Все эти факты были подробнейшим образом освещены в ряде корреспонденций и передовых статей «Моск. вед.», «Дня», «С.-Петербур. вед.» и других газет.

Особенную энергию проявил здесь Катков, с которым в эту пору уже был тесно связан Вальдемар. В ряде статей Катков выступил в защиту «Петербургас Авизес» и Вальдемара в связи с новгородской историей¹²⁷. Каткова крайне возмущало то обстоятельство, что основной удар по «Петербургас Авизес» нанесло правительство, приостановив газету вначале на 6 месяцев, подчинив её остзейской цензуре в Риге, подвергнув репрессиям ряд её сотрудников. При этом Катков стремится доказать, что газета совсем не носила революционного характера — с этой целью в передовой № 246 он подробно пересказывает и разбирает те статьи, которые инкриминировались газете остзейцами, утверждавшими, что «Петербургас Авизес» призывает к революции, к экспроприации богатств и т. д. В освещении Каткова эти статьи выглядят совершенно невинными. По Каткову, истинные причины преследования газеты — её антиостзейское и прорусское направление. За это остзейцы преследуют и Вальдемара.

Ещё большее внимание уделила русская печать в 1865 г. делу Биезбардиса.¹²⁸ Катков, подробно изложив это дело, до-

¹²⁷ См.: передовые статьи «Моск. вед.» — 16. X. 1865, № 226; 29. X., № 236; 10. XI., № 246; 13. XI., № 249. В 1867 г. Вальдемар подробно изложил как новгородскую историю, так и историю «Петербургас Авизес» в статьях «Переселение латышей в Новгородскую губернию в 1865 г.» (Моск. вед., 1. и 13. IV. 1867, №№ 73 и 82), где он, между прочим, указывает, что лишь статьи «Моск. вед.» спасли его от тяжких бед.

¹²⁸ См. передовые «Моск. вед.»: 4. XI. 1865, № 241; 11. XI., № 247; 21. XI., № 256 и ряд мелких заметок. Дело Биезбардиса освещено также в уже знакомых нам статьях: Латышский вопрос (С.-Петербур. вед., 10. XI. 1865, № 296); В. И. Ламанский, Г. Безбардис и немцы (День, 4. XII. 1865, № 49). См. ещё — Мнимый адрес латышей (Весть, 29. XI. 1865, № 25).

казывал, что Биезбардис пострадал, в сущности, за составление верноподданического адреса. Он не успокоился даже тогда, когда вынужден был по приказу свыше напечатать в №№ 246 и 247 официальное опровержение, в котором утверждалось, что в России никто не может быть подвергнут наказанию за составление верноподданического адреса. Катков изложил подлинный текст адреса, составленного Биезбардисом, и обвинения остзейцев, доказывая, что основная причина неприязненного отношения последних к адресу — в высказанной в нём мысли о необходимости сближения Прибалтики с Россией, ликвидации преград, отделяющих латышей от России и русских. В. И. Ламанский в уже неоднократно упоминавшейся нами статье «Г. Безбардис и немцы», подвергнув внимательному рассмотрению все обвинения остзейцев против Биезбардиса, в том числе и обвинение в связи его с движением крестьян в Гренцгофе (интересно, что Ламанский склонен полностью оправдать гренцгофских крестьян и во всём винить местное немецкое начальство), пришёл к тому же выводу, что и Катков. Именно с этого времени и утвердился в русской публицистике термин «молодой латыш», обозначающий в русской печати противника остзейских порядков, происхождением — из латышей, сторонника сближения с Россией. Биезбардис, также как несколько позже братья Петерсоны, стал вскоре очень популярен в русской печати, как своеобразный мученик за латышское и русское «дело». Его имя часто фигурирует в различных статьях и книгах. Через несколько лет в Москве даже будет производиться сбор средств для его поддержки.

В либеральных кругах русского общества в это время вообще намечается усиление враждебности к германизму и, вместе с тем, сочувствия к эстонцам и латышам. Нередки даже открытые антиостзейские демонстрации, в какую, например, вылилось заседание отделения этнографии Русского географического общества 12 марта 1865 г. На этом заседании, проходившем под председательством Ламанского, был принят в члены общества Вальдемар Ламанский, представив его обществу как «благородного поборника» интересов латышей, приветствовал пробуждение латышской нации и появление таких деятелей, как Вальдемар. Вслед за тем был прочитан доклад слепца Г. И. Ширяева «Заметка о г. Риге», в котором рассказывалось о притеснениях русских, латышей и эстонцев в Риге и прибалтийских губерниях. Затем М. И. Семевский представил обществу краткий исторический очерк взаимоотношений русской, латышской, эстонской и немецкой национальностей, основанный на данных книги Самарина «Общественное устройство города Риги» (СПб, 1852; уже в ту пору библиографическая редкость). В заключение Ламанский выступил с обзором

нием трудов о Прибалтике. Все выступления носили крайне резкий антиостзейский характер.¹²⁹

Единственной яркой противницей национальных движений балтийских народов была «Весть», с возмущением писавшая в статье «Немцы» (27. IX. 1865, № 7) о тех людях, которые «проводят мысли о возвеличении чухон и латышей на счёт образованного и влиятельного немецкого элемента». В статье -й -е (Николай Литке?) «О латышах и латышской литературе» (21. X. 1865, № 14, в связи со статьей «Остзейские дела» в «С.-Петербур. вед.») доказывалось, что латыши всему обязаны немцам: латышские литература, журналистика и грамматика созданы немцами, сам Вальдемар всему обязан немецкой науке, ибо учился (якобы довольно плохо¹³⁰) в Дерптском университете. На страницах «Вести» появились резкие статьи против Вальдемара в связи с новгородской историей (см. «Весть», 22. XI. 1865, № 23), против Биезбардиса и его адреса (29. XI. 1865, № 25). В последней статье доказывалось, что адрес, составленный Биезбардисом, это, собственно, не адрес, а самая возмутительная петиция, жалоба, исполненная «неприличных выражений»: разве прилично называть себя «невольниками», а свой труд «невольническим» — ведь это взгляд, заимствованный из теорий «Современника»!

* *
*

Таковы важнейшие вопросы, поставленные русской печатью 1864—65 гг. в связи с обсуждением положения в Прибалтике. Эти вопросы, по существу, охватывают все основные моменты общественно-политической и экономической жизни Прибалтики той поры, взаимоотношения остзейского края с Россией и Германией. Обсуждение положения в Прибалтике на страницах русской печати 1867—69 гг., namного увеличив количество статей об остзейской проблеме, неожиданно превратив её в одну из центральных в публицистике, новых вопросов, тем не менее, почти не поставило. Оно, в основном, лишь конкретизировало, разъяснило, дополнило те вопросы, которые уже были поставлены в процессе обсуждения 1864—65 гг., постаралось разрешить их на несравненно большем по количеству материале. Конечно, такое резкое увеличение количества материала не

¹²⁹ См. об этом: Журнал заседания отделения этнографии Русского географического общества 12 марта 1865 г., Известия имп. Русского географического общества, 1865, т. I, стр. 211—221. Ср. также: День, 12. VI. 1865, № 24.

¹³⁰ Это была преднамеренная ложь, ибо Вальдемар уже в университете достаточно ярко проявил и свой талант, и глубину знаний, и эрудированность — см. об этом, напр., L. Loone, Tartu üliõpilaste tutvumine Fr. Engelsi tööga 1857. a. Lisaandmed läti rahvusliku liikumise tegelasest Kr. Valdemarist, Edasi, 14. I. 1958, Nr. 10.

могло не отразиться на качестве постановки и разрешения отдельных вопросов остзейской проблемы, но о появлении принципиально нового качества здесь всё же не может быть речи.

В обсуждении положения в Прибалтике в 1864—65 гг. принимали участие почти все ведущие и многие второстепенные органы печати. В этот период наметилось и различие направлений в русской печати по остзейскому вопросу: выделились довольно близкие друг к другу направления — либеральное и катковское, где-то посередине между ними находятся славянофилы («День» И. С. Аксакова, в известной степени — «Чтения в ОИДР»), создавая как бы единую цепь, правее — правительственное направление и на крайне правом фланге русской журналистики — единственный активный защитник остзейцев — «Весть», орган крепостников. Но в этой не очень чёткой картине направлений, однако, фактически отсутствует левый фланг: демократическая и революционно-демократическая публицистика в обсуждении остзейского вопроса почти не принимает участия. Следующий период, 1867—69 гг., будет характеризоваться ещё меньшей чёткостью направлений, сближением их друг с другом.

Отсутствие «левого фланга», демократического лагеря в обсуждении положения в Прибалтике не могло не сказываться крайне отрицательно на разрешении вопросов, поставленных в процессе этого обсуждения. Как мы видели, разрешение, в основном, даётся либеральное — путь реформ, на который печатать и стремится направить правительство.

6.

В 1866 г. наблюдается известный спад интереса к Прибалтике в русской печати. Количество статей уменьшается, круг рассматриваемых вопросов сужается. Сокращение полемики по остзейскому вопросу объясняется рядом причин.

Известную роль здесь сыграл циркуляр начальника Главного управления по делам печати о прекращении полемики с русской печатью в остзейской прессе от 14. XII. 1865 г. за № 131 (опубликован в «Северной почте», 15. XII. 1865, № 273). В циркуляре отмечалось, что полемика «не привела до сих пор ни к какому результату, кроме обоюдного раздражения и ещё большего, если возможно, усложнения и затемнения прикосновенных к ней вопросов», и что в русской печати раздаются несправедливые, «желчные и язвительные» нарекания на остзейских немцев и местные учреждения. Но циркуляр признавал всё же «неудобным» принять меры против русских периодических изданий, ибо они основываются в своей критике на действительно имевших место в отдельных случаях ошибках в крае и исходят из «заслуживающих полного уважения убеждений в необходимости государственного единства и в неприкосновенности государственных прав русской народности. Формы, в которых высказываются эти убеждения большею частью неудобны; но самые убеждения правильны. К ним примешиваются разного рода преувеличения и кривотолки; но первый шаг к их устранению надлежит сделать с той самой стороны, с которой они в некоторой мере

были вызваны».¹³¹ Поскольку начало полемики, как считало Главное управление, было вызвано остзейцами (вероятно, здесь имелась в виду речь Вальтера и защита её в остзейской печати), циркуляр предлагал цензорам принять меры к полному прекращению полемики с русскими газетами в остзейской прессе, к недопущению в печать статей, могущих вызвать продолжение полемики. Это должно «образумить» и русскую прессу, «которая в настоящее время как будто поставила себе задачей отрицать историческую неизбежность различий между Ригой и Костромой и между Ревелем и Полтавой».¹³² Циркуляр вообще показывал, что царское правительство уже не может не считаться с русской прессой в остзейском вопросе, особенно с либеральной и катковской. Царское правительство более всего желало прекращения полемики¹³³, но выступить открыто против русской консервативной и либеральной печати, защищавшей интересы государства, интересы царизма против «посягателей» сепаратистов, оно не считало возможным и предпочло в целях прекращения полемики нанести удар по остзейской прессе, к этому времени уже значительно скомпрометировавшей себя своей нетерпимой защитой остзейских порядков.

Катков приветствовал критику остзейской печати (см. передовую «Моск. вед.», 17. XII. 1865, № 277), но запрещение ей вести полемику не могло встретить, по крайней мере, на словах, сочувствия ни у либералов, ни даже у Каткова, стремившихся в это время представить себя сторонниками прогресса, свободы и справедливости в Прибалтике в противовес «ретроградным реакционерам» и «угнетателям» — остзейским баронам. Русская печать внешне предпочитала выступать в роли «беспристрастных» и «справедливых» судей остзейских порядков. Поэтому в ней даже высказывается сожаление о прекращении полемики. Это заставляло русскую печать воздерживаться от новых выступлений о Прибалтике. Так, «Голос» в передовой «Наши увлечения по вопросам Прибалтийского края» (20. III. 1866, № 79) отмечает, что полемика по остзейскому вопросу прекратилась и прекратилась «не по собственной воле»: «Русская печать сказала своё слово; затем, вести речь безвольному противнику, не зная, в какой степени она достигла или нет своей цели, в какой степени убедительны противнику доводы, было бы несовместимо с достоинством нашей печати». Правда, когда в «Сев. почте» в № 40 за 1866 г. было опубликовано письмо цензора «Rig. Zeit.» начальнику Главного управления печати о стесненном положении остзейской прессы с просьбой об отмене предварительной цензуры и разрешении для неё вести полемику с московской и петербургской печатью (письмо было опубликовано с официальными комментариями, в которых «Сев. почта» указывала на недопустимый характер антиостзейских выступлений в русских газетах), то русская пресса возмутилась. В «Моск. вед.»

¹³¹ Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 236.

¹³² Там же.

¹³³ Правительство предприняло ряд конфиденциальных мер к прекращению полемики по остзейскому вопросу в русской печати. Московский цензурный комитет, докладывая министру внутренних дел о направлении «Моск. вед.», отмечал: «На неудобство возбуждения этого вопроса и прекращение полемики по оному, как известно Вашему Высокопревосходительству, Комитет получает многократные указания» (ЦГИАЛ, ф. 774, оп. 1, № 59, лл. 33 об. — 34). В начале июля 1864 г. Совету по делам книгопечатания было доложено специальное распоряжение министра внутренних дел П. А. Валуева о прекращении полемики между немецкими прибалтийскими и русскими московскими газетами, вызвавшее своим проостзейским тоном негодование среди некоторых членов Совета — см. об этом: А. В. Никитенко, *Дневник*, т. 2, Гослитиздат, 1955, стр. 448—449, 452. Ср. также в письме П. А. Валуева к М. Н. Каткову от 11. VI. 1864: «Я требовал от здешней (т. е. петербургской — С. И.) цензуры и требую от московской, чтобы этой полемике (речь идет о полемике по остзейскому вопросу — С. И.) был положен предел» (Русская старина, 1916, июнь, стр. 355).

(2. III. 1866, № 45) и в «Голосе» (20. III. 1866, № 79; 13. IV. 1866, № 101) появились статьи, доказывавшие, что русская печать всегда только строго обоснованно критиковала остзейские порядки и «не искажала истины», что в полемике виноваты сами остзейцы, не желающие отказаться от своих допотопных порядков, от угнетения балтийских народов. Но, как бы то ни было, прежняя резкость выступлений уже не могла иметь места.

Ещё более важное значение имело усиление в 1866 г. правительственной реакции, правительственного нажима на печать: были запрещены «Современник» и «Русское слово», приостановлены на несколько месяцев даже «Моск. вед.» и «С.-Петербур. вед.», основные органы антиостзейской печати. Это заставляло прессу быть осторожной с обсуждением такого щекотливого в цензурном отношении вопроса, как остзейский.

Но самым существенным, вероятно, было отвлечение внимания русской прессы к другим более важным вопросам внутренней и внешней политики — к покушению Каракозова, вызвавшему массу откликов и обсуждение вопроса о революционных элементах в России в либерально-консервативной прессе; к прусско-австрийской войне, значительно изменившей соотношение сил в Европе и т. д.

В 1866 г., в основном, продолжалась разработка некоторых старых вопросов, в частности, вопроса о введении русского языка в Прибалтике, продолжалась критика местных судебных порядков, говорилось о тяжёлом положении прибалтийских крестьян, подчёркивалось особое значение остзейского вопроса в связи с усилением Пруссии, опасностью со стороны Германии, всё более склоняющейся к политике «Drang nach Osten».¹³⁴

Но внимания заслуживают лишь статьи, связанные с новой тактикой остзейцев. До этого остзейцы стояли на узкой и уязвимой позиции защиты особых привилегий остзейского дворянства и бюргерства, своих исторических прав. Однако уже начиная с 1865 г. остзейское дворянство и бюргерство, к этому времени значительно сблизившиеся друг с другом, стали придерживаться несколько иной тактики: они стремятся теперь подчеркнуть, что местные привилегии — это не особые права только немецкого рыцарства и верхушки горожан, но привилегии всего края, что последние полезны и латышам и эстонцам. Остзейцы якобы стремятся не к отмене этих привилегий, а к

¹³⁴ См. ряд статей в «Голосе»: В. И. Ламанский, Еврейская коллекция и непреходящий секретарь Академии наук (18. и 19. III. 1866, №№ 77 и 78), Кризис в Европе и остзейские провинции (24. VII. 1866, № 202) и др. Наиболее резко мысль о том, что в случае войны России с Германией (а такая война якобы рано или поздно почти неминуема) остзейцы станут на сторону последней и изменят России и что с этих позиций остзейский вопрос уже сейчас вопрос русской внешней политики, проведена в статье «Голоса» «По поводу опечатки» (№ 187). Эта статья вызвала жалобу лифляндского губернатора и ряд цензурных неприятностей для газеты (СГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 15, ч. 1, лл. 127—135 об.).

распространению их на всё население края.¹³⁵ Лифляндский и эстляндский ландтаги приняли решение о разрешении всем лицам приобретать имения и о допуске на ландтаг и недворян. «*Revalsche Zeit.*» даже поговаривала о необходимости допуска верхушки крестьянства на ландтаг.

В своей основе эти остзейские планы были чистой демагогией, таким образом остзейцы стремились сохранить свои привилегии, но в русской печати эти высказывания были восприняты всерьёз. И эти изменения в тактике остзейцев вызвали большие опасения в либеральной и консервативной прессе, которая заподозрила остзейцев в стремлении таким способом обособить край от России и германизировать «туземцев», увидела в этих планах средство противодействия русским «началам». Катков раздражается передовой «Москва, 23-го марта» (Моск. вед., 24. III. 1866, № 64), в которой пытается доказать, что расширение прав и привилегий остзейской верхушки на всё население края крайне опасно, ибо это способ германизации эстонцев и латышей, имеющий целью окончательно оторвать Прибалтику от России: «Не ясно ли, что присвоение всех тех же прав целому населению прибалтийских губерний разом выделило бы его в особую нацию, и притом нацию немецкую? Не ясно ли, что эта нация, так поставленная, не могла бы не сделаться для России новою Польшей?»¹³⁶ Здесь русификаторство Каткова сказалось особенно ярко. Обычно он прикрывал свои обрусительные идеи фразами о том, что русификация улучшит положение прибалтийских крестьян, будет способствовать их развитию и самостоятельности. Здесь же Катков, в сущности, признал, что улучшение положения прибалтийских крестьян его не волнует, а более всего его интересует обрусение края.

«Голос» откликнулся на новые остзейские проекты циклом из 3 статей «Как шли немцы с латышами рука об руку вперёд» (I — 2. I. 1866, № 2; II — 6. I., № 6; III — 14. I., № 14), в которой на материале истории и современного положения прибалтийского крестьянства доказывалось, что ни о каком единении латышей с местными немцами на практике не может быть и речи. Третья статья, впрочем, имеет и самостоятельный интерес, как довольно аргументированное доказательство тяжёлого положения остзейского крестьянства, которое из-за

¹³⁵ Эту мысль проводила и обычно выражавшая в русской печати взгляды остзейцев «Весть»: см. статью Н. Х., О преобразованиях в Эстляндской губернии (3. III. 1866, № 17).

¹³⁶ Моск. вед., 24. III. 1866, № 64. Эта статья Каткова была настолько нетерпима по своему содержанию и тону, что вызвала даже специальную правительственную меру: прибалтийским газетам, вопреки запрещению им вести полемику с русской печатью, было разрешено печатать возражения на эту статью. См. распоряжение Главного управления по делам печати от 28. III. 1866 г. за № 583, Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 238.

отсутствия средств не в состоянии приобрести землю. Если приобретение земель крестьянами будет идти в том же темпе, как и в последние 45 лет, то только через 200 лет крестьяне станут земельными собственниками, — горько иронизирует автор.

Обсуждение новой тактики остзейцев продолжалось и в 1867—69 гг.

7.

Изучение обсуждения остзейского вопроса в русской печати 1867—69 гг. затрудняет колоссальное, почти необъятное количество материалов — на страницах русских газет и журналов появляется масса статей, корреспонденций, заметок о Прибалтике, рецензий и откликов на книги и статьи по данному вопросу в других изданиях. В России и за границей появляются книги и брошюры о Прибалтике. Ведущие органы русской либеральной и консервативной прессы — «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Голос», «Москва», «Биржевые ведомости» — изо дня в день печатают материалы, так или иначе связанные с остзейским вопросом; достаточно сказать, что в 1869 г. только в «Моск. вед.» 32 передовые статьи были посвящены этому вопросу, не говоря уже о сотнях других материалов, в том числе крупных статей отдельных авторов, порой занимающих целые страницы газетного текста. В кильватере этих ведущих органов печати идут многочисленные второстепенные столичные и провинциальные газеты. С 1869 г. в Риге начинает выходить «Рижский вестник», орган местных русских кругов, почти полностью посвящающий свои страницы положению в Прибалтике. Его материалы широко перепечатываются в других газетах. Именно в этот период русская пресса устанавливает более тесную связь с латышской и эстонской печатью, и частым становится изложение статей и заметок из её органов. Журналы, имеющие в своём составе отдел внутривосточной хроники (как, напр., «Вестник Европы»), также регулярно печатают материалы о Прибалтике, да, собственно, во всех журналах без исключения время от времени появляются статьи об отдельных проблемах остзейской жизни.

Остзейский вопрос, с точки зрения тогдашней русской либерально-консервативной публицистики, выдвигается в этот период в центр всей общественной жизни государства: ср. признание Михеля Веялугаса (М. А. Загуляева) во «Всемирном вестнике» в статье «Прибалтийские илоты» — русское общество в настоящий момент «очутилось лицом к лицу перед вопросом первой важности в нашей внутренней политике, перед *вопросом балтийским*».¹³⁷

¹³⁷ Всемирный труд, 1868, ноябрь, стр. 134.

Положение ещё усложняется тем, что в это время в германской печати также поднимается кампания против предлагаемых или частично проводимых в Прибалтике русских реформ, против русской прессы, в защиту остзейцев. В этой кампании, как отмечали современники, принимали участие почти все немецкие органы печати, даже провинциальные.¹³⁸ В Германии остзейцами-эмигрантами издаются специальные периодические издания, полностью посвящённые остзейскому вопросу. За границей один за другим выходят из печати книги и брошюры виднейших остзейских публицистов Сиверса, Бокка, Ширрена, Эккардта и других. Вся эта публицистика не оставалась без внимания русской печати, вызывая в ней новые статьи и заметки.

Нелегко разобраться в колоссальной массе этих газетных, журнальных и книжных материалов, во много раз превосходящей количество материалов в предшествующий период. Но всё-таки можно наметить некоторые общие черты в обсуждении остзейского вопроса. По-прежнему основными остаются две проблемы: проблема особого остзейского режима с точки зрения государственного единства и опасности германизации, местного сепаратизма, и проблема положения крестьянства. При этом, если печать 1864—66 гг. могла предложить разрешение этих проблем лишь в самом общем плане, то теперь на её страницах появляются конкретные предложения о тех мерах, которые необходимо предпринять правительству для их разрешения. Вообще печать 1867—69 гг. несравненно больше, чем газеты и журналы предшествующего периода, уделяет внимания вопросу о том, какова должна быть правительственная политика в Прибалтике, какие конкретные мероприятия необходимо там провести, в чём ошибки предшествующей политики царизма в этом крае.

По-прежнему очень актуальными остаются вопросы о введении в Прибалтике русского языка, о национальном развитии латышей и эстонцев в связи с вопросом о русификации края. Некоторые же вопросы (напр., вопрос о городском устройстве, вопрос о православии — последний, начиная с 1868 г.) постепенно перестают интересовать прессу и отходят на второй, если не на третий, план.

Особенно интересны попытки русских публицистов в этот период, не ограничиваясь обсуждением отдельных вопросов, дать и синтетический, обобщающий труд по всему комплексу

¹³⁸ Ю. Ф. Самарин в первом выпуске «Окраин России» писал: «Не говоря уже о крупных газетах и обозрениях, нет такого городка от Вислы до Рейна, где бы местный листок, издаваемый для самого ограниченного круга читателей, в последнее время не помещал пасквилей на Россию в форме корреспонденций из Риги и Митавы и не подбивал Германии к заступничеству за её будто бы обижаемых единоплеменников» (Ю. Самарин, Сочинения, т. 8, стр. 43). Далее приводятся интересные данные о возбуждении немецкого буржуазного общественного мнения остзейским вопросом.

проблем, связанных с положением в Прибалтике. Одной из первых такого рода попыток был цикл статей Ю-ов'а (Юлия Петровича Кузнецова) «Экономический и нравственный быт балтийских крестьян» (6 статей; «Отечественные записки», 1867, тт. CLXXI—CLXXII—CLXXIII). Но наибольший резонанс вызвали, без сомнения, знаменитые выпуски «Окраин России» Ю. Ф. Самарина, начавшие выходить с 1868 г. в Праге, в особенности первый выпуск — «Русское балтийское поморье в настоящую минуту». Выход в свет первых двух выпусков «Окраин России» Самарина и последовавшая за этим полемика в печати — факты, вызвавшие оживление и в правительственных кругах, можно считать *кульминационным моментом* обсуждения остзейского вопроса в русской печати 1860-ых гг.

Картина направлений по вопросу о Прибалтике в русской печати уже в 1864—65 гг. была достаточно нечёткой. Теперь эта нечёткость ещё более возрастает. Происходит ещё большее сближение позиций либеральной и катковской печати, что связано с процессом поправления либералов; это приводит к своеобразному единству их взглядов с катковскими в 1867—69 гг. О сколько-нибудь существенных различиях взглядов Каткова и либералов по вопросу о Прибалтике в этот период говорить уже не приходится, и мы в последующем нашем изложении будем всё время вести речь о единой позиции русской либерально-консервативной прессы, отмечая впрочем и кое-какие сохранившиеся мелкие различия.

Правительственная позиция, в основном, осталась неизменной — это была позиция компромисса, но, в общем, компромисса, который был скорее выгоден остзейцам, чем соответствовал требованиям либеральных и консервативно-шовинистических кругов русской буржуазии и дворянства. Царизм не намерен был менять сложившиеся в Прибалтике порядки, в частности, земельные отношения, ограничиваясь мелкими преобразованиями, имевшими целью постепенно сблизить принципы управления краем с общерусскими.

Крайне правая русская печать также сближается в этот период с катковской, и откровенная защита остзейских порядков и остзейцев становится менее энергичной (в этом отношении характерна позиция «Нового времени» Н. Юматова).

Демократическая русская печать и в этот период, в основном, не принимает сколько-нибудь активного участия в обсуждении остзейского вопроса, хотя некоторые сдвиги здесь и заметны (об этом см. во второй части нашей работы).

Катковские идеи «государственного единства», «господствующей национальности» и опасения относительно сепаратизма остзейских немцев в это время усваиваются и либеральными органами печати. Критика остзейских порядков происходит теперь почти во всех случаях с этих позиций. Этому, во многом,

способствовала и заграничная пресса, которая громко заявляла о чисто условном характере связи Прибалтики с Россией, о неминувости вхождения этой «немецкой области на Востоке» в состав Германии, о необходимости и успехах германизации в крае.

Ярким примером того, как катковские идеи усваиваются в этот период либеральной публицистикой и как в то же время проясняются откровенные русификаторские тенденции этих идей, могут служить программные рассуждения «Вестника Европы» в отделе «Ежемесячная хроника. 1-е января, 1868»: «в русском государстве могут существовать всякие национальности, в смысле национальных разновидностей, но народность в русском государстве определяется единственно принадлежностью к нему. Русская народность, государственная народность одна может существовать в России, её граждане составляют русский народ. Всякое стремление какой-либо национальности обратиться в народность, стремление поляков, или немцев, или казанских татар заставить себя признать в России *как народ* — есть посягательство на целостность русского государства. И заметим, что при этом почти всё равно, будет ли такая национальность стремиться к тому, чтобы оторваться от русского государства или будет ли она предъявлять притязания на то, чтобы быть в России отдельным народом. Обособление как и отпадение посягает на государственное единство».¹³⁹

Всё это приводило либерально-консервативных публицистов к убеждению, что самое опасное в создавшемся в Прибалтике положении — это обособление края от России, местный сепаратизм. В Прибалтике, считали они, ведётся скрытая, но организованная и последовательная работа по перестройке края в интересах, противоположных государственным интересам царской России. Как утверждал Ю. Ф. Самарин в «Окраинах России», остзейцами уже выработана целая программа действий, обнимающая три задачи: 1) германизация «туземцев», опасность которой особенно велика потому, что земля находится в руках остзейцев, на их стороне экономическая и политическая сила в крае; 2) сближение немецких сословий и онемечивающейся прослойки «туземцев» в интересах объединенного противодействия русским «началам»; 3) третья задача состоит в том, чтобы «довести правительство незаметным для него путём до признания балтийского германизма за политическую национальность» и создать особое остзейское государство в государстве со своей «земской конституцией».¹⁴⁰ Эти выводы Самарина (как и его книга вообще) основаны на многочисленных данных, приведённых русской периодической печатью той поры. В русской прессе, действительно, подробно

¹³⁹ Вестник Европы, 1868, январь, стр. 392.

¹⁴⁰ См.: Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. 8, стр. 140—174.

обсуждались эти три важнейших, с точки зрения либеральных и консервативных публицистов, момента, обуславливающих отделение края от России и утверждающих в нём сепаратистские устремления.

Вопрос о германизации Прибалтики особенно волновал русскую печать уже потому, что в заграничной прессе то и дело раздавались призывы к усилению германизации, сообщения об её успехах. Показательны в этом отношении те опасения и то возмущение, которые вызвали в русских газетах и журналах статьи и книги Ю. Эккардта. Когда в германской печати возник вопрос — достаточно ли успешно ведётся онемечение коренного населения в Прибалтике — и профессор Трейчке усомнился в успешности этого процесса, то Ю. Эккардт выступил с развёрнутым ответом последнему в майском номере «*Monatsblätter für innere Zeitgeschichte*» (г. Гота, Германия) за 1868 г. Он утверждал, что «благороднорождённые прибалтийские немецкие рыцари не только сделали всё, что могли, для цивилизации, т. е. онемечения края, но даже больше, чем могли». Онемечение эстов и латышей шло очень успешно, «несмотря на необыкновенную национальную живучесть этих неподатливых туземных племён, до сих пор ещё сохранивших дурную привычку говорить на своём родном языке». Эккардт с восторгом говорит о «железной последовательности» остзейского дворянства и бюргерства в противодействии в Прибалтике русским «началам». С откровенным цинизмом Эккардт отмечает, что остзейские немцы, поступая на русскую службу и достигая больших чинов, никогда не изменяли своему родному остзейскому краю, всегда в первую очередь служили ему и своей великой германской родине. Иначе и не могло быть, доказывает Эккардт, ибо немцы несравненно выше русских по культуре, и остзейцы уже много лет «снабжают громадное русское царство умственными, просветительными силами».¹⁴¹

В этой статье поставлен и тот теоретический вопрос, который был возбуждён германскими публицистами в связи с обсуждением остзейской проблемы — о правах русского правительства и русских вообще на обрусение, русификацию края. Как мы уже показали в предыдущих разделах нашей работы, русские публицисты обосновывали права государства на русификацию Прибалтики тем, что остзейский край — часть России и, следовательно, русское правительство не только имеет право, но и обязано в интересах единства страны проводить политику сближения этой окраины со всей Россией, утверждения в ней общих законов и учреждений, общего государственного языка.

В противовес этой точке зрения остзейцы пытались обосно-

¹⁴¹ Об этой статье см. передовую: Германизация прибалтийских губерний, *Голос*, 3. VII. 1868, № 181.

вать свои права на независимость и самостоятельность тем, что Прибалтика связана с Россией чисто внешними и условными узами, общей особой монарха, и утверждение своих прав искали в тексте договора о капитуляции, заключённого Петром I с остзейским дворянством и бюргерством (об этом ниже). Другим аргументом против прав русских на русификацию Прибалтики было утверждение, что русская культура несравненно ниже немецкой и что русификация поэтому будет означать победу «русского варварства» над «европейской цивилизацией» в Прибалтике. С этих позиций защита особого остзейского режима представлялась, например, Бокком как борьба против «исконных архиврагов западного христианства и человечества» — русских.¹⁴² Об этом же неоднократно писали и Ширрен, и Эккардт. Наиболее полно такая точка зрения изложена в русской печати в письме одного остзейца из Риги в газету «Голос», помещённом в передовой «Ещё отголосок из Балтийского края» (29. X. 1867, № 299). Предложив направить усилия по русификации на полудикие восточные народы, по отношению к которым русские могут выступить как носители высшей культуры, автор письма замечал:

«Но если вы с таким же замыслом запускаете свои виды и на Прибалтийский край, то подумайте: какое вам на то есть право и основание. Разве немецкая культура ниже русской, разве не мы, немцы, доселе просвещали Россию на всех ступенях её гражданского и политического развития? Чего же русские желают от прибалтийских немцев? Сначала только русские слова и речи, потом русского настроения, а потом православия и т. д. Но к чему ведут подобные желания? Само собою заставляют обращать взоры наши на германскую родину, потому что там только найдётся защита и отпор разрушительным стремлениям».¹⁴³

Русская печать отвечала на это утверждением, что бóльшая развитость немецкой культуры сравнительно с русской не имеет никакого отношения к Прибалтике, ибо в «гражданском развитии» остзейцы далеко отстали от русских, «окаменели в самом уномном консерватизме» средневекового характера, который уже почти повсеместно уничтожен.¹⁴⁴

¹⁴² См. об этом: Моск. вед., 18. X. 1869, № 227 (передовая).

¹⁴³ Письмо было снабжено обширными комментариями редакции, чрезвычайно резкими по тону, в которых остзейцы открыто именовались «государственными изменниками». Главное управление по делам печати, уже привыкшее к подобного рода выступлениям, полагало необходимым просто принять статью «к сведению». Но когда со статьёй познакомился министр внутренних дел, то последовал его приказ наложить взыскание на газету. В результате, «Голос» получил второе предупреждение, которое, по мнению Главного управления, «в то же время может послужить и к прекращению до известной степени полемики по Прибалтийскому вопросу» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 4, л. 319). В предупреждении указывалось, что «в статье этой заключается распространение подозрений и обвинений в государственной измене относительно подданных немецкого происхождения в прибалтийском крае и возбуждение междуплеменного разлада в различных частях населения империи» (Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 143).

¹⁴⁴ См.: Голос, 4. X. 1867, № 274 (передовая).

В связи с актуальностью вопроса о германизации русская печать со вниманием присматривалась ко всем фактам, свидетельствующим о наличии этого процесса, и даже обратилась к его истории, наметила ряд этапов в процессе германизации. Германизация в крае, собственно, началась недавно. В прежние времена немцы, наоборот, всячески препятствовали онемечению латышей и эстов, не желая равнять их с собой даже в отношении языка. Когда крестьяне получили свободу, возможность для продвижения их на жизненном поприще открывалась лишь в случае их онемечения, но и в этот период немцы ещё не поддерживали активно этого процесса. Деятельное и активное онемечение с политической целью началось только после 1850 г., когда немцы почувствовали опасность русского влияния и, как средство противодействия ему, стали поддерживать германизацию. С особенной энергией процесс онемечения ведётся в последние 5 лет, этому подчинена вся система остзейского образования, и успехи уже на лицо: к прежним 120 000 немцев прибавилось 100 000 новоонемеченных латышей и эстонцев.¹⁴⁵

Наиболее могучими орудиями германизации в Прибалтике, указывалось в русской прессе, являются всеобщее распространение здесь немецкого языка и остзейская система народного образования, особый характер местных гимназий и университета.

Отсюда огромное внимание, которое уделено в русской печати той поры вопросу о введении русского языка и критике остзейской системы образования. Остановимся здесь подробнее на последнем.

Народные школы в Прибалтике находятся в крайне плачевном состоянии. Содержатся они за счёт крестьян, у которых нет средств для их поддержки, поэтому и жалованье учителей столь ничтожно, что последние вряд ли могут просуществовать без побочных заработков. Нищие крестьяне зачастую просто не имеют физической возможности посылать своих голодных, плохо одетых и необутых ребятшек в школу.¹⁴⁶ Особенно плачевно положение православных школ, преследуемых помещиками и властями и поставленных, в смысле обеспеченного положения учителей и помещений, в ещё худшие условия, чем школы лютеранские.¹⁴⁷ Но уже и народные школы постепенно становятся

¹⁴⁵ См.: Моск. вед., 18. VIII. 1867, № 181 (передовая), а также — Ю. <Кузнец>ов, Экономический и нравственный быт балтийских крестьян, статья IV, Отечественные записки, 1867, т. CLXXII; Ю. Ф. Самарин, Русское Балтийское поморье в настоящую минуту, Соч., т. 8.

¹⁴⁶ См.: Лифляндец-эстонец, Лифляндский крестьянин (Москва, 1. V. 1868, № 24), Новоприсоединенный латыш, Из прошлого прибалтийских губерний (там же, 14. VII. 1868, № 85), передовая (Моск. вед., 15. V. 1869, № 104) и др.

¹⁴⁷ См.: Эстолатышские православные школы перед всемогуществом прибалтийских немцев, Голос, 28. и 29. XI. 1869, №№ 329 и 330.

проводниками германизации, что и естественно, ибо подчинены они комитету, состоящему из местных дворян, и почти все училища следующей ступени чисто-немецкие. Если крестьянин хочет продолжить образование своих детей, то он вынужден их отдавать в эти немецкие школы и заранее обучать их немецкому языку. Ввиду всего этого в русских газетах обычно требование подчинить народные школы министерству народного просвещения (между прочим, эти требования высказываются в связи с проектом организации высшего эстонского Александровского училища¹⁴⁸) и создать в Прибалтике сеть русских учебных заведений, где могли бы обучаться эстонцы и латыши.

Но более всего не удовлетворяет русскую печать положение учебных заведений следующей ступени — уездных и городских училищ, гимназий, университета. Именно они стали основным орудием германизации в крае и, в этой связи, они вызывают суровую критику со стороны почти всей русской прессы.

Интересна оживлённая полемика, развернувшаяся в 1867 г. на страницах «Моск. вед.» по вопросу о государственных затратах на просвещение в Прибалтике. В № 46 (28. II. 1867) Катков выступил с большой передовой статьёй, где остановился на вопросе о прибалтийской системе училищ, «как могут существовать орудия онемечения латышей и эстов». Ради 150 000 немцев (количество немцев в Прибалтике точно известно не было, поэтому соответствующая цифра в разных статьях постоянно колеблется) и ради онемечения латышей и эстов в Прибалтике существует немецкий университет, 8 казённых гимназий, сеть других учебных заведений. Если сравнить суммы, затрачиваемые правительством на просвещение во внутренних губерниях России и в Прибалтике, то окажется, что казна отпускает на обучение одного немца 2 рубля 30 копеек, или 19 копеек на душу в год, если считать, что эти затраты равномерно распределяются на все прибалтийское население. Но последнее предположение, собственно, алогично, ибо не будет же русское правительство финансировать немецкие школы для эстонцев и латышей в целях их онемечивания, следовательно, существующие немецкие учебные заведения предназначены только для немцев. Во внутренних губерниях России правительство тратит на образование на душу населения — 4—8 копеек. Надо менять всю систему образования в Прибалтике снизу доверху. В другой передовой (23. III. 1867, № 66) Катков писал, отвечая своим противникам: «Не подлежит сомнению, что кроме чисто-латышских и эстских низших народных школ, дабы наверстать упущенное и постепенно изгладить искусственное неравенство между немецким и не-немецким населением балтийского края, должны быть назначены для латышей и эстов уездные училища и гимназии, и что если в низших классах этих заведений пре-

¹⁴⁸ См.: Моск. вед., 7. II. 1868, № 29; Москва, 18. VII. 1868, № 88.

подавательный язык должен быть преимущественно латышский и эстский, то в высших классах преимущественно русский».¹⁴⁹

Статьи Каткова вызвали массу возражений со стороны остзейцев (К. Ширрен на страницах «Моск. вед.», 8. IV. 1867, № 78) и органов их прессы («Rig. Zeit.», «Rev. Zeit.», «St.-Petersb. Zeit.») и в то же время были перепечатаны рядом других русских изданий.¹⁵⁰ Разъясняя в дальнейшем свою позицию, Катков утверждал, что он не против высоких затрат на просвещение в Прибалтике, но он против того, чтобы казённые средства использовались для германизации «туземцев». Основной недостаток остзейской системы просвещения в том и состоит, что она из «туземцев» создаёт немцев, а надо бы «создавать образованных латышей и эстов, для которых языки латышский и эстский оставались бы языками родными, а русский был бы языком государственным и высшей культуры».¹⁵¹

Особенно резкой критике русской печати на протяжении всех 1860-ых гг. подвергался Дерптский (Тартуский) университет, который тогдашние русские публицисты склонны были рассматривать, как один из основных оплотов германизма в Прибалтике. И для этого у них были основания.

Критика Дерптского университета за его сословный остзейский характер, верность отсталым средневековым традициям началась ещё в конце 1850-ых гг. и вначале, в основном, велась с демократических позиций. А. И. Герцен в «Колоколе» ссылаясь именно на Дерптский университет, доказывая, в статье «Das livländische Athen», что «в остзейских губерниях все уродливые стороны германизма, от юнкертума до теологии, от мещанского филистерства до мещанской *буршикозности*, не только хранятся, но доведены до карикатуры».¹⁵² Полемически заостряя вопрос, Герцен утверждал, что в Дерптском университете русские студенты вообще ничему научиться не могут.

Критику корпоративного феодального духа Дерптского университета, сословных корпоративных порядков в нём, теснейшим образом связанных с устарелым устройством остзейского края в целом, с характерным для остзейского дворянства высокомерием и пренебрежением к «низам» общества, мы находим и в цикле статей В. А. Манассеина¹⁵³, в ту пору близкого к револю-

¹⁴⁹ Моск. вед., 23. III. 1867, № 66.

¹⁵⁰ Основные материалы полемики (кроме вышеперечисленных): Моск. вед., 8. IV. 1867, № 78 (передовая), 9. IV., № 79 (передовая), 4. V., № 97 (передовая); Отечественные записки, 1867, т. CLXXI (отдел «Полит. хроники» — «С.-Петербург. 8-го марта») и др.

¹⁵¹ Моск. вед., 9. IV. 1867, № 79.

¹⁵² А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. XIV, М., изд. АН СССР, 1958, стр. 227. Об этой статье см.: наш комментарий в этом же томе, стр. 531—533, и нашу статью — «А. И. Herzeni artiklist «Das livländische Athen»», Edasi, 13. VII. 1958, № 137.

¹⁵³ Быт русских студентов в Дерптском университете (письмо из Дерпта), Русская речь, 1861, № 57; Несколько слов о дерптских студентах, там же, № 62; Письмо из Дерпта, Книжный вестник, 1863, № 8.

ционным демократам. В критику дерптских корпораций (именно они в данный период привлекают наибольшее внимание русской печати) включилось и «Русское слово», отмечавшее в очердном фельетоне, что в Дерптском университете преследуются все те, «которые не признают за немцами права германизировать другие нации, права презирать и насмехаться над всем русским»¹⁵⁴. В статьях русской демократической прессы отмечается нерусский характер университета, чуждость его общественным запросам России нового времени, противоположность корпораций устремлениям передовой молодёжи, от которых они должны отвлекать студентов.¹⁵⁵

Но с 1865 г. критика Дерптского университета ведётся с иных, не демократических позиций, с позиций борьбы русской консервативно-шовинистической и либеральной прессы против особого остзейского режима, против германизации Прибалтики. В связи с этим сразу же выдвигается мысль о необходимости перевести преподавание на русский язык, ибо немецкий университет в России не нужен.¹⁵⁶ Особенно усиливается критика Дерптского университета, как оплота германизации в Прибалтике, с 1866 г., когда В. И. Ламанский прямо заявил, что этот университет есть «искусственный рассадник германизма» в стране.¹⁵⁷ Катков именно с этого времени начинает настойчиво требовать, чтобы все выпускники Дерптского университета знали бы русский язык, и предлагает не выдавать диплома тем, кто его не изучил.¹⁵⁸ Аскочкенский в «Домашней беседе» поднял истощный крик о немецком характере университета и о бесполезности его для России.¹⁵⁹

В последующие годы нападки на Дерптский университет обычно связывались с именем Ширрена, одного из крупнейших остзейских публицистов, яркого и крайне нетерпимого врага России и всего русского, который в течение ряда лет был здесь профессором истории и вёл последовательную антирусскую пропаганду. К 1869 г. окончательно утверждается представление о Дерптском университете, как о «крепкой твердыне немчизны

¹⁵⁴ Русское слово, 1861, № 7, отд. «Смесь», стр. 15—16.

¹⁵⁵ См. статьи В. Девлезерского: Дерпт (Очерки, 29. I. 1863, № 29), Студенческие корпорации в Дерпте (там же, 2. II. 1863, № 32). «Очерки» — недолго просуществовавшая газета демократического направления, возглавляемая Г. З. Елисеевым. Отметим, кстати, что критика дерптских корпораций и сословного характера университета велась и на страницах художественных произведений: ср. роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (1862—64). Об этом романе см. нашу статью (из цикла «Русские писатели в Эстонии») «P. D. Boborõkin», Edasi, 20. VIII. 1961, № 165.

¹⁵⁶ См.: С.-Петербург. вед., 7. III. 1865, № 59. Ср. также более позднее — Голос, 21. VIII. 1866, № 199.

¹⁵⁷ Голос, 18. III. 1866, № 77.

¹⁵⁸ Впервые эта мысль высказана Катковым в передовой статье «Моск. вед.» от 31. X. 1865, № 238.

¹⁵⁹ См.: Домашняя беседа, 10. IX. 1866, № 37.

и немецкой культуры (*die feste Burg des Deutschthums und der deutschen Cultur*), как величают лифляндские корреспонденты заграничных газет университет, где г. Ширрен проповедовал в продолжении шести лет известные учения свои о *лифляндской* истории, в которую русская входила как эпизод». ¹⁶⁰

В 1869 г. нападки на Дерптский университет за его немецкий характер следуют одни за другими. Катков доказывает, что, пока в нём не будет введён русский язык, все усилия связать Прибалтику с Россией будут пустой игрой. ¹⁶¹ В № 177 (13. VIII. 1869) «Моск. вед.» он посвящает специальную передовую статью Дерптскому университету в связи с выходом в свет книги Эккардта «Балтийские провинции России», где утверждалось: «Для поддержания немецкого элемента заведением этим (Дерптским университетом — С. И.) даны более прочные гарантии и более верные пособия, чем какими бы то ни было привилегиями и пергаменами». Отсюда Катков делал вывод о необходимости скорейшего обрусения университета. «Рижский вестник» (22. II. 1869, № 16), изложив статью о Дерптском университете из «Судебного вестника» (1868, № 36), пишет: «Пора, наконец, увидеть, что центр германизации остзейского края лежит в Дерптском университете. Через его стены проходят латыши и разные другие инородцы и германизируются». ¹⁶²

Всё это объясняет то внимание, которое уделила русская печать делу приват-доцента Валькера в связи с выступлением против него дерптских студентов: корпоранты устроили так называемый «кошачий концерт» перед его домом и выбили в нём стёкла — только за то, что Валькер осмелился в одной из своих лекций задеть Ширрена. В конечном итоге всё это оказалось плодом недоразумения: Валькер, как он сам сообщил в письме в «Рижский вестник», перепечатанном в ряде газет, против Ширрена не выступал; его высказывание на лекции было просто неверно истолковано студентами, предположившими, что он противник остзейских публицистов. Но русская печать связала этот факт с нетерпимостью остзейцев и, в частности, студентов Дерптского университета ко всему русскому, с их симпатиями к зарубежным антирусским публицистам, и начала высказывать в работах Валькера (в особенности в его книге «*Die Selbstverwaltung des Steuerwesens im Allgemeinen und die russische Steuerreform*», Berlin, 1869) критику остзейских авторитетов, прорусские идеи. Обсуждение дела Валькера разрослось. ¹⁶³

¹⁶⁰ Моск. вед., 2. VII. 1869. № 143 (передовая).

¹⁶¹ См. Моск. вед., 31. V. 1869, № 117 (передовая).

¹⁶² Кроме вышеуказанных статей см. также: Моск. вед., 28. VI. 1869, № 140; С.-Петерб. вед., 2. VIII. 1869, № 210; 8. VIII. 1869, № 216; Голос, 26. X. 1869, № 296 и др.

¹⁶³ Основные статьи о деле Валькера: Моск. вед., 3. X. 1869, № 214; 10. X., № 220; Голос, 21. XI. 1869, № 322; ЖМНП, 1869, октябрь; С.-Петерб. вед., 17. X. 1869, № 286; Совр. известия, 3. X. 1869, № 271, 19. X., № 287, 26. XI., № 325; ряд статей в «Рижском вестнике».

Впрочем, в печати были отдельные выступления и в защиту Дерптского университета. Здесь наиболее интересны статьи Н. Ч. в «С.-Петерб. вед.» — «Дерптский университет» (19. XII. 1869, № 349) и «Дерптский университет и его студенческие корпорации» (23. XII. 1869, № 353). В них доказывалось, что критика университета неоправдана, он дал России много крупных исследователей, в нём и сейчас работают учёные, искренно преданные науке и не имеющие ничего общего с устремлениями остзейцев. Но особенно интересна защита во второй статье дерптских корпораций. Доказывая «благотворность нравственного и духовного влияния» их на студентов, Н. Ч. рекомендует организовать корпорации и в русских университетах. Обобщивается это следующим образом: «Правильная, законом признанная обязанность учащихся молодых людей заботиться о собственных общих интересах представляется нам самым лучшим средством против всяких незрелых политических мечтаний, имеющих всегда столь вредные для молодёжи последствия. Занявшись своими корпоративными интересами, молодёжь нашла бы в этих занятиях достаточное удовлетворение естественно пробуждающейся в ней потребности к деятельной жизни».¹⁶⁴ Как видим, когда дело доходило до опасности революционных идей, остзейцы и русские либералы вполне находили общий язык.

Как мы помним, Самарин считал вторым пунктом программы действий балтийских немцев, с целью сохранения особого остзейского режима, — сближение немецких сословий и онемечившейся прослойки «туземцев». Действительно, в это время выдвигается новая тактика остзейцев, на которую мы обратили внимание при рассмотрении печати 1866 г., — тактика, основанная на утверждении, что остзейские привилегии выгодны всему населению края, что теперь создан союз немцев, латышей и эстонцев, обусловленный их общими интересами и направленный против русификации края. И в данный период продолжают обращения заграничной печати к остзейцам с призывом срочно провести либеральные реформы в крае, пока их не провело правительство. Эта мысль высказывается в ряде корреспонденций из Петербурга в «Nationalzeitung» в 1867 г.¹⁶⁵ и особенно в брошюре «Die baltischen Provinzen am Rubicon. Ein Sendschreiben an die Deutschen der Ostseeländer von einem Patrioten» (Berlin, 1869), где в интересах объединённого противодействия вторжению русских «начал» рекомендуется сближение всех слоёв населения балтийского края. Для облегчения онемечения коренного населения автор брошюры требует от дворянства поделиться своими правами с другими сословиями, немного об-

¹⁶⁴ С.-Петерб. вед., 23. XII. 1869, № 353.

¹⁶⁵ См. об этом: Моск. вед., 1. VII. 1867, № 143 (передовая), 14. VII. 1867, № 154 (передовая).

легчить крестьянам приобретение поземельной собственности и выделить средства для организации народных школ с немецким языком преподавания. Всё это по-прежнему вызывает большие опасения Каткова, ибо он понимает, что таким путем остзейцы смогут завоевать на свою сторону симпатии прибалтийского крестьянства. Теперь он ещё более энергично требует от русского правительства проведения ряда реформ в Прибалтике, которые подорвали бы власть и влияние остзейцев, требует поддержки младолатышей, чтобы использовать их для противодействия объединению всех национальностей Прибалтики на немецкой основе. Правительству нужно опередить остзейцев в проведении реформ, чтобы взять инициативу в свои руки.¹⁶⁶

К 1869 г. союз остзейского дворянства с бюргерством стал уже очевидным фактом. Эккардт, проводивший в «Рижской газете» либеральную линию остзейского бюргерства, и Ширрен, защищавший в «Дерптском дневнике» интересы рыцарства, — союзники и противоречий между ними почти не наблюдается. Речь теперь идёт, в основном, о привлечении к этому союзу онемечившейся верхушки эстонцев и латышей.¹⁶⁷ И вот Сиверс и Бокк (последний, в частности, в «Die livl. Landgemeinde im Lichte der russischen und vice versa», 1869) доказывают, что в балтийских губерниях развитие немецкой культуры, умственной и материальной, теперь уже слилось в одно национальное дело латышей, эстонцев и немцев, которые победно борются с «русским национальным фанатизмом».¹⁶⁸ Как нам уже приходилось отмечать, это, в основном, было типичной остзейской демагогией, лишь в небольшой степени подкрепляемой подлинными фактами из жизни. Но одно событие заставило особенно насторожиться русскую печать и воспринять эту опасность всерьёз — мы имеем в виду празднование в 1869 г. 50-летнего юбилея так называемого «освобождения» крестьян в Лифляндии (в программу этого празднования входил и первый всеэстонский певческий праздник).

Русская печать с самого начала отрицательно отнеслась к этому празднованию, увидев в нём конкретную попытку провести в жизнь принцип «единения» немцев и коренного населения края. Такому отрицательному отношению русских газет и журналов к юбилею способствовало и то обстоятельство, что ему предшествовал ряд статей в германской прессе и брошюра Бокка «Немецко-русское столкновение на Балтийском море или будущее, созерцаемое в картине прошедшего и настоящего» («Der deutsch-russische Conflict an der Ostsee etc.», Leipzig, 1869), в которых как бы были намечены основные идеи празднования. В «Magazin für die Literatur des Auslandes» (1869, № 3) появи-

¹⁶⁶ См.: Моск. вед., 5. VIII. 1869, № 171 (передовая).

¹⁶⁷ См. об этом: Моск. вед., 6. VII. 1869, № 147 (передовая).

¹⁶⁸ См. об этом: Моск. вед., 16. V. 1869, № 105 (передовая), 10. XII. 1869, № 268 (передовая).

лась статья одного финского публициста «Эстонская национальность» («Das nationale Ehstenthum»; Катков переводил как «Национальное эстонство»), в которой тот проводил мысль о необходимости единения эстонцев и финнов, а также эстонцев и немцев, как и финнов и шведов, для противодействия «московитам». Бокк в своей брошюре с восторгом принял эту идею, стал доказывать единство всех прибалтийских народов. Он утверждает, что немцы никогда не хотели германизировать туземцев, все их усилия ограничивались лишь устранением препятствий к сообщению туземцам немецкой культуры. Лютеранство ближе эстонцам, чем православие, немецкий язык ближе русского, как и личное землевладение ближе, чем русская община. Эстонцы — естественные союзники немцев в борьбе с русскими. Онемечение произойдет постепенно, без всяких усилий и сопротивления.¹⁶⁹

Остзейская печать приветствовала празднование юбилея именно как факт единения всех народов Прибалтики, как демонстрацию благодарности эстонцев и латышей немцам за «освобождение». Отсюда естественной становится характеристика празднования, данная «Моск. вед.»: «Все статистические выдумки г. Юнг-Штиллинга, все фокусы г. Ширрена, все выходки г. фон-Бокка, все идилии г. фон-Сиверса и филиппики г. Экардта, наконец, вся грубая и дерзкая мистификация этого юбилея не имеют иной цели, как доказать, что между немцами, латышами и эстами изгладилась всякая племенная рознь, всякий антагонизм интересов, и что поэтому для всех этих населений естественно устанавливается один общий язык господствующей немецкой национальности».¹⁷⁰ Юбилей воспринимался как антирусская демонстрация, необходимая для скорейшего слияния всех прибалтийских «племён» под немецким знаменем и долженствующая служить защитой этого плана.

В связи с этим в русской печати опять поднялась волна критики реформы 1819 г., которая только ухудшила положение крестьян, лишила их обеспеченного существования, земли, что было признано уже и самими остзейскими деятелями и публицистами. И вот в Прибалтике торжественно, с помпой отмечают «отвращение лифляндских крестьян от землевладения».¹⁷¹ Всё празднование юбилея было объявлено русской публицистикой «не-народным», организованным самими остзейцами и подержанным лишь онемеченной верхушкой эстов и латышей — не будут же батраки, обитатели бань, и все те, кто знакомы с реформой 19 февраля 1861 г., праздновать обезземеление кре-

¹⁶⁹ См. об этом: Моск. вед., 4. VII. 1869, № 145 (передовая); Голос, 23. V. 1869, № 141 (передовая).

¹⁷⁰ Моск. вед., 4. VII. 1869, № 145 (передовая).

¹⁷¹ Моск. вед., 9. IV. 1869, № 78. См. также: Вестник Европы, 1869, август (Внутр. обозрение).

стьянства! — восклицал «Голос».¹⁷² При таком отношении к юбилею русская печать, в общем, не смогла оценить и значение эстонского певческого праздника 1869 г., одного из первых массовых мероприятий эстонского национального движения.¹⁷³ Правда, сам певческий праздник был довольно подробно освещён на страницах русских газет,¹⁷⁴ но отношение к нему в целом отрицательное, как и ко всему празднованию юбилея.

Хотя в Прибалтике и происходил процесс сближения дворянства, бюргерства и онемечившейся верхушки крестьянства, но решающую роль в жизни края по-прежнему продолжало играть дворянство. Именно его представители наиболее рьяно выступали в защиту особого остзейского режима, обособления Прибалтики, создания в ней своеобразного государства в государстве на немецкой национальной основе. Поэтому огонь критики остзейских порядков в русской печати в первую очередь направлялся против дворянства. Именно остзейское дворянство виновато в том, что «три русские губернии, расположенные по окраине Балтийского моря, — Лифляндская, Эстляндская и Курляндская, горделиво величаемые случайными их властителями — Остзейским краем, в сущности, достойны названия склада устарелых, повсюду вымерших привилегий, сундука туго набитого тем обветшалым хламом общественных порядков, который, за негодностью и несоответственностью потребностям настоящего времени, повсюду сдан на хранение в архивы и бережётся под замками, как историческая древность, как поучительный урок сыновьям ошибок их отцов».¹⁷⁵

Когда «Весть» (8. III. 1867, № 29) осмелилась выступить в защиту остзейского дворянства, заявив, что именно оно обеспечивает связь окраин с Россией, руководит массами, то аксаков-

¹⁷² Голос, 18. IV. 1869, № 108 (передовая «Лифляндский юбилей 26-го марта»). Кроме вышеперечисленных, о праздновании см. ещё следующие статьи: Моск. вед., 30. III. 1869, № 70 (передовая), 3. IV., № 73 (заметка против «St.-Petersb. Zeit.») и ряд более мелких заметок; Голос, 12. II. 1869, № 43 (Лифляндский юбилей 26-го марта); С.-Петерб. вед., 21. V. 1869, № 138; Совр. известия, 9. V. 1869, № 125 и т. д.

¹⁷³ Впрочем, нужно учесть, что руководство праздником находилось в руках буржуазно-клерикального крыла эстонского национального движения во главе с Янсенем, который стоял за союз с немцами. Певческий праздник укрепил позиции этого крыла, что объективно было реакционным последствием праздника в истории национального движения. См. об этом: H. Kruus, ук. соч., стр. 248. Как известно, вождь буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения К. Р. Якобсон в общем также отрицательно отнёсся к празднику и остался в стороне от его организаторов. Он считал, что праздник, проходящий под покровительством немецких пасторов, с немецким репертуаром, исполненный восхваления немцев как «освободителей», не принесёт пользы народу. См. об этом: E. Jansen, Väljarändamisliikumisest 1860-ndate aastate lõpul ja selle peegeldumisest erinevate ideoloogiliste suundade võitluses Eestis, сб. «C. R. Jakobson ja tema ajastu», стр. 29.

¹⁷⁴ См.: Голос, 9. VII. 1869, № 187; С.-Петерб. вед., 7. VII. 1869, № 184.

¹⁷⁵ Москва, 18. VI. 1868, № 63 (передовая).

ская «Москва» немедленно отпарировала это выступление:

«Если бы руководить значило только держать кого-нибудь в своих руках, держать крепко, так крепко, чтоб руководимому трудно было дышать и невозможно было звать на помощь, тогда грешно бы было не признать в лице остзейских дворян самых надёжных руководителей масс. Но ведь это проявление силы, а не нравственного авторитета; к тому же откуда берётся эта сила, своя ли она или чужая, заимствованная? Уроженец остзейский, хорошо знавший свою родину, Меркель ¹⁷⁶ <...> дал на этот вопрос резкий, грубоватый, но правдивый ответ: die russische Bajonetten allein schützen den deutschen Despotismus in Livland (немецкий деспотизм в Лифляндии поддерживается только русскими штыками). Фактических заведующих делами этой истины было много <...> Вот положение дела: немецкая колония всю свою тяжесть лежит на народе; народ кричит и простирает к нам руки; а мы укладываем народ по-плотнее и, так сказать, подстилаем его, чтоб немецкой колонии покойнее было лежать».¹⁷⁷

Особое возмущение русской либеральной и консервативной прессы вызывал тот факт, что остзейское дворянство, опираясь в подавлении народных масс на русские штыки, на воинские «экзекуции»,¹⁷⁸ в то же время с помощью полностью подчинённой ему местной администрации систематически парализовало все робкие попытки правительства улучшить положение основной массы населения. В первом выпуске «Окраин России», подробно разобрав правительственные попытки разрешить в Прибалтике вопрос о местном законодательстве, о защите православия, вопросы крестьянский, судеустройства, введения русского языка, преобразования городского и волостного управления, Самарин приходил к выводу, что, в сущности, правительство ничего не добилось, в своих основах и даже нередко в частностях всё в остзейском крае осталось прежним. То, чего правительство добилося за последние 20 лет, ничтожно мало: Самарин с иронией перечисляет «успехи» правительства — отменены стапельное право в Риге, обязательная браковка льна и право местных цехов на исключительное занятие ремёслами. Самарин описание каждого из этих «успехов» правительства выделяет в отдельную главу, состоящую всего лишь из нескольких строк, что, в сочетании с большими и обильными по материалу главами о попытках правительства разрешить, скажем, крестьянский вопрос или вопрос о судеустройстве, выглядит крайне комичным и накладывает отпечаток иронии на всё опи-

¹⁷⁶ Имя Меркеля было очень популярно в русской публицистике 1860-х гг. и неоднократно упоминалось в статьях. В 1869 г. в связи с празднованием юбилея Меркеля (100-летие со дня рождения) в русских газетах и журналах появился ряд статей о нем (см.: Моск. вед., 31. X., № 237; Голос, 30. X., № 300; Рижский вестник, 20. IX., № 76, 27. IX., № 78, 22. X., № 85 и др.) и разгорелась полемика по поводу оценки его деятельности с остзейской печатью, пытавшейся использовать имя Меркеля в своих целях. Попытки переводов из Меркеля в это время еще преследовались цензурой.

¹⁷⁷ Москва, 18. III. 1867, № 62 (передовая). Статья была написана Ю. Ф. Самаринным.

¹⁷⁸ Кроме вышеуказ. статьи «Москвы» и материалов первого выпуска «Окраин России» Самарина см. об этом: Москва, 14. IX. 1867, № 129 (передовая); Моск. вед., 10. VII. 1868, № 149.

сание. Нам ещё придётся ниже касаться критики русской печатью правительственной политики в Прибалтике, отдавшей всю власть в крае в руки остзейского дворянства. Здесь же остановимся на тех методах, с помощью которых остзейцы добивались успехов.

Русская пресса 1867—69 гг. много внимания уделяла разоблачению дипломатической политики остзейских баронов, методов и приёмов их борьбы за удержание власти в своих руках. Иногда остзейцы прибегали к открытому сопротивлению — как, напр., в истории столкновения эстляндского губернатора Галкина с ревельским магистратом.¹⁷⁹ Но такие случаи редки. Значительно чаще остзейцы прибегали к скрытому отпору, к тонким дипломатическим приёмам сопротивления. Самарин намечает четыре основных приёма в деятельности остзейцев в этом направлении. Первый — антирусская пропаганда в деревнях. Здесь самым страшным является частое использование русских войск в интересах остзейских дворян, что подрывает авторитет правительства и способствует росту антирусских настроений в народной среде. Второй приём — пропаганда в министерских и столичных гостиных. Третий — подрыв личных репутаций честных чиновников и государственных деятелей, негодных остзейцам; здесь широко используются доносы и клевета. Русская пресса в 1867 г. широко осветила удаление из края архиеп. Платона и управляющего прибалтийской палатой государственных имуществ С. Н. Шафранова, переведённых по требованию остзейцев во внутренние губернии. Четвёртый приём — журнальная агитация за границей. Все эти приёмы остзейцев (за исключением второго) многократно привлекали внимание русских газет и журналов 1867—69 гг.

Русская печать тех лет полна неприязни к «тунеядным немецким баронам, сосущим кровь обезземеленного ими крестьянства»,¹⁸⁰ как писал однажды «Голос». Но остзейские дворяне на протяжении более чем полутора веков были верными слугами царизма, наиболее жестокими и последовательными исполнителями царской воли, особенно в отношении борьбы с «врагом внутренним»: ср. ироническое высказывание А. И. Герцена — «Ритеры Лифляндии, столпы нашей бюрократии, полиции и экзекуции, идеал наших экзерциргаузов, шагистики и цивилизации, учителя наши в военной дисциплине и в канцелярском порядке, <...> которым бог Лютера и Валтера (суперинтенданта) предназначил остановить поток революции меклен-

¹⁷⁹ См. об этом: Голос, 29. X. 1869, № 299.

¹⁸⁰ Голос, 26. IX. 1867, № 266. Это выражение до пределов возмутило «Весть» (4. X. 1867, № 113), которая расценила всю данную статью, как выступление против собственников вообще. Здесь же интересна оценка «Вестью» выступлений русской печати против остзейского дворянства: «К высшим сословиям Прибалтийского края относятся так, как будто бы они были не русскими дворянами, не русскими подданными, а подданными какой-либо неприятельской державы».

бургской палкой».¹⁸¹ Верноподданничество остзейского дворянства постоянно подчёркивалось как остзейской публицистикой, так и официальными лицами Российской империи (оно было подчёркнуто и Александром II в его речи в Риге 15 июня 1867 г.) и правительственной печатью. Всё это ставило русских либеральных и шовинистически настроенных публицистов в несколько затруднительное положение, когда они нападали на остзейское дворянство и обвиняли его в сепаратизме, во враждебности общегосударственным интересам.

И вот русские газеты начали доказывать, что остзейцы говорят лишь о своей преданности династии, о своей верности престолу, а не о преданности государству, царской России. С их точки зрения германизация края, его обособление, как будто, не противоречит верности царю. Между тем такое отделение династии и царя от России, как доказывают русские буржуазно-дворянские публицисты, недопустимо, ибо царь и государство это нечто неразделимое. Принцип верности престолу при отсутствии преданности государству в настоящих условиях, когда происходит политическое и национальное становление Германии, в Прибалтике, идущей по пути германизации, не может не привести по самой логике вещей к измене Российской империи и, следовательно, к измене царю. Преданность престолу в таких условиях — пустой звук. Преданность престолу должна означать и преданность интересам государства, подчинение общегосударственным началам. Такова цепь софистических рассуждений Каткова в «Моск. вед.», подхваченная и другими органами печати.¹⁸²

Вообще Катков склонен был с большим недоверием относиться к остзейскому дворянству. Правда, обвинять его прямо в сепаратизме он осмеливался редко, для критики сепаратистских тенденций он предпочитал прибегать к приёмам более замаскированным, к намёкам, порою прямо иезуитским,¹⁸³ или же к перепечатке отрывков из заграничной немецкой публицистики, в произведениях которой нередко утверждалось, что остзейцы всегда служат или своему остзейскому краю или Германии, но никак не России.

Всё это объясняет, почему Катков крайне недоверчиво отнёсся к известному адресу лифляндского дворянства 1868 г. с

¹⁸¹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. XVIII, 1959, стр. 228.

¹⁸² См.: Москва, 13. IX. 1867, № 128 (передовая); Голос, 4. X. 1867, № 274 (передовая); Моск. вед., 29. VI. 1869, № 141 (передовая), 6. VII. 1869, № 147 (передовая).

¹⁸³ Типичным образом такого рода статей может служить передовая в № 141 от 29. VI. 1869, в которой Катков как будто нигде прямо не обвиняет остзейцев в сепаратизме, даже готов поверить в искренность их верноподданнических заявлений, с тем, чтобы в следующей фразе выразить своё сомнение в этом, а ещё дальше прямо высказать предположение о том, что эти заявления, может быть, лишь манёвр, должный замаскировать истинные убеждения остзейцев.

отречением от идей Бокка. Катков считал его бесполезным, ибо он не выражает подлинных мыслей остзейского дворянства и, во многом, принят под давлением свыше. Катков особенно убедился в правильности своей точки зрения после того, как Бокк публично похвалил в заграничной прессе адрес лифляндского дворянства, заявив, что хотя в адресе рыцарство и отрекается от его личности, но зато полностью принимает его идеи и мысли. Бокк назвал адрес замечательным дипломатическим документом остзейского дворянства. Адрес вызвал довольно много статей в русских газетах и журналах, которые в общем солидаризировались с точкой зрения Каткова.¹⁸⁴

Для критики адреса был использован и исторический материал. Легко устанавливается, напр., прямая связь с современностью статьи Ю. Самарина «Лифляндский верноподданный адрес 1700 г.» (Моск. вед., 5. VII. 1869, № 146). В ней на основе книги Ширрена «Die Recessé der livl. Landtage von 1681 bis 1711» (Dorpat, 1865) рассказывалось об адресе 1700 г. с отречением остзейцев от Паткуля, адресе, составленном остзейским дворянством отнюдь не добровольно, а под нажимом шведских властей, желавших таким способом удержать край в своих руках. Но цели этой адрес не достиг — принуждённые силой подписать адрес, местные дворяне не считали себя им связанными и вскоре же изменили шведам. Самарин стремится к тому, чтобы в сознании читателей возникла параллель между этим адресом и адресом 1868 г. с отречением от Бокка, он стремится показать их общность, враждебность и бесполезность для России последнего из них. В этой же статье на основе труда Ширрена намечена и другая параллель: остзейский край отпадает от того государства, которое посягает на его автономию. Этой исторической параллели к современности, более полно развитой Ширреном в его брошюре «Livländische Antwort an Herrn Juri Samarina», Leipzig, 1869, посвящена передовая статья «Моск. вед.» № 154 (15. VII. 1869). Остзейский край добровольно отошёл под власть Польши с условием сохранения своих привилегий, но как только польское правительство стало притеснять остзейцев, они отошли к Швеции, которая по условиям капитуляции обещала блюсти права этих провинций. Но как только Швеция нарушила эти права, остзейцы перешли под власть России, обещавшей свято охранять их. Следовательно, доказывал Ширрен, нужно ожидать, что остзейский край отпадёт от России, осмелившейся отменить остзейские привилегии, и, вероятно, войдет в состав Германии. Катков, впрочем, нашёл, что параллель с современностью здесь в другом: остзейский край отпадал только тогда, когда властвующее над ним правительство вступало на путь поправок и уступок остзейцам. Отсюда — необходимость решительной и последовательной антиостзейской политики русского правительства.

Совершенно особое значение приобрёл как будто исторический спор о тексте капитуляции, подписанном Петром I и остзейцами. Остзейцы неизменно стремились доказать, что остзейский край есть своеобразное государство в государстве, чисто условно связанное с Россией. Основным обоснованием прав Прибалтики на самостоятельность, на независимость от России, основным доказательством недопустимости и незаконности утверждения русских общегосударственных начал в крае был для остзейских публицистов текст капитуляции, которым Рос-

¹⁸⁴ Основные статьи об адресе 1868 г.: Моск. вед., 3. XII. 1868, № 261 (передовая), 10. XII. 1868, № 266, 16. I. 1869, № 12 (передовая); Голос, 11. II. 1869, № 42 (передовая); Вестник Европы, 1869, март (рецензия на книгу Бокка) и т. д.

сия якобы обязывалась соблюдать и охранять все остзейские права и привилегии. Капитуляция — это своеобразный международный договор, трактат, обеспечивающий права остзейцев. Спор русских публицистов с немецкими по вопросу о тексте капитуляции в 1868—69 гг. превратился в спор о правах остзейцев на самостоятельность и о правах России на Прибалтику.

Катков ещё в передовой № 139 (27. VI. 1868) «Моск. вед.», в связи с выступлением «Kreuzzeitung» и «Allgem. Zeit.», доказывал необоснованность остзейских притязаний тем, что 1) текст капитуляции не относится к Курляндии, 2) за 150 лет положение коренным образом изменилось, что делает необходимым и изменения в крае, 3) текст капитуляции включал в себя оговорку о том, что привилегии края могут сохраняться лишь до тех пор, пока они не будут противоречить интересам всего государства. Эти доводы в дальнейшем неоднократно повторялись русской печатью.

Но основной спор разгорелся вокруг оговорки в тексте капитуляции о том, что привилегии сохраняются, «елико оные к нынешнему правительству и времени приличествуют». Остзейские публицисты стали доказывать чисто формальный характер этой оговорки, не имеющей практического значения, а Ширрен однажды даже высказал предположение, что это фальсификация, что оговорка включена в более позднее время одним личным врагом остзейцев. В русской печати посыпались возражения, в которых утверждалось огромное значение оговорки, доказывалась прозорливость Петра I, всегда помнившего о единстве государства. Русская печать обратила внимание и на другое положение, включённое в текст капитуляции — положение о правах императора, как самодержавного монарха, вершить всеми делами подчинённой ему страны, следовательно, и подтверждать или отменять остзейские привилегии.¹⁸⁵ Как бы итог этим спорам подвели «Биржевые ведомости» (1. VII. 1869, № 175) в программной статье по остзейскому вопросу: 1) никакие правительственные преобразования не противоречат тексту капитуляции из-за петровской оговорки; 2) отмена сословных привилегий нужна потому, что они отжили свой век; 3) нельзя говорить ни о какой политической самостоятельности края, ни о

¹⁸⁵ Основные статьи по вопросу о тексте капитуляции: Москва, 14. IX. 1867, № 129 (передовая); Голос, 14. XI. 1868, № 315 (передовая), 8. VI. 1869, № 157 (передовая), 14. VI. 1869, № 162 (передовая), 3. VII. 1869, № 181 (передовая), 5. VII. 1869, № 183 (полемика с «St.-Petersb. Zeit.»), 9. X. 1869, № 279 (передовая); Моск. вед., 29. VI. 1869, № 141 (передовая); Вестник Европы, 1869, сентябрь (рецензия на книгу Ширрена «Livl. Antwort an Herrn Juri Samarin»). Poleмика о тексте капитуляции чрезвычайно много места уделено в книге: М. П. Погодин, Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену, М., 1869 (первоначально напечатана в виде цикла статей в «Голосе» за 1869 г. — №№ 201, 202, 204, 205, 230). Эта книга — свод разногласий остзейской и консервативной русской публицистики по историческим вопросам. См. также: Ю. Ф. Самарин, Ответ гг. Бокку и Ширрену по поводу «Окраин России», Соч., т. 8.

каком особом герцогстве; 4) если немцы находят справедливым проводить германизацию края, то тем более оснований имеют русские поддерживать русский элемент в крае.

За всеми выступлениями русской печати против германизации края, его обособления от России, местного сепаратизма стояла прекрасно осознаваемая публицистами и вполне реальная опасность другого рода — опасность со стороны всё усиливающейся Пруссии, ставшей на путь объединения Германии и агрессивной внешней политики. Это военное и политическое усиление Пруссии по-новому осветило и вопрос о Прибалтике. Германизация Прибалтики, местный сепаратизм — это ещё большее усиление Пруссии, потенциального военного противника.¹⁸⁶ Часть остзейцев к тому же особенно и не скрывала своих надежд на Пруссию, своей уверенности в том, что рано или поздно остзейский край войдёт в состав объединённой Германии — этим прямо угрожал русской публике автор письма в газету «Голос», о котором мы выше говорили. Выказанная в письме угроза — обратиться за помощью к «единой и могучей Германии» — была расценена «Голосом» как призыв к иностранному вмешательству в дела России. «Голос», вообще не отличавшийся тактичностью, предлагал остзейцам «убраться» в Германию: «Пусть лучше одичает Прибалтийский край — Россия не погибнет от выхода немцев в Пруссию».¹⁸⁷

Как мы уже говорили, в 1867 г. в германской печати поднимается широкая антирусская кампания в защиту остзейцев, якобы притесняемых русским правительством. Видную роль в этой кампании играл и близкий к Бисмарку орган «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», а в «Bank- und Handelszeitung» даже упоминалось о слухах насчёт дипломатического вмешательства Пруссии в балтийские дела.¹⁸⁸ И, действительно, в 1867 г. последовала первая попытка такого рода — запрос депутата Лёве в прусском парламенте относительно того, не стоит ли правительству официально выступить в защиту немцев в Прибалтике, якобы подвергающихся таким преследованиям, которым не подвергаются и христиане в Турции. Бисмарк дал отрицательный ответ на вопрос Лёве, заметив, что запрос может принести только вред остзейцам, которые не нуждаются в каком-либо вмешательстве извне да к тому же и не составляют большинства в крае.¹⁸⁹ Но русская консервативная печать расценила это только как отказ от вмешательства в настоящий мо-

¹⁸⁶ См.: Моск. вед., 28. II. 1867, № 46 (X. X., «Письма из Пернавы», г. е. из Пярну); Голос, 26. IX. 1867, № 266 (передовая).

¹⁸⁷ Голос, 29. X. 1867, № 299 (передовая).

¹⁸⁸ См. об этом: Москва, 14. IX. 1867, № 129 (передовая); Моск. вед., 16. IX. 1867, № 201 (передовая).

¹⁸⁹ См. об этом: Моск. вед., 3. XII. 1867, № 265 (передовая). О запросе Лёве и о сложной политике Бисмарка по остзейскому вопросу см. статью: Я. Я. Зутис, К истории остзейского вопроса в 60-х годах XIX века. Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память Евгения Викторовича Тарле, М., изд. АН СССР, 1957.

мент, который признан несвоевременным, но, в сущности, запрос Лёве — предвестник грядущего «Drang nach Osten».¹⁹⁰ В этом отношении интересна более поздняя, перепечатанная «Биржевыми ведомостями» (15. I. 1869, № 14) из английского журнала «Saturday Review» справка о «Balt. und russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten» Эккардта: «Для будущего времени эти области (остзейские губернии — С. И.) имеют большую важность, как неизбежный повод к спору между Россией и Германией. Попытки русского правительства искоренить здесь германский элемент в настоящее время совершенно разумно игнорируются и как бы не замечаются Пруссией; но настанет день, когда московитский союз не будет более нужен для Пруссии, и тогда весьма может быть эти области представят повод к колоссальной войне между двумя народами».

Русская пресса очень внимательно следила за германской печатью, в которой то и дело обсуждался вопрос о правах Германии на Прибалтику, о тех будущих преобразованиях, которые должны быть проведены там после захвата края Германией. Так, «Современная летопись» в статье «Естественные плоды нашего усердия в германизации прибалтийских губерний» (17. IX. 1867, № 33) подробно изложила одну из глав труда Э. Каттнера «Призвание Пруссии на Востоке» («Preußens Beruf im Osten»), помещённого первоначально в издававшемся в Брауншвейге Г. Вестерманном органе либералов «Unsere Tage». В этой главе («Будущность немецких остзейских провинций под прусским господством») подробно излагались те мероприятия, которые должна провести Пруссия, захватив остзейский край. Кроме мероприятий чисто военных здесь много внимания уделялось необходимости уничтожения феодалных пережитков, местных привилегий в крае, быстрого введения общегерманских начал. Это вызвало ехидные замечания «Современной летописи», позже неоднократно повторявшиеся русскими газетами: остзейцы стремятся к Германии, а ведь им лучше быть под властью русских — Германия немедленно отменит их права и привилегии, а русские в общем-то их сохраняют.¹⁹¹ Позже в русской печати появилось изложение

¹⁹⁰ См. об этом: Голос, 3. XII. 1867, № 334 (передовая). Ср. письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Аксакову от 11/23. X. 1867: остзейский вопрос «уже возник. Разумеется, он ещё не созрел настолько, чтобы сделаться *теперь* темой для дипломатической ноты; но первый и самый важный к этому шаг уже сделан: общественное мнение в Пруссии признало остзейский вопрос, как *свой* вопрос и как законный предлог к вмешательству с её стороны». РО ГБЛ, ф. 265, папка 38, № 2, лл. 137—138.

¹⁹¹ См., напр., «Фельетон» Незнакомца (псевдоним А. С. Суворина) в № 251 «С.-Петерб. вед.» за 1868 г., в котором автор, рассуждая о том, что немцам в Прибалтийском крае гораздо лучше оставаться под властью России, нежели ожидать присоединения к Пруссии, говорит: «Пруссия одного дня не потерпит тех средневековых порядков, которыми они так дорожат. Между тем, находясь под сению двуглавого орла, они могут ещё десятки лет мирно хранить и развивать дорогие свои учреждения».

всего сочинения Каттнера, в котором доказывались права Пруссии на Прибалтику.¹⁹² «Право это состоит в том, что всякий высокообразованный народ, высылающий избыток своего населения в другие страны, обязан, по естественному призванию своему, присоединить к себе эти страны, как скоро население их оказалось неспособным к самостоятельному дальнейшему развитию зачатков культуры, принесённых ему переселенцами, пионерами культуры».¹⁹³ Россия — «нравственное болото», не способное принести культуру эсто-латышам. Великое призвание Пруссии — поддержать пионеров своей высшей культуры в Прибалтике — остзейских немцев — и присоединить этот край к себе. Каттнер прямо ратует за военное вмешательство Пруссии. Его «доводы» подробно разбирались «Голосом», доказывавшим их несостоятельность.

Таков вопрос о германизации Прибалтики, об остзейском сепаратизме, обративший на себя в 1867—69 гг. самое пристальное внимание русской печати.

8.

Никогда ещё критика остзейской системы в целом не была такой сильной и не велась по такому широкому кругу вопросов, как в 1867—69 гг. Она выростала на основе изложенных нами в предыдущем разделе представлений о сепаратизме остзейцев, об опасности германизации края и обособления его от России. В этой критике остзейских порядков по-прежнему одним из ведущих остается вопрос о положении крестьянства.

В русской печати этих лет неизменно проводится мысль о совершенно безвыходном положении прибалтийского крестьянина, о его крайней бедности и нищете, обусловленных отсутствием у него земельной собственности. Предпринятые правительством меры, в особенности, обязательный переход от барщины к денежной аренде, ни к чему не привели. «Настоящее «Положение о лифляндских крестьянах» настолько их защищает, насколько решето, употреблённое вместо зонтика, может защитить от дождя».¹⁹⁴

Из массы статей и корреспонденций, помещённых в русских журналах и газетах 1867—69 гг., создается довольно яркая и основанная на реальных фактах картина ужасающего положения балтийского крестьянина.

Эта картина в своих основных чертах выглядит так.¹⁹⁵

¹⁹² 4 статьи в «Голосе»: I — 28. XI. 1868, № 329; II — 1. XII., № 332; III — 15. XII., № 346; IV — 18. XII., № 349. Интересно, что труд Э. Каттнера был посвящён «dem norddeutschen Bundesheer» — северо-германской армии.

¹⁹³ Голос, 1. XII. 1868, № 332.

¹⁹⁴ Москва, 12. VI. 1868, № 58.

¹⁹⁵ Воссоздаём эту картину на основе лучших и наиболее аргументированных статей и корреспонденций о крестьянском вопросе в Прибалтике в русских газетах и журналах 1867—69 гг.: Ю. <Кузнец> ов, Экономич.

Переход от барщины к денежной аренде не улучшил положения крестьянина в Прибалтике, ибо он означал «в стране, опекаемой немецкой культурой, переход с повинности, которой был положен предел, на повинность, которая может быть возвышаема без ограничения, по личному усмотрению взимающего»,¹⁹⁶ т. е. помещика. Помещики использовали обязательный переход от барщины к денежной аренде для того, чтобы максимально возвысить арендную плату. В русской печати неоднократно приводились образцы новых контрактов в сравнении со старыми, из которых явствовало, что аренда была возвышена почти в два раза, а порою даже и больше.

Тяжесть положения крестьянина усугублялась ещё массой дополнительных повинностей, которых один автор насчитывал не менее тринадцати: 1) рекрутская, 2) почтовая, 3) на кирпичи и починку казённых зданий, 4) жалование судьям, 5) десятина пастору, 6) жалование учителям, 7) на мирской магазин, 8) подводы начальству, 9) провожание арестантов, 10) дрова для войск, 11) починка дорог, 12) поголовная государственная подать, 13) пожертвование на пасторских вдов.¹⁹⁷ Крестьяне выполняют повинности и выплачивают налоги казне не только за свою землю, но и за помещицью.

Крестьяне не в силах выплатить назначенной им по контракту арендной платы, которая нередко, вопреки закону, сочтается и с барщиной.¹⁹⁸ Один из авторов на основании точных статистических данных подсчитал, что крестьянин неминуемо при выполнении контракта должен «влезть» в долги — не менее 149 р. в год.¹⁹⁹ Естественно, что крестьянин ищет различных путей, ищет средств для того, чтобы всё же уплатить за землю, не быть выброшенным с хутора, на котором он жил много лет, где земля вспоена и вскормлена его потом и

ческий и нравственный быт балтийских крестьян (цикл статей; Отечественные записки, 1867, т. т. CLXXI—CLXXII—CLXXIII); Лифляндец-Эстонец, Лифляндский крестьянин (Москва, I. V. 1868, № 24), Лифляндец-Латыш, Рыба ищет — где глубже, человек — где лучше (там же, 22. V. 1868, № 40); передовая статья «Москва, 9-го июля» (Моск. вед., 10. VII. 1868, № 149), Латыш, Из Лифляндии (там же); Эсто-латышские сельские батраки (цикл статей; Голос, I — 9. X. 1868, № 279; II — 20. X., № 290; III — 5. XI., № 306); Образчик добровольного крестьянского контракта в Эстляндии (Современная летопись, 9. VI. 1868, № 20), Л., Либеральный крестьянский контракт в Курляндии (там же), Лифляндец, С лифляндского побережья Пейпуса (там же, 18. V. 1869, № 18) и многих других.

¹⁹⁶ Голос, 9. X. 1868, № 279.

¹⁹⁷ Москва, I. V. 1868, № 24.

¹⁹⁸ См. об этом: Моск. вед., 10. VII. 1868, № 149 (передовая и корреспонденция «Из Лифляндии»); Современная летопись, 9. VI. 1868, № 20 (Образчик добровольного крестьянского контракта в Эстляндии).

¹⁹⁹ Москва, I. V. 1868, № 24. Кстати, автор этой интереснейшей корреспонденции, скрывающийся по псевдонимом Лифляндец-Эстонец, видимо, кто-то из деятелей эстонского национального движения (Якобсон?), активно сотрудничавших в аксаковском органе.

кровью. Он усиливает эксплуатацию батраков и бобылей, посылая их зимой на дополнительные заработки, он сокращает их количество, стремясь в первую очередь избавиться от много-семейных бобылей, которые вообще с трудом находят себе место и работу. Он сам не покладая рук трудится с утра до вечера. Он стремится максимально использовать свою землю, не заботясь о будущем — сеет лён, истощающий почву, но приносящий доход. Он расширяет посевы за счёт неудобной земли, корчует и поднимает новые участки. Рост арендной платы, как это особенно убедительно показал Ю. Кузнецов в первой статье своего труда, идёт не за счёт улучшений в ведении хозяйства (для этого у крестьянина нет средств), а за счёт крайней эксплуатации производительных сил почвы и рабочей силы. С огромным трудом, недоедая, недосыпая, крестьянин кое-как, да и то не всегда, сводит концы с концами. Но как только наступает неурожайный год, разорение его неминуемо.

И при всём том, крестьянин ни на один день не может быть уверен в сохранении за ним арендованной земли. Контракты обычно составляются так, что помещик практически в любое время, на основе какого-либо из якобы не выполненных пунктов, может выгнать крестьянина с усадьбы без всякой компенсации, утверждённой законом. Даже предположив благополучный исход — крестьянин «дотянул» до истечения срока аренды, — арендатор, как правило, сталкивается с новыми трудностями. Помещик, увидев, что за истекший срок крестьянин увеличил запашку, поднял новые участки земли, что земля, благодаря хищнической эксплуатации почвы и рабочей силы, приносит больший доход, чем раньше, ещё более возвышает арендную плату.²⁰⁰ Крестьянин вынужден опять выискивать новые способы повышения доходности своего участка, но арсенал их, собственно, уже исчерпан. Крестьянина-арендатора ждёт почти неминуемое разоренье — его имущество идёт с молотка, и он превращается в нищего, обычно в батрака, с трудом находящего себе работу. Если же арендатор отказывается подписать контракт, то существовать ему не на что. Помещик голодом заставит его принять предложенные им условия аренды.²⁰¹ Жалоба в суд также не помогает — формально помещик прав, на основе закона он может как угодно возвышать арендную плату. Если же крестьянин упрямится и не подписывает контракта, оставаясь на усадьбе, то к услугам помещиков всегда войска. Крестьяне просто-напросто с по-

²⁰⁰ Механизм возвышения аренды великолепно раскрыт в статье: Лифляндец-Латыш, Рыба ищет — где глубже, человек — где лучше, Москва, 22. V. 1868, № 40.

²⁰¹ См.: Современная летопись, 9. VI. 1868, № 20 (Образчик добровольного крестьянского контракта в Эстляндии).

мощью военной силы изгоняются из усадеб.²⁰² Экзекуции всякого рода вообще стали самым обычным явлением в прибалтийской деревне. При этом характерно признание ассессора Гольдингенского гауптманского суда барона Клейста (Rig. Zeit., 5. IX. 1868, № 206) на основе собственного опыта проведения экзекуций, что они «редко оканчиваются без жестоких обращений экзекуционно-полицейской власти с крестьянами».²⁰³

Это и называется «непринуждённым» введением оброчной системы».²⁰⁴

Есть ещё и другой выход — «свободное и любовное приобретение недвижимой собственности».²⁰⁵ Крестьянин может купить землю себе в собственность, правда, лишь при условии, что помещик соизволит согласиться продать землю. Но при этом крестьянин встречается с ещё большими трудностями. Продажная цена земли чрезвычайно высока, искусственно взвинчена помещиками в соответствии с высокой арендной платой. Наличных средств у крестьян нет. Однако поскольку первый взнос за землю не очень велик и есть возможность получить ссуду, крестьяне всё же нередко идут на покупку земли. Но для выплаты ежегодных взносов крестьянин должен отдавать значительно большую сумму денег, чем при аренде — и, естественно, его годовой долг становится ещё больше — если в последнем случае он равен 149 р. в год, то, по подсчётам того же автора, при покупке земли он возрастает до 162 р.²⁰⁶ Если крестьянин не в состоянии выплатить очередного взноса, его имущество опять же идёт с молотка, затраченные деньги пропадают. Большинство крестьян приобретает землю в рассрочку, и никто из них не может быть уверен, что земля действительно станет их собственностью. Факты разорения крестьян слишком часты. Помещик и саму продажу земли (до полной выплаты всей суммы денег) обуславливает таким длинным рядом оговорок, что ставит крестьянина в полную зависимость от себя. Ю. Кузнецов приводил в пятой статье своего труда (Отечественные записки, 1867, т. CLXXII) образец контракта между помещиком Яковом Бранденбургом и его крестьянами. В нём за помещиком сохраняется право даже обменять покупаемый крестьянином участок на другой, остаются в силе арендные порядки до выплаты всей суммы, крестьянину запрещается делать долги и т. д. Всё это приводило к известному снижению покупок земли в рассматриваемый период.

²⁰² См. случай в 1868 г. в Лифляндском имении В., описанный в «Моск. вед.», 10. VII. 1868, № 149. Лифляндец-эстонец ссылается на аналогичные случаи в 1867 г. на мызах Авдерн (Аудру) и Цинтенгоф (Синди).

²⁰³ См. Моск. вед., 19. IX. 1868, № 202. Гольдинген — ныне Кульдига.

²⁰⁴ Голос, 20. X. 1868, № 290.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Москва, 1. V. 1868, № 24.

Но почему же крестьянин всё же вынужден соглашаться на предложенные помещиком условия аренды или выкупа, почему он не может уйти? Здесь много причин. Крестьянин много лет провёл на своей усадьбе, нередко здесь жили его отец и дед, его привязывают к усадьбе и те улучшения в хозяйстве, которые он сделал и которые безвозвратно пропадут для него, если он уйдёт с участка.²⁰⁷ Устраиваться на новом месте всегда трудно, тем более, что арендная плата везде высока. Переселение в другие губернии для крестьян чаще всего невозможно — нет средств, они не знают языка и условий на новых местах, да переселению откровенно препятствуют и местные власти, поддерживаемые правительством. Крестьяне умеют заниматься только земледельческим трудом, поэтому они не могут найти работу и в городе, где потребность в рабочей силе в это время ещё не очень велика. Им остаётся только путь в батраки и бобыли. Положение этой категории людей ещё хуже, можно сказать, прямо трагично. Здесь «весь вопрос переводится на конкуренцию голодных желудков».²⁰⁸ Арендаторы стремятся в целях экономии иметь как можно меньше батраков, это создаёт конкуренцию среди них, что приводит к ещё большему падению заработной платы. У батраков и бобылей, работающих на помещиков, такая страшная система штрафов и наказаний при мизерном жалованьи, что в помещичьи имения крестьяне просто боятся идти.

Что же остаётся крестьянину?

Только надеяться на подушный надел: «ожидание, в настоящее время достигшее высшей степени, поглощающее все остальные <...>, это ожидание «подушной земли» (по эстски <h>inge maa) или подушного надела землёй».²⁰⁹ Этим ожиданием, как признаётся автор корреспонденции «С лифляндского побережья Пейпуса» (Современная летопись, 18. V. 1869, № 18), был вызван переход в православие, эти надежды были подкреплены крестьянской реформой в России, сейчас об этом только везде и говорят — дома и в корчмах, при встрече и с проезжими, только этими рассказами и поддерживается бодрость духа. Газета «Москва» ещё в 1867 г. (22. VIII., № 113) писала об этих надеждах эстонских крестьян, поддерживае-

²⁰⁷ Формально крестьянин имел право требовать у помещика вознаграждения за улучшение земли, но помещики включали в контракты пункт, по которому крестьянин «добровольно» отказывался требовать вознаграждения — см., напр., «либеральный» крестьянский контракт в Курляндии, приведённый в «Современной летописи» (9. VI. 1868, № 20). По этому контракту крестьянин, между прочим, обязался не подавать в суд в случае конфликта с помещиком. Катков заметил по поводу курляндского контракта: «Мы несколько не удивимся, если кому-нибудь из прибалтийских феодалов вздумается в контрактах с крестьянами отменить десять заповедей господних» (Моск. вед., 10. VII. 1868, № 149).

²⁰⁸ Ю. <Кузнец> ов, ук. соч., Отечественные записки, 1867, т. CLXXI, стр. 364.

²⁰⁹ Современная летопись, 18. V. 1869, № 18.

мых и событиями в Польше, где крестьяне были наделены землёй. Газета называла такие надежды крестьян «естественными» и была возмущена статьей в «Eesti Postimees» (26. IV. 1867, № 17) «Подушный надел»²¹⁰, где крестьяне предостерегались от необоснованных надежд на землю, где утверждалось, что у них нет никаких прав на неё. «Статейка эта, — отмечалось в передовой «Москвы», — как будто писанная для украшения столбцов «Вести», даёт нам однако же, сама того не подозревая, новые доказательства, что ожидание подушного надела коренится в самих крестьянах, а вовсе не исходит, — как нас не раз уверяли, — из чьих-то посторонних злонамеренных внушений. Свидетельство об этом людей самого немецкого дворянского стана (sic! типичная для русской журналистики характеристика «Эсти Постимээс» — С. И.) — важнее всяких иных свидетельств. Заявляя, что «надежда крестьян растёт как тень чертовская», автор статьи утверждает, что «один говорит про то другому, другой третьему, и все мечтают. Чего человеку *хочется*, того он и ждёт, тому он и верит».²¹¹

И вот в противовес этой мрачной картине прибалтийской действительности русские либеральные и консервативные публицисты начинают всячески восхвалять положение русских крестьян, утверждённое реформой 19 февраля 1861 г. Подробное сравнение положения прибалтийских и русских крестьян дано во второй статье «Эсто-латышские сельские батраки» (Голос, 20. X. 1868, № 290; впрочем, нужно учесть, что эта статья основана на материалах первого выпуска «Окраин России» Ю. Ф. Самарина). В России крестьянин имеет право выбрать барщину или оброк, в Прибалтике оброк обязателен. В России размер того и другого определён законом, а в Прибалтике оброк законом не определён и может «быть возвышаем беспредельно по благоусмотрению помещика». В России земля закреплена за крестьянином, определён размер выкупного платежа, и в этом отношении крестьянин защищён от произвола помещика, он имеет право требовать выкупа; в Прибалтике помещик может продать землю кому угодно, тому, кто ему больше даст, и назначать любую цену, какая ему только заблагорассудится, к тому же помещик может и вообще не продать земли. Это противопоставление в условиях русской действительности, конечно, имело реакционный смысл, восхваляя итоги крайне неудовлетворительной реформы 19 февраля 1861 г. Но, с точки зрения прибалтийской действительности, это противопоставление имело несколько иной смысл: оно приводило к требованию наделения землёй и прибалтийских крестьян, что было бы, без сомнения, в ту пору глубоко про-

²¹⁰ Это заглавие, отражающее суть статьи, было дано редакцией «Москвы», в оригинале статья называется «Tühjast mõttest sünnib tühhi lotus» — «Из пустой думы рождается пустая надежда».

²¹¹ Москва, 22. VIII. 1867, № 113 (передовая).

грессивным явлением в жизни Прибалтики. Этого требовали и сами прибалтийские крестьяне. Требования надела прибалтийских крестьян землёй приобретают в это время в русской прессе всеобщий характер — это требование выдвигают все, за малым исключением, органы печати. Об этом нам ещё придётся говорить ниже.

Такова картина жизни эстонского и латышского крестьянина, созданная русской печатью.²¹² Она должна была способствовать критике остзейских порядков в целом, должна была воздействовать на правительство, от которого органы прессы ожидали реформ в Прибалтике. Этот общий взгляд на жизнь прибалтийского крестьянина требовал внимания именно к тем фактам остзейской действительности, которые бы подтверждали безвыходность и трагизм положения местных крестьян. Отсюда внимание русских газет и журналов к голоду 1867 и 1868 гг. в Прибалтике, к переселенческому движению, к отдельным наиболее возмутительным фактам притеснения крестьян.

В 1868 г. внимание всей русской прессы было привлечено к трём таким возмутительным фактам — к делу о крестьянах с острова Даго (Хийумаа), к делу о крестьянах барона фон-Засса с острова Эзель (Сааремаа) около Аренсбурга (ныне г. Кингисепп) и Аллшвангенскому делу в Курляндии о жестоком обращении немецкого начальства с латышами в казённых имениях. Эти три «дела» были подробнейшим образом освещены русскими газетами, вызвали массу откликов, ряд «громовых» статей против особого остзейского режима, они вызвали беспокойство в цензурных сферах и вынудили правительство вновь обратить внимание на положение крестьян в Прибалтике.

Дело о крестьянах с о-ва Даго было вызвано появлением в Петербурге большой толпы оборванных, голодных, без всяких средств к существованию крестьян, пришедших ходатайствовать о переселении. Толпа необычно одетых и не говоривших по-русски людей привлекла внимание петербуржцев, о ней сообщили «С.-Пет. вед.», а вслед за ними и другие газеты. Переселенцы с Даго были в административном порядке высланы обратно домой. Всё это способствовало интересу русской печати к делу о крестьянах с о-ва Даго.

Суть дела наиболее полно изложена в обобщающей материал статьи «Голоса» (11. IX. 1868, № 251, передовая) и в освещении этой газеты состоит в следующем. На Даго вся земля принадлежит шести помещикам, которые находятся

²¹² Мы в данном случае сознательно опускаем вопрос, полностью ли эта картина соответствовала прибалтийской действительности. Эта картина основывалась на подлинных фактах жизни, хотя, вероятно, краски в обрисовке её и были несколько сгущены, что объясняется теми целями, которые ставила русская печать.

друг с другом в родственных отношениях и занимают все должностные места на острове. В этом году истекал срок барщинных повинностей и должен был произойти переход к денежной аренде на основе «добровольного соглашения» между крестьянами и помещиком. На Западе существуют аналогичные отношения между рабочими и фабрикантами, но там развитые рабочие в случае конфликтов с фабрикантами прибегают к стачкам. Ничего организованного не могло быть у бедных крестьян Даго, но смысл их выступления был такой же. При заключении новых договоров помещики потребовали совершенно невиданной арендной платы: за хозяйские участки свыше 100 р., за бобыльские — свыше 12 р., что в переводе на пахотную землю, которой здесь очень мало, значит 12—15 (для хозяев) и 15—20 (для бобылей) рублей за десятину. Крестьянам невозможно было выполнить такие условия, и они отказались заключить контракт. Тогда помещик фон Г<ернет>, отказав 30 семействам в пользовании участками, предложил им выселиться на новые места — в болото, где и осушить себе пахотную землю, пока же (на 3 года) он согласился дать им полдесятины пахоты из расчёта 10 р. за десятину. Через 3 года они должны полностью перебраться на осушенную землю и платить за неё аренду в полном объёме. «Изобретательность, поистине, изумительная!» Она вызвала удивление даже у местных баронов. Когда бобыли отказались принять эти условия, их выселили военной силой из домов, и жилища их помещик съжёг на уголья. Тогда-то бобыли и поехали в Петербург в надежде получить разрешение на переселение. Но их отправили обратно на остров, где вынуждают принять предложенные помещиком условия. Бобыли отказываются, переселяются на материк и разбредаются по губернии в поисках работы, их возвращают с помощью полиции, сажают в тюрьму и т. д. На остров послан, правда, чиновник особых поручений министерства внутренних дел для расследования конфликта, и даже ходят слухи о создании особой комиссии, но газета, хотя и приветствует эти шаги правительства, не слишком верит в их благотворность.²¹³

Выступления русской прессы о деле крестьян с о-ва Даго,

²¹³ О деле крестьян с о-ва Даго см. также: С.-Петербург. вед., 28. VI. 1868, № 174, 5. VII., № 181, 18. VII., № 194; Москва, 2. VII. 1868, № 74, 14. IX., № 131; Русский, 16. VII. 1868, № 13; Моск. вед., 7. VII. 1868, № 147, 9. VII., № 148, 26. IX., № 208; ряд заметок в «Голосе». «Москва» писала о деле крестьян с о-ва Даго (2. VII. 1868, № 74): «Вот оно — крестьянское благоденствие в Прибалтийском крае, о перемене которого нельзя говорить, не опасаясь навлечь на себя обвинения в раздражении сословий; вот оно — это процветание, это богатство крестьянина, громко и дерзко выхваляемое местною печатью и ещё громче и беззастенчивее навязываемое всей России «Вестью». Действительно, завидное положение: в день 3 фунта хлеба, и какого ещё! — испечённого из непросеянной муки. В добавок к этому неименные собственности, нищенское имущество и потом клеймо бунтовщика <...> при малейшем покушении устроиться получше! Завидное положение!».

действительно, заставило правительство послать на остров чиновника особых поручений Барыкова. Из его рапорта Министру внутренних дел (копия его хранится в архиве П. П. Альбединского, РО ГПБ, ф. 16) явствует, что формально помещики действовали на законных основаниях, но, по существу, они предъявили крестьянам чрезмерные требования, что и вызвало возмущение. Выступление русской печати не осталось без пользы для крестьян с о-ва Даго. Как явствует из материалов архива П. П. Альбединского (в частности, из письма А. Е. Тимашева П. П. Альбединскому от 6. IX. 1868), крестьянам было разрешено переселение во внутренние губернии России, пока же предлагалось обеспечить «их существование в течение зимы». Генерал-губернатор решил сделать внушение помещикам, указав на недопустимость таких действий.

Дело о крестьянах барона Засса с о-ва Эзель было подробно изложено в ряде статей и корреспонденций в газете «Москва», перепечатанных и другими органами русской прессы. Впервые эта история была изложена в корреспонденции Русского (псевдоним) 21. VII. 1868, № 91. Барон фон З<асс> назначил совершенно невозможную, неумеренно-высокую арендную плату — 85 р. за участок, что выше даже тех чрезмерных требований, которые выдвигаются здесь другими помещиками (70 р.). Обедневшие от прошлого неурожайного года и от нынешней засухи крестьяне отказались принять эти условия аренды, для них невыполнимые. «Отказ крестьян исполнить какое бы то ни было требование помещика на языке здешних баронов называется бунтом, упорством». В Ригу было дано знать о «бунте», «прискакало начальство усмирять, склонять и уговаривать «бунтовщиков»». Когда их всё же не удалось убедить принять помещичьи требования, то власти прислали в имение войска. «Началась, по-нашему, экзекуция; по-здешнему — «добровольное соглашение». Солдаты стали выбрасывать крестьян с их жалким скарбом из домов. Большинство крестьян остаётся под открытым небом, ожидая голодной смерти. Автор отмечает, что русские солдаты с большой неохотой выполняют «экзекуцию»: «Вынужденные выгонять несчастных, безропотных и смирных эстов, они осторожно, бережно выносят из изб их нищенский скарб, ласкают детей, кормят их из своего котла и остатки своей пищи раздают взрослым». Создаётся впечатление, что корреспонденцию писал один из невольных «усмирителей». В № 97 (31. VII. 1868) газета вернулась к этому делу, отметив в новой корреспонденции, что крестьяне по-прежнему отказываются принять предложенные помещиком условия аренды, теперь, правда, несколько сниженные. Уже 60 хозяев изгнано солдатами из домов. Крестьяне хотели было отправить депутацию в Петербург, но, наученные горьким опытом предыдущих попыток, отказались от этой мысли и теперь поговаривают о переселении в Швецию, где

положение крестьян хорошее (это, между прочим, вызвало особое беспокойство в правительственных кругах).

Корреспонденции вызвали официальную жалобу лифляндского губернатора Лизандера (см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, лл. 307—313 об.), по совету министра внутренних дел А. Е. Тимашева составившего опровержение приведённых в них фактов. «Москва» вынуждена была напечатать опровержение (24. IX. 1868, № 138), в котором утверждалось, что требование помещика не является чрезмерным и даже «ниже той суммы, какая следовала бы по расчёту стоимости прежних рабочих дней». Вызов же войск объясняется не попыткой властей принудить крестьян к заключению договоров, а лишь мерой противодействия их незаконным поступкам: не заключая договора, они отказались покинуть не принадлежащие им усадьбы. Сейчас конфликт улажен.

Но Аксаков не успокоился и в передовой статье № 141 (28. IX. 1868) дал своеобразное опровержение официального опровержения.²¹⁴ Автор передовой прямо пишет, что это опровержение дискредитирует правительство, оно вышло из-под пера защитников особого остзейского режима, мнение которых выдаётся за мнение правительства. Автор передовой, широко пользуясь выдержками из книги Самарина, обрисовывает ненормальность отношений между крестьянами и помещиками вообще в Прибалтике. Он опровергает систему доказательства якобы умеренной аренды в официальном «сообщении». Что же касается приведенной в «сообщении» причины ввода войск, то здесь нужно учитывать конечный результат — ведь именно ввод войск заставил-таки крестьян принять условия, предложенные помещиком, за исключением тех, кто к этому времени разорился и не смог уже из-за несостоятельности быть арендатором. На основе «сообщения» в общем получается та же картина, что и на основе опровергаемой корреспонденции. «Сообщение», подчеркивает Аксаков, в сущности, «обличительный документ против самого же правительства».²¹⁵

²¹⁴ Эта статья была одной из причин объявления газете «Москва» 21 октября 1868 г. третьего предупреждения с приостановкой её на 3 месяца. См.: Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 153—154. Цензурные опасения вызвала и первая корреспонденция о деле крестьян с о-ва Эзель в № 91. Такие статьи, отмечал цензор, «не могут не возбуждать национального и, что едва ли ещё не хуже, сословного антагонизма между дворянством и крестьянами, особенно в настоящее время, когда возникли, как видно из корреспонденций самой газеты «Москва», беспорядки в Прибалтийских губерниях по случаю введения в исполнение распоряжения правительства об отмене смешанных контрактов. Давая крестьянам преувеличенные надежды, вызывая их на новые и большие требования и вообще подстрекая их, статьи эти могут способствовать к увеличению беспорядков, на установление которых и теперь уже понадобились войска» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, л. 303).

²¹⁵ Кроме вышеперечисленных статей о деле крестьян с о-ва Эзель см. также: С.-Петербург. вед., 25. VII. 1868, № 200, 2. VIII., № 208, 28. VIII., № 234.

Дело бобылей с о-ва Даго, как и история крестьян помещика Засса, вызвало интереснейшее письмо министра внутренних дел А. Е. Тимашева к прибалтийскому генерал-губернатору П. П. Альбединскому от 5. VIII. 1868 г. под грифом «совершенно конфиденциально». Это письмо ярко показывает воздействие русской прессы на правительство, которое уже не может не считаться с ее мнением по остзейскому вопросу. Вместе с тем оно раскрывает затруднительное положение властей, проводивших в общем-то выгодную для остзейцев политику компромисса в Прибалтике.

Перечислив статьи в русских газетах о деле крестьян с о-ва Даго и с о-ва Эзель, Тимашев пишет: «полагаю нелишним при сем случае высказать Вам с полною откровенностию взгляд мой на это дело. Вам, без сомнения, известно, до какой степени я далёк от мысли о необходимости возбуждения в настоящее время общего вопроса о поземельном устройстве крестьян в Прибалтийском крае, но Вам, Милостивый Государь, также небезизвестно, что не все мыслят подобным образом и что вопрос о будущности этого края привлекает на себя особое внимание известных сфер русского общества, что большинство руководителей нашей периодической прессы готово систематически возводить всякий отдельный факт на степень общего явления, проистекающего не от каких-либо частных причин, но от совокупности всех условий местной обстановки и существующего ныне в крае порядка. Попытки возбудить внимание правительства и общественного мнения против учреждений Прибалтийского края проявлялись не раз, и журналистика с особенною настойчивостью возвращается к этому предмету при каждом удобном к тому случае. Вот почему, по мнению моему, было бы необходимо устранять заблаговременно все те недоразумения, которые, подобно происшедшим на о. Даго, могут обращать на себя общественное внимание, возбуждать толки и пересуды, иногда, может быть, не лишённые известной доли справедливости и правдоподобия. Воздерживать прессу от нападок на землевладельцев Прибалтийского края при ныне действующих узаконениях о печати не представляется всегда возможным и удобным, в особенности когда редакторы и корреспонденты, со свойственною им изворотливостью, сообщая факты, держатся в пределах приличия и закона. Я полагаю, что местная администрация, в лице губернаторов, не должна оставаться совершенно чуждою при возникающих недоразумениях и не должна ограничиваться лишь одним хладнокровным приведением в исполнение закона в отношении крестьян. Губернаторы, при каждом сколько-нибудь выходящем из ряда обыкновенных столкновении интересов помещиков и крестьян, могли бы своим личным влиянием предупреждать окончательный между обоими заинтересованными сословиями разрыв, всегда сопряжённый с совершенным расстройством быта крестьян. При всяком же другом образе действий, крестьяне, имея с одной стороны совершившееся уже в силу Положения 19 февраля 1861 г. в остальной части Империи преобразование в быте сельского населения, с другой — ещё более для них соблазнительный пример щедрого наделения крестьян Северо-западного края (т. е. Польши — С. И.) землею за самые ничтожные повинности и вне всякой зависимости от помещиков, не перестанут стремиться к выселению из края, предоставляя при этом широкое поле

Москва, 11. VIII. 1868, № 106 (возражение «Rev. Zeit.»); Голос, 24. VII. 1868, № 202, 2. VIII., № 211. Интересно, что на эту историю откликнулась и русская демократическая печать — подробное изложение дела дано в «Современных заметках» «Отечественных записок» (1868, т. CLXXXI, стр. 152—154), только недавно перешедших в руки Н. А. Некрасова. Здесь отмечается, что современное положение прибалтийских крестьян даже хуже положения русских крестьян при крепостном праве, и выражается надежда на надел и прибалтийских крестьян землёй в ближайшее время.¹

для происков агитаторов, а появлением своим в столицах, как тому были уже неоднократно примеры, возбуждать к себе общественное сочувствие и как бы наглядно подтверждать относительную справедливость и верность сообщаемых из края в газеты известий о несчастном и беспомощном положении их на родине. Вот истинные причины, побуждающие меня с особенным вниманием следить за помещаемыми в газетах статьями о Прибалтийском крае, и я не могу не высказать при этом моих опасений относительно того, что слишком частое появление статей известного свойства и направления по этому предмету не может не иметь дурных последствий и всегда проходить совершенно бесследно».²¹⁶

Несколько меньше откликать вызвало Аллшвангенское дело, также возбуждённое газетой «Москва» (Лифляндец-Латыш, Из Прибалтийского края, 13. VIII. 1868, № 107; Буков, Аллшванген, 12. IX., № 129; Курляндец-Латыш, Аллшвангенское дело, 20. IX., № 135). В казённых имениях Аллшвангенской (Алсунгаской) волости Газенпотского (Айзпутского) уезда Курляндской губернии неурожай, голод принудили крестьян подать в министерство прошение с просьбой не взыскивать с них казённого долга, так как у крестьян нет никаких средств его заплатить. Не дождавись ответа из Петербурга, который затягивался из-за непредставления соответствующих сведений местным начальством, последнее стало описывать и запечатывать нищенское имущество здешних бедняков с тем, чтобы продать его с молотка и выручить долг. Причём предпринимались все меры к тому, чтобы «подстрекнуть крестьян хоть на самое малое сопротивление или грубость, что дало бы возможность представить о них начальству, как о народе беспокойном, мятежном и лишить их права на покровительство и милость».²¹⁷ Такой способ уже неоднократно применялся в казённых и частных имениях Прибалтики. И вот у многодетного большого бобыля Петра Шпуды, когда его не было дома, сожгли хижину, силой выгнав оттуда ребятишек (один из них при этом серьёзно покалечился), — только за то, что дом был поставлен на казённой земле без разрешения высшего начальства. Это же начальство ворвалось описывать имущество крестьянина Каннинека, когда дома была только беременная жена с ребёнком и служанка. Обращение пришедших с домохозяевами было настолько возмутительным, что жена Каннинека преждевременно родила, служанка же отделалась небольшой раной. В суде Шпуда не может найти защиты, а Каннинек боится и подавать в суд. Газета назвала эти истории совершенно невероятными, на это последовал ответ Курляндца-Латыша (псевдоним), что в Прибалтике такие происшествия — явления самые обыкновенные. Удивительно во всей

²¹⁶ РО ГПБ, ф. 16.

²¹⁷ Москва, 13. VIII. 1868, № 107. И. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину 11. X. 1868: «Немцы грозят мне судом за Аллшвангенское дело, но они уж не раз грозили и ни разу не исполнили своей угрозы, тем более, что по закону суд должен быть в Москве, где издаётся газета». РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 122.

этой истории только то, что кто-то осмелился написать о них, ибо здесь это почитается высшей дерзостью, за которую грозит высылка из страны. Далее приводятся интересные сведения о тяжёлом положении местных корреспондентов русских газет, которым приходится тщательнейшим образом скрывать свою деятельность.

Очень много материалов в русских газетах 1867—69 гг. посвящено голоду в Лифляндии и Эстляндии. Корреспонденции, заметки о голоде, призывы к благотворительности из номера в номер наполняют страницы и «Голоса», и «С.-Пет. вед.», и «Моск. вед.», и «Бирж. вед.» и даже «Нового времени». В этих заметках особенно отчётливо раскрывается тяжёлое положение эстонского крестьянина. В то же время русские газеты использовали сообщения о голоде и для критики особого остзейского режима. Помещики не оказывают никакой помощи крестьянам — в связи с этим Катков предлагал даже обложить остзейских помещиков специальным налогом в пользу бедствующего народа. Впрочем, тут же Катков замечает, что ещё лучше было бы разрешить земельный вопрос в Прибалтике с тем, чтобы уменьшить число безземельных пролетариев, голодающих и склонных к переселению.²¹⁸ Столь восхваляемые остзейцами мирские магазины оказались не в состоянии помочь голодающим — хлеб из них выдаётся только хозяевам и обеспеченным бобылям, ибо нужен залог; наиболее же страдающие от голода батраки и бедные бобыли не могут рассчитывать на помощь и отсюда.²¹⁹ Большие средства, выделяемые правительством и собранные путём благотворительности для помощи голодающим, распределяются таким образом, что оказываются в руках помещиков, которые используют их в целях собственного обогащения, а не помощи нуждающимся.²²⁰

Но особенно много внимания уделила русская печать вопросу о переселении и переселенцах, видя в этом, быть может, наиболее яркое доказательство неблагоприятия положения прибалтийского крестьянина. Каждый раз прибытие новой партии эстонских переселенцев в Петербург вызывало целый

²¹⁸ См. Моск. вед., 14. V. 1869, № 103 (передовая).

²¹⁹ См. Лифляндец - Латыш, Из прибалтийских губерний, Москва, 23. VI. 1868, № 68.

²²⁰ См. С.-Петербург. вед., 19. VII. 1868, № 195 (корреспонденция из Ревеля М. Стравинского). Эта корреспонденция вызвала большой резонанс. Остзейские власти начали судебный процесс против Стравинского, и им удалось чисто формальным образом доказать, что обвинения Стравинского не подкреплены документами и засвидетельствованными фактами. Последнее слово, впрочем, осталось всё же за Стравинским, который уже в 1869 г., после окончания судебного процесса, привёл в «С.-Петербург. вед.» (7. IV. 1869, № 96) документальное свидетельство о том, что, по крайней мере, 6000 р. было роздано на устройство дорог и на поддержку некоторых дворян и чиновников, от голода явно не страдавших. Ср. также заметку М. Стравинского — С.-Петербург. вед., 15. VIII. 1868, № 221.

цикл заметок и корреспонденций во всех русских газетах. Газеты приводили массу сведений о бедственном положении переселенцев, о голоде среди них, об их страданиях, о той благотворительности, благодаря которой они только и могли существовать, о препятствиях, чинимых им властями, о насильственном возвращении переселенцев обратно домой, об использовании военной силы для воспрепятствования переселения (последнее вызывало наибольшее возмущение русской печати²²¹) и т. д., и т. д. Газеты неоднократно рассказывали о трагических случаях с переселенцами, в роде того, как переселенцы, насильственно возвращаемые на пароходе из Петербурга домой, хотели выброситься в море, ибо на родине их всё равно ожидает голодная смерть. Газеты приводили и те слухи, которые циркулировали в народной среде в связи со всеобщим стремлением к переселению, напр., слух о том, что всем можно переселиться в Туркестан, потому что оттуда, в свою очередь, в Прибалтику будут переселять . . . людоедов. В этих слухах подчеркивались надежды крестьян на безденежное наделение землёй на новых местах. Газеты рассказали о всех наиболее примечательных событиях, связанных с переселенческим движением, напр., об истории с переселенцами, собравшимися в Лаксберге (Ласнамяги). Довольно много материалов посвящено жизни переселенцев — эстонцев и латышей — на новых местах, при этом обычно подчёркивалось, что, преодолев первые трудности, переселенцы устраиваются неплохо, добиваются материального достатка и становятся видными людьми в новой местности.²²² Впрочем, газеты писали и о случаях обмана переселенцев, когда недобросовестные агенты сулили крестьянам золотые горы на новых местах и нагло обирали их, доводя до голода и полного обнищания — см., напр., историю с Мецивуевским и с крестьянами из-под Гапсаля (Хаапсалу), описанную «Совр. известиями» (8. VIII. 1869, № 215).

Пожалуй, ни один из вопросов остзейской проблемы не вызывает такого количества откликов в печати 1868—69 гг. как вопрос о переселении. Журнал «Всемирный труд» даже связывал рост интереса к Прибалтике в русском обществе и русской прессе осенью 1868 г. именно с переселенческим движением²²³ (русские публицисты тонко реагировали на малейшие изменения в отношении прессы к остзейскому вопросу и отмечали периоды известного подъёма и спада даже внутри каждого года). Об интересе газет к переселенческому движению говорит хотя бы тот факт, что «Моск. вед.» перепечатывали

²²¹ См.: Моск. вед., 13. XI. 1868, № 246; Голос, 15. XI. 1868, № 316.

²²² См., напр.: Моск. вед., 22. II. 1867, № 43 (передовая), 9. XI. 1868, № 243; Москвич, 31. I. 1868, № 29.

²²³ Всемирный труд, 1868, ноябрь, стр. 264 (обозрение «Столичная жизнь»).

буквально все заметки и корреспонденции из других русских газет о переселенцах.

Но переселенческое движение всё же интересовало русскую печать не столько само по себе, сколько как факт, свидетельствующий о неблагоприятии положения крестьян в остзейском крае, как факт, говорящий о необходимости существенных преобразований по русскому образцу и в Прибалтике. «Моск. вед.» писали в связи с переселенцами с о-ва Даго: «Относительно самого факта ежегодных переселений балтийских приморских крестьян, представляющих на вид России картины человеческого бедствия одну мрачнее другой, следует заметить, что факт этот служит самым наглядным доказательством чрезмерного преобладания балтийской средневековой феодальной касты над пролетариями-крестьянами, чрезвычайной ненормальности балтийских дел вообще и вопиющей необходимости серьезных мероприятий для прекращения столь неестественного, положительно вредного порядка вещей».²²⁴ Отсюда, собственно, основным вопросом в связи с переселением стал вопрос о причинах его.

Остзейские публицисты склонны были видеть причину массовых переселений, в первую очередь, в подстрекательстве. «Москва» писала по этому поводу, обращаясь к остзейцам: Когда же, наконец, кончатся эти крики о подстрекателях! «Ведь «подстрекателем» был у вас и г. Петерсон, которого оправдал правительствующий сенат, признав бесчинство местных властей в отношении его! «Подстрекателем» был и г. Бесбардис, пользующийся общим уважением! Когда же, наконец, <...> прозрите вы, что истинный «подстрекатель» — это голод, нужда, безземелье да несправедливость, в которые вы поставили латышей и эстов?»²²⁵ «Моск. вед.» отмечали в связи с этим же: «Рассказы переселенцев о причинах, вынуждающих их эмигрировать, имеют, понятным образом, тёмно-трагический колорит. Они обыкновенно очень длинны, хотя достаточно двух слов для полного характеризования их; эти слова: нужда, безземельность».²²⁶ Далее приводится рассказ эмигрирующего старика-латыша: ему пришлось «податься» в Россию после того, как он вынужден был после двадцатипятилетнего труда платить вдвое против арендной платы в первые годы.

Тезис о подстрекателях (из которых ни один почему-то не был пойман), как основной причине переселения, критики не выдерживал. И тогда остзейская пресса стала доказывать, что основная причина в неурожае последних лет, в голоде 1867—68 гг., в котором помещики не виноваты. Русская пресса в ответ

²²⁴ Моск. вед., 7. VII. 1868, № 147. Ср.: С.-Петербург. вед., 1. IX. 1868, № 238; Москва, 8. X. 1868, № 148; Совр. известия, 21. VII. 1869, № 198.

²²⁵ Москва 21. VII. 1868, № 91. Ср. также Моск. вед., 26. IX. 1869, № 208.

²²⁶ Моск. вед., 7. XI. 1868, № 241 («Письмо из Динабурга»; Динабург — Даугавпилс, Двинск).

на это привела свидетельство «Ээсти Постимээс» (15. I. 1869, № 3). Первым статью из «Ээсти Постимээс» изложил «Рижский вестник» (5. II. 1869, № 11), вообще ставший в этот период важным источником информации об эстонской и латышской прессе для русских газет, вслед за ним её изложение было напечатано во всех основных русских органах печати. Сама статья Янсена в «Ээсти Постимээс» носила сравнительно умеренный характер, как и направление газеты в целом. В освещении же русской печати она приобрела несравненно более решительный характер благодаря редакционным комментариям, которые смыкались в одно целое с изложением самой статьи. «В эстонской газете «Ээсти Постимес» пишут, — сообщали «Моск. вед.», — что изо всех мест, населённых эстонцами, раздаётся крик голодных: «хлеба! хлеба!», а так как хлеба негде взять, раздаётся другой крик: «выселиться!». «Пусть будет, что будет, дома всё равно придётся умереть с голоду», — говорят многие. «Уж хуже, чем в Эстляндии, не может быть ни на Кавказе, ни где бы то ни было». Выселение, по словам «Ээсти Постимес», обратилось между эстонцами в болезнь, которая, как зараза, переходит от одного к другому. Даже крестьяне-арендаторы, имеющие ещё кое-какое имущество, спешат продавать его, дабы, прежде чем истощатся все их средства, иметь ещё возможность испытать счастья выселением <...> «Ээсти Постимес» справедливо и добросовестно замечает, что истинная причина настоящего движения эстонцев заключается не в одном только временном голоде и не в ложных слухах, распускаемых обманщиками, а напротив в причинах более важных. «Слишком 50 лет, — говорит упоминаемая газета, — прошло со дня освобождения крестьян в Эстляндии, а народ остаётся без развития, без собственности, и готов разбрестись по всему свету, хотя всякая овца любит ту овчарню, где она родилась».²²⁷ Итак (это особенно ясно было подчёркнуто «Голосом» в изложении статьи «Ээсти Постимээс»²²⁸), истинная причина переселения — в экономических условиях жизни крестьян. Даже «Новое время», выступавшее против земельной реформы в Прибалтике, изложив статью «Ээсти Постимээс», заметило: «Спрашивается, таково ли было бы положение губернии, если бы на неё распространялась благотворная русская крестьянская реформа — с наделом землёю?»²²⁹

В 1869 г. урожай был хорош, голода не предвиделось, а между тем, как сообщала «St.-Petersb. Zeit.» (25. V. 1869, № 137), горячка переселения продолжалась и даже в ещё больших размерах, чем раньше: в Ревеле 11 000 крестьян записались на переселение. Этот факт немецкая газета объясняет уже чисто психологическими причинами — самолюбием и впечатлитель-

²²⁷ Моск. вед., 15. II. 1869, № 38. Ср. Совр. известия, 17. II. 1869, № 46.

²²⁸ См. Голос, 15. III. 1869, № 74.

²²⁹ Новое время, 24. II. 1869, № 38.

ностью эстонцев, легко поддающихся слухам и стыдящихся потом отказаться от своих слов о переселении. «Голос», изложив эту статью «St.-Petersb. Zeit.», привёл ещё одну причину переселения: «Дело в общественной обстановке коренного племени Эсто-латышского края; дело в том, что местные учреждения крайне неудовлетворительны и не заключают в себе туземного, коренного элемента».²³⁰

Какие же меры надо принять для облегчения положения переселенцев и, главное, для прекращения переселения? Отвечая на первую часть вопроса, русская печать неоднократно писала о необходимости облегчения переселения во внутренние губернии России, оказания со стороны правительства содействия переселению и уж, во всяком случае, о недопустимости противодействия ему в угоду остзейским баронам, которые боятся потерять дешёвую рабочую силу; последнее только дискредитирует правительство.²³¹ Катков предлагал учредить специальные «посредствующие» агентства, которые брали бы на себя организацию переселения в те местности, где ощущается недостаток в рабочей силе. Но ни одна русская газета не считала это основным средством улучшения положения крестьян, также как не устраивало русских публицистов и то, что предлагала, напр., «Rev. Zeit.» — направить часть земледельцев в промышленность, на строительство железных дорог. «Голос» по этому поводу заметил, что остзейцы готовы пойти на любые меры, лишь бы сохранить в неприкосновенности аграрные отношения. Между тем единственное разрешение вопроса — в наделе крестьян землёй, в проведении реформы типа русской 19 февраля 1861 г.²³² Этот вопрос наиболее полно поставлен в передовой «Биржевых ведомостей» (26. I. 1869, № 25). Переселение эстонцев нельзя прекратить мерами административными, тем более репрессивными. «Болезнь этого члена в нашем государственном организме, подготовленная веками его исторической жизни, требует радикального лечения, требует сильных средств, и прежде всего, конечно, устранения той причины, которая и до селе ещё раздражает больное место». Эта причина — отсутствие земли у крестьян. Необходимо ликвидировать причину — дать крестьянам землю на тех же основаниях, которые приняты в России и Польше. Вопрос, как видим, опять и опять сводится русской печатью к одному и тому же — к необходимости наделения крестьян землёй.

Интересно, что позиция русской прессы по вопросу о переселении очень напоминает взгляд на переселение вождя буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения К. Р. Якобсона.²³³

²³⁰ Голос, 12. VII. 1869, № 190.

²³¹ См. Моск. вед., 9. XI. 1868, № 243.

²³² См. Голос, 15. III. 1869, № 74.

²³³ См. E. Jansen, ук. соч., сб. «C. R. Jakobson ja tema ajastu», стр. 19—24.

Само собой разумеется, что в таких условиях любые попытки остзейских публицистов доказать благополучие прибалтийских крестьян встречались русской прессой в штыки. Наибольшие надежды остзейцы возлагали на книгу видного прибалтийского статистика Ф. Юнг-Штиллинга «О сельском быте лифляндских крестьян. Статистическое исследование» (СПб, 1868), где была сделана такого рода попытка. Остзейское разрешение земельного вопроса здесь характеризуется как идеальное в противоположность несовершенному русскому. На основе статистических данных Юнг-Штилинг пытался доказать, что батраки в Прибалтике получают достаточное вознаграждение за свой труд, что арендная плата не высока и находится в полном соответствии с доходностью земли. О благополучии положения крестьян якобы говорит ничтожное число переселенцев, быстрый рост народонаселения, сравнительная редкость фактов вынужденного ухода арендаторов с усадеб. Понижение арендной платы и цены на землю, как утверждал Юнг-Штилинг, может только отрицательно сказаться на экономике края и на положении самих крестьян. Все разнообразные данные, приводимые балтийским статистиком, должны были доказать одно: положение крестьян в Прибалтике хорошее, никакие реформы здесь не нужны. Книга Юнг-Штиллинга, конечно, была не столько статистическим исследованием, сколько публицистическим произведением. Не случайно она была поднята на щит германской печатью, единогласно назвавшей её лучшим и наиболее аргументированным разоблачением «московитских» идей. Изложение книги было дано в ряде германских газет.

В то же время книга Юнг-Штиллинга вызвала бурю негодования в русской прессе — почти все ведущие органы русской печати сочли необходимым откликнуться на неё резко отрицательными рецензиями.²³⁴ Рецензенты обратили внимание на ряд откровенных фальсификаций Юнг-Штиллинга в роде факта, отмеченного «Земледельческой газетой», когда остзейский статистик пытался доказать быстрый рост числа жителей Прибалтики на основе тех же цифр, на которых несколько лет тому назад он обосновывал снижение темпа роста народонаселения остзейского края. Все газеты в один голос отметили, что, как это признаёт и сам автор, Юнг-Штилинг основывается лишь на результатах собственной обработки статистических данных, при которой он отбросил весь «ненадёжный» материал. «Надёжными» же Юнг-Штилинг считает лишь те данные, которые подтверждают его идею. Приведённым им цифрам верить нельзя.

²³⁴ См. Моск. вед., 25. I. 1869, № 20, 6. III., № 50, 7. III., № 51; Голос, 15. I. 1869, № 15, 28. II., № 59, 17. V., № 135; Рижский вестник, 9. IV. 1869, № 29; Биржевые ведомости, 5. I. 1869, № 5, 8. I., № 7, 14. I., № 13; 19. I., № 18, 23. IV., № 107; С.-Петербург. вед., 26. V. 1869, № 143; Земледельческая газета, 8. II. 1869, № 6, 1. III., № 9; Вестник Европы, 1869, март; и др.

Рецензенты выступили против всех основных положений книги Юнг-Штиллинга. Особенно едкие насмешки вызвало его утверждение, что понижение арендной платы отрицательно отзовется на положении крестьян, приведет к развитию в них лени и тунеядства. В подтверждение этого Юнг-Штилинг ссылался на казенных крестьян, у которых арендная плата почти в 3 раза меньше, чем в помещичьих имениях, и которые якобы поэтому часто превращаются в рантие — сдают свою землю в аренду помещичьим крестьянам, а сами живут за счёт разницы в арендной плате. Впрочем, автор сумел привести лишь 9 примеров на 6000 казенных усадеб. По Юнг-Штиллингу получается откровенная нелепость: выходит, что крестьяне живут тем хуже, чем меньше у них аренда, и что крестьянин, пользующийся непрерывным доходом, как арендатор в казенном имении, — тунеядец. Удивительно, иронизировал рецензент «Голоса», что Юнг-Штилинг не относит к тунеядцам помещиков. Всеобщее возражение вызвало и утверждение о ничтожном количестве переселенцев из края. Рецензенты согласились с отрицательной оценкой Юнг-Штиллингом реформы 1819 г., но резко разошлись с ним в оценке реформы 1849 г., которую остзейский публицист считал во всех отношениях удовлетворительной. Много внимания уделяли критики и положению автора книги о недопустимости наделения крестьян землей, ибо это приведет, как считал Юнг-Штилинг, к раздроблению хозяйства, что отрицательно скажется на всей системе экономики края, основанной на крупных крестьянских усадьбах. В ответ на это рецензенты отметили, что, как показывает опыт, дробление никогда не идет далее действительных потребностей, да крестьяне на собственной земле и самостоятельно сумеют найти путь к повышению благосостояния.

В то же время критики отмечали, что материал книги иногда разоблачает выводы самого Юнг-Штиллинга. Так, из данных книги следует, что в Прибалтике непомерно высокий процент безземельных крестьян, что цена на землю за последние годы, действительно, резко возросла и в связи с этим выкуп её идет чрезвычайно медленно — выкуплено лишь 14% крестьянской (по терминологии Юнг-Штиллинга, «повинностной») земли²³⁵ и т. д.

Интересно, что в своей критике книги Юнг-Штиллинга русская публицистика пыталась опереться на латышскую и эстонскую печать. В ряде органов печати были изложены разборы книги в «Eesti Postimees» (1869, №№ 12—13, «Mis numbrid jutustavad»; разбор принадлежал замечательному эстонскому

²³⁵ Нужно учесть при этом, что русская печать не раз высказывала опасения, что не вся проданная земля переходит в руки крестьян, поскольку существующее в Прибалтике законодательство разрешало её продавать всякому, кто припишется к крестьянскому обществу — см. Голос, 22. III. 1869, № 81 (Сколько и в какие руки продано земли в Лифляндии).

писателю Ф. Р. Крейцвальду)²³⁶ и в латышской газете «Baltijas Wehstnesis».²³⁷ Эти разборы мало что могли дать для критики книги. Ф. Р. Крейцвальд, напр., склонен был (в противоположность Якобсону²³⁸) даже с известным доверием отнестись к труду Юнг-Штиллинга. Но русские публицисты постарались извлечь из этих разборов всё то, что можно было расценить как критику книги представителями коренного населения края. В разборе «Ээсти Постимээс», писали «Биржевые вед.» (основываясь, впрочем, не на первоисточнике, а на данных «Рижского вестника»), «мы находим, между прочим, относительно вопроса: тягостно ли положение лифляндского крестьянина-арендатора, вопроса, разрешаемого певцом лифляндской аркадии отрицательно, опровержение заключения этой идиллии, будто бы аренды, платимые крестьянами за крестьянские земли, относительно даже низки, и что с этой стороны положение крестьянина-арендатора, бесспорно, удовлетворительно. Хотя крестьяне, говорит названная газета, вообще стали состоятельнее, нельзя, однако же, отрицать, что в некоторых местах дуга арендной платы так натянута, что малейшая прибавка тяжести может переломить её и что арендатор не в состоянии сберечь себе нескольких рублей в год на чёрный день»²³⁹. Тут же интересно замечание, что эстонская газета, видимо, стеснена в своём желании высказываться.

Итак, с точки зрения русской печати, положение прибалтийского крестьянина совершенно неудовлетворительно. Где же выход? Русская пресса, за малым исключением, и при обсуждении положения прибалтийского крестьянина вообще, и при обсуждении вопроса о переселении, о голоде, неизменно приходила к одному и тому же выводу — выход в наделении крестьян землёй по образцу русской реформы 1861 г. К 1869 г. это стало уже общим местом выступлений всей русской печати: мысль о том, что единственное спасение — в наделении крестьян землёй по образцу 19 февраля 1861 г., высказывалась и «Моск. вед.» и «Москвой», «С.-Петербур. вед.» и «Голосом», «Вестником Европы» и «Бирж. вед.». В подтверждение мы могли бы привести огромное количество примеров.²⁴⁰

²³⁶ Рижский вестник, 9. IV. 1869, № 29. Отсюда перепечатан другими газетами.

²³⁷ См. С.-Петербур. вед., 26. V. 1869, № 143.

²³⁸ См. об этом: E. J a n s e n, ук. соч., сб. «С. R. Jakobson ja tema ajastu», стр. 25.

²³⁹ Биржевые ведомости, 23. IV. 1869, № 107.

²⁴⁰ Ввиду крайней многочисленности подобного рода высказываний, частично приведённых нами в тексте самой работы, сошлёмся здесь лишь на некоторые: Русский, 8. V. 1867, № 14 (Политическое обозрение 1866 г.); Вестник Европы, 1868, ноябрь (Ежемесячная хроника. 1-го ноября, 1868), 1869, январь и август (Внутреннее обозрение); Всемирный труд, 1868, ноябрь (Прибалтийские илоты); Москва, 21. VII. 1868, № 91 (передовая); Биржевые вед., 26. I. 1869, № 25 (передовая). См. также следующие сноски.

Русская печать неизменно подчёркивала, что лишь в Прибалтике крестьяне ещё не наделены землёй, хотя это необходимо и в интересах государственного единства (одинаковое разрешение земельной проблемы на территории всей страны), и в интересах благосостояния прибалтийских крестьян, и из соображений внешнеполитических (земельная реформа была бы наиболее серьёзным ударом по германизму в остзейском крае). Эта мысль особенно энергично проводилась в 1868 г. после наделения бессарабских царан (крестьян) землёй. Если правительство сочло необходимым наделить землёй царан, то почему же этот принцип, восторжествовавший и в России, и в Польше, и в Бессарабии, не должен быть применён и в Прибалтике? ²⁴¹ Газеты неоднократно подчёркивали, что требование надела крестьян землёй — это вместе с тем и требование самих крестьянских масс Прибалтики. Нам уже приходилось выше приводить высказывание «Москвы» в связи со статьёй о подушном наделе в «Эсти Постимээс» — здесь характерно подчёркивание естественности и правомерности требования крестьян о наделе их землёй в противовес проостзейскому выступлению эстонской газеты, призывающей крестьян не верить в возможность надела.²⁴²

Выступления русской печати с вышеохарактеризованным требованием были настолько многочисленны и решительны, что вызвали серьёзные опасения в остзейских и германских кругах — не пойдёт ли, действительно, правительство по пути проведения такого рода реформ и в Прибалтике. В этой связи характерно освещённое и русской печатью выступление германской газеты «Nationalzeitung» (1868, № 235)²⁴³.

Как мы отмечали, остзейская печать и выразители её мнений в русской прессе ещё с самого начала 1860-ых гг. начали доказывать невозможность наделения крестьян землёй в Прибалтике по примеру 19 февраля. Приводились доводы экономические (вся система сельского хозяйства Прибалтики основана на больших фермах и т. д.), политические и даже нравственные (подорвёт доверие к принципу собственности!). Обоснование невозможности проведения в Прибалтике земельной реформы продолжалось в остзейской и германской печати и в рассматриваемый период. Русская печать неизменно выступала с опровержением этой остзейской системы доказательств. Здесь также можно было бы привести много примеров. Сошлёмся на один. Обычные доводы остзейцев сводились к тому, что 1) в Прибалтике нет общины, поэтому русский принцип земельного устройства здесь неприменим, 2) положение крестьян в остзейском крае и так хорошо, 3) проведение земельной реформы приведет

²⁴¹ См. Голос, 3. X. 1868, № 273.

²⁴² См. выше, стр. 103—104.

²⁴³ См. об этом: Голос, 17. XI. 1868, № 318 (К вопросу о наделе эстляндской землею).

к разорению помещиков. «С.-Петерб. вед.» (14. VIII. 1869, № 222, передовая) так опровергали эти доводы: 1) принцип наделения крестьян землёй не связан непосредственно с общиной, примером чему может служить Польша; 2) о «прекрасном» положении прибалтийских крестьян лучше всего говорят голодные переселенцы-эстонцы в Петербурге; 3) нет речи о безвозмездном наделении крестьян землей, следовательно, разорение помещиков отнюдь не неизбежно. Свои выводы «С.-Петерб. вед.» резюмировали следующим образом: «Какими бы ограничениями ни было обставлено в остзейском крае, вследствие местных особенностей, начало освобождения с землёй или — за последовавшим личным освобождением — начало поземельного надела, оно одно в состоянии поставить крестьянский быт на твёрдую почву и доставить ему большее обеспечение, чем самые лучшие меры, принимаемые на основании поземельного законодательства, имеющего своим началом Положение 1819 г.»

Впрочем, остзейская печать этих лет уже не возлагала особых надежд на свою систему доказательств невозможности проведения земельной реформы в Прибалтике, она всё чаще и чаще прибегала к новой тактике: доказательству, что всякое требование надела крестьян землёй в условиях Прибалтики есть «коммунистическое подстрекательство», выступление против принципа собственности вообще. Этим остзейская печать неловко стремилась вызвать репрессии со стороны царизма против всех, кто выступал с этим требованием в самом крае²⁴⁴ (против русской либеральной и консервативной прессы она была бессильна в данном случае).

Но, однако, выступлениям русской печати по вопросу о необходимости наделения крестьян землёй, пожалуй, не хватало конкретности. Обычно это требование высказывалось в самой общей форме. Тем больший интерес приобретают отдельные попытки русской прессы тех лет разработать конкретные мероприятия по осуществлению земельной реформы, которые необходимо провести правительству в Прибалтике. Ю. Кузнецов в неоднократно упоминавшейся нами статье считал необходимым, чтобы император определил бы «умеренную выкупную сумму и оброк, в роле того, как это определено для крестьян русских и польских».²⁴⁵ Далее он требует «наделения батраков землею наравне с теперешними крестьянами-домохозяевами».²⁴⁶ Интересны его рассуждения о том, как практически целесообразно определить стоимость участков. Кузнецов требует также вернуть крестьянам землю, ещё недавно находившуюся в их распоряжении, но отобранную помещиками на основе законов 1849—1856 гг. В русской печати высказывалось и требование продать

²⁴⁴ См.: Письмо из Пернавы, IV, Моск. вед., 19. VIII. 1867, № 182.

²⁴⁵ Отечественные записки, 1867, т. CLXXIII, стр. 302.

²⁴⁶ Там же.

бобылям по умеренным ценам так называемую бобыльскую землю.²⁴⁷

Принцип наделения землёй крестьян-арендаторов был совершенно ясен и поэтому не привлекал к себе особого внимания русской прессы, также как и вопрос о бобылях, имеющих в своём пользовании определённые земельные участки. Несравненно сложнее обстояло дело с батраками. Они в большинстве случаев в конце 1860-ых гг. земли вовсе не имели, а между тем составляли примерно $\frac{3}{4}$ всего сельского населения края. Разрешение земельного вопроса в Прибалтике никак не могло иметь места без разрешения вопроса о батраках, о наделении их землёй. Здесь же возникали, действительно, большие трудности. Но показательно всё же, что русская печать неизменно обращала внимание и на положение этой категории сельского населения, предусматривала и его интересы в планируемом разрешении земельного вопроса.

Наиболее конкретный план здесь был выдвинут вождём младолатышского движения Кр. Вальдемаром в его цикле статей «Русские интересы на Балтийском побережье» (газ. «Деятельность». 1—9. III. 1869, № 41; II — 14. III., № 45; III — 22. III., № 51). Он отмечает, что положение батраков за последние годы не улучшилось, а скорее, ухудшилось, ибо раньше многие из батраков находились на положении бобылей, имели клочки земли и домашний скот. Существовала особая батрачья земля, отделённая от крестьянской. Вальдемар считает, что нужно восстановить в Прибалтике маленькие хозяйства батраков: «Если бы батрачья земля была бы восстановлена и законом определён их выкуп, то сразу более чем треть батрачьего населения балтийских губерний, теперь бездомно блуждающего, получили бы твёрдую оселлость, и в соединении с существующими до сих пор крестьянами-хозяевами, составили бы действительное крестьянское сословие, подобное существующему во всех прочих государствах».²⁴⁸ Обеспечение этой части батраков землёй потребовало бы выделения в их пользу лишь 4—5% земельного пространства. Правда, это не обеспечило бы всех батраков, к тому же и батраки, получившие землю, вынуждены были бы наниматься к хозяевам и помещикам, ибо земля не в силах была бы их прокормить. Но, как считал Вальдемар, они получили бы оселлость, некоторую самостоятельность, возможность лучшего применения своим силам и способностям, спаслись бы от положения пролетария, которого характеризует «вечная безнадежность, желание переселиться, недовольство во всех отношениях, крайняя беспечность и дикость нравов». Вальдемар тут же подчёркивает, что сельского пролетария нельзя сравнивать с городским, которого развивает и поднимает связь с машинным производством. Вальдемар считает, что крестьяне-арендаторы и

²⁴⁷ См. Моск. вед., 19. VIII. 1867, № 182.

²⁴⁸ Деятельность, 14. III. 1869, № 45.

хозяева, связанные с батраками «национальными узами», охотно согласились бы с предложенным им планом. Против были бы только помещики, которые боялись, что наделение батраков землею поднимет цену на их труд; поэтому от помещиков нельзя ожидать инициативы в этом отношении. Инициативу должно проявить правительство, которое уже из внешнеполитических соображений заинтересовано в создании крепкого крестьянского сословия, противостоящего остзейцам, обращающим все свои взоры на Пруссию. Требования Вальдемара были очень умеренными (несравненно более умеренными, чем носившие общий характер требования русских публицистов о наделении крестьян землей), но зато они были вполне конкретны, детально разработаны и учитывали позицию правительства в земельном вопросе в Прибалтике. При оценке проекта Вальдемара нужно учесть, что он выражал интересы латышской буржуазии, а не сельского пролетариата, и склонен был переоценивать национальное единство латышей, не видеть внутренних противоречий в их среде.

Конечно, аграрная программа русской либеральной и катковской печати, как и требования, выдвигаемые Кр. Вальдемаром, носили крайне умеренный характер сравнительно с требованиями революционных демократов, были значительно умереннее даже программы по земельному вопросу радикальных деятелей эстонского и латышского национального движения. Й. Кёлер, например, стоял за безвозмездное наделение эстонских крестьян землей; К. Р. Якобсон также считал необходимым передать помещицью землю крестьянам или бесплатно или по очень умеренным ценам. Для Й. Кёлера и К. Р. Якобсона даже программа-минимум заключалась не столько в проведении русской реформы 19. II. 1861, сколько более решительных аграрных преобразований по образцу Польши.²⁴⁹ И все же, как мы это уже отмечали, трудно отрицать прогрессивность вышеохарактеризованной умеренной программы русской либеральной прессы применительно к остзейскому краю, тем более, что выдвинутое ею требование наделения крестьян землей по образцу 19. II. 1861 на практике в условиях Прибалтики не могло не означать перехода не только «повинностной», но и значительной части помещицье́й земли в собственность крестьян. Было

²⁴⁹ Об аграрной программе Й. Кёлера и К. Р. Якобсона см.: Põhiooni majandusliku mõtte aialoost Eestis XIX sajandil, Tln., ERK, 1958, стр. 173—223 (раздел написан Л. Лооне). В этой книге дана также краткая характеристика взглядов славянофилов (Самарина) и редакции газеты «Голос» на аграрный вопрос в Прибалтике — см. стр. 140—145. Характеристика здесь взглядов славянофилов (автор раздела И. Сойдра) не представляет убедительной: автор не учитывает известного несоответствия между внутрирусскими экономическими концепциями славянофилов и их требованиями по аграрному вопросу в Прибалтике, не учитывает он различия между Самариным и И. С. Аксаковым, как и между славянофильскими представлениями 1870-ых и середины 1860-ых гг.

совершенно ясно, что одной крестьянской земли не хватит для наделения всех крестьян хотя бы небольшими по размеру земельными участками, а русская реформа 19 февраля мыслилась русскими либералами да и эстонскими и латышскими национальными деятелями именно как наделение всех крестьян каким-то минимумом земли. Таким образом, требования либеральной прессы наделить крестьян землей по образцу русской и тем более польской реформ на практике должно бы было привести к более решительным мерам, чем это представлялось в плане теоретическом и чем это было желательным для либералов и Каткова.

Единственными противниками наделения крестьян землей в Прибалтике были «Весть» и «Новое время». Для «Вести» вообще вопрос о земле, о строгом соблюдении права собственности на неё, был наиболее животрепещущим в остзейской проблеме. «Весть» доказывала, что крестьянин может быть богат и без земли — положение прибалтийских крестьян, не имеющих земли в собственности, вполне благополучное. Наделение крестьян землей означало бы здесь нарушение всей системы экономики края, которое отрицательно скажется на положении отдельных крестьянских хозяйств, означало бы вопиющее беззаконие с юридической точки зрения и, главное, подорвало бы доверие к правительству среди населения: «лучшие люди населения, трудолюбивые, бережливые, трезвые, поняли бы, что нечего ждать от государства, неумеющего уважать даже право собственности, и на стороне этого государства остались бы лишь те элементы разложения, казачества, насилия, которые губят государство, когда берут верх».²⁵⁰ «Весть» резко выступила даже против определения посредством закона цены земли, предложенного «Моск. вед.», назвав и это возмутительным нарушением прав собственности.

В то же время «Весть» всё время подчёркивала, что «Моск. вед.» — орган ей близкий. «Весть» (30. X. 1867, № 124) даже утверждала, что она не верит, чтобы Катков действительно стоял за наделение бедных землею богатых или за установление цены на землю посредством закона. Истинной причиной всех выступлений Каткова является не это, а «патриотизм», желание «привязать к России массу латышей и эстов», но это опасный способ привлечения на свою сторону низов. Здесь «Весть», вероятно, была близка к истине, невольно срывая маску народолюбия с Каткова: действительно, Каткова благосостояние прибалтийских крестьян интересовало мало, но он во имя своей теории государственного единства считал необходимым любым путём добиться сближения края с Россией, уни-

²⁵⁰ Весть, 30. X. 1867, № 124. См. также: Весть, 22. III. 1867, № 35 (педерова), 24. IV., № 46 (N. N., Ужасное положение крестьян в остзейском крае), 15. V., № 55 (H., Несчастное положение латышей), 25. X., № 122 (Ш., Право на землю. Письмо к редактору) и др.

чтожения местного сепаратизма, ориентировавшегося на Пруссию.

В связи с обсуждением крестьянского вопроса русская печать немало внимания уделила и вопросу о волостном устройстве крестьян. Как известно, в 1866 г. было утверждено новое «Положение» об организации волости и её правления. Формально «Положение» преследовало цель в известной мере оградить волостное правление, избираемое на крестьянском сходе, от помещичьего влияния. Это была одна из немногих либеральных реформ, проведённых царизмом в Прибалтике. Но на практике очень скоро оказалось, что, хотя новое устройство волости и было известным шагом вперёд, оно, тем не менее, сохраняло зависимость крестьян от помещика. И эта зависимость отнюдь не ограничивалась «нравственно-духовным» влиянием помещиков, как доказывали остзейцы. В Прибалтике волость чаще всего совпадала с помещичьим имением. По закону вотчинная власть в лице мызной полиции наблюдала, вернее, надзидала за волостным правлением, доносила начальству не только о всех постановлениях волостного схода, противных закону или нарушающих права помещика, но и о тех постановлениях, которые она признавала вредными для общественного благосостояния. Волостной старшина и правление подчинялись приходскому и уездному суду, где главные чины назначались или выбирались дворянством; гакенрихтер, который тоже имел право вмешиваться в дела правления, также избирался из числа помещиков. В результате, как показала русская печать, изложив все эти факты,²⁵¹ волостное правление в общем-то целиком зависело от помещика.

«Трёхлетний практический опыт этого нового устройства преимущественно убеждает в той истине, что всякая более или менее значительная попытка исправить ненормальное и вредное положение дел в балтийском крае не достигнет желанной цели без коренных реформ, которыми были бы разрешены главнейшие балтийские вопросы — поземельный и судебный», — писал Латыш (псевдоним) в корреспонденции «Из латышского края» (Современная летопись, 16. XI. 1869, № 43). Далее он убедительно доказывает, что, пока земля находится в руках помещиков, ни о какой независимости волости от дворянства говорить нельзя. Помещик, пользуясь своим положением хозяина земли, всегда может повлиять на избирателей в желательном для него направлении уже на выборах волостного старшины. Но даже, если крестьяне изберут своего человека, то избранный должен быть ещё утверждён приходским или уездным судом, который находится в руках дворянства. Эти «начальственные учрежде-

²⁵¹ См.: Ю. <Кузнец> о в. ук. соч., статья V, Отечеств. записки, 1867, т. CLXXII; Голос, 5. III. 1869, № 64 (Заметка о «Ревельской Газете»), 24. XII. 1869, № 355 (Мызная полиция в эстолатышском крае); Современная летопись, 16. XI. 1869, № 43 (Л а т ы ш, Из латышского края) и др.

ния» сплошь да рядом не утверждают кандидатур, избранных крестьянами, и назначают на должность старшин лиц, угодных помещику. Но если кандидатура, избранная на сходе, и будет утверждена, то новому волостному старшине рано или поздно придётся вступить в конфликт с помещиком — хотя бы по вопросу о мирских магазинах. И помещик будет «воздействовать» на старшину старым и испытанным методом — лишением аренды, что вынудит последнего покинуть место. Потому-то и приходится старшине «тянуть» заодно с помещиком.

Интересно, однако, что остзейские публицисты были недовольны «Положением» 1866 г., считая, что оно даёт слишком много самостоятельности крестьянам и приведёт к анархии на селе. Остзейцы требовали увеличить власть дворянства в волости, что вызывало резкий отпор со стороны русской прессы.²⁵²

В связи с продажей казённых земель крестьянам министерство государственных имуществ снимало с себя всякую опеку с крестьян, передавая власть волостным правлениям. Это вызвало усиленную агитацию в остзейской печати, напуганной перспективой самостоятельности крестьян, за передачу власти над казёнными крестьянами вотчинной полиции соседних помещиков или соседнему арендатору казённой мызы (он обычно не крестьянин и, как правило, его интересы находились в полном противоречии с интересами крестьян). Этот план остзейского дворянства, стремившегося захватить в свои руки и власть над казёнными крестьянами, также вызвал отпор со стороны русской прессы.²⁵³

9.

Другой вопрос, часто привлекавший внимание русской печати в первой половине 1860-ых гг., — об устройстве и управлении прибалтийских городов, — теперь перестаёт интересовать прессу, отходит на третий план. Его оттеснили другие, более важные вопросы. Лишь изредка появляются отдельные статьи и заметки, в которых констатируется, что прибалтийские города по-прежнему остаются «археологическими музеями средних веков», положение в них не изменилось. Выражается сожаленье, что так и заглохло дело с проектами городских реформ.²⁵⁴

Несравненно более актуальным продолжает оставаться вопрос об остзейском судопроизводстве, о необходимости проведения судебной реформы в Прибалтике, о местном законодательстве. Все эти вопросы были злободневными потому, что

²⁵² См. статьи, перечисленные в предыдущей сноске.

²⁵³ См. Моск. вед., 9. III. 1869, № 53 (передовая).

²⁵⁴ См. Москва, 13. IV. 1868, № 10 (передовая), 16. VII. 1868, № 86 (передовая); Совр. летопись, 22. VI. 1869, № 23 (...ъ, Письмо из Риги). Этому вопросу довольно много места уделено и в первом выпуске «Окраин России» Ю. Ф. Самарина.

оказались связанными с общими требованиями русификации края и с робкими попытками правительства утвердить и в Прибалтике общерусские государственные начала. Эти попытки откровенно враждебно встречались остзейскими публицистами, отражавшими общественное мнение дворянских и бюргерских кругов края. Балтийские публицисты утверждали, что остзейское законодательство основывается не на русских законах, а на местных правах и привилегиях, которые гарантированы международными обязательствами и ведут своё начало от старых германских законодательных актов. В связи с этим остзейские публицисты (Ширрен, в частности) выступали даже против Свода местных узаконений, которым делалась попытка ввести остзейское законодательство в систему общерусских государственных законов.²⁵⁵ Русская печать во имя государственного единства продолжала настаивать на необходимости кодификации местного законодательства на общерусской основе, выступила за «однообразие» в законодательстве, как «принцип нового времени».²⁵⁶

Особенно остро встал вопрос о судебной реформе. Остзейский суд, целиком находившийся в руках привилегированного меньшинства — местного дворянства, вызывал резкую критику русской печати. Ю. Кузнецов прямо писал, что ни о каком бескорыстии и справедливости в остзейском суде нельзя и говорить, когда речь идёт о столкновении аристократа с крестьянином. Суд всегда разрешит дело в пользу помещика, чему способствует и сложность местного законодательства, которое крестьянам неизвестно да в котором они и не могли бы разобраться. Контроль со стороны высшей власти, в лице генерал-губернатора, не имеет по отношению к низшим судам никакого практического значения. Бесконтрольность обуславливает откровенную и неприкрытую наглость и бесцеремонность судов, в которые крестьяне вообще предпочитают не обращаться.²⁵⁷

Правда, правительство решило ввести в Прибалтике главные начала русской судебной реформы, приспособив их к местным условиям. С этой целью, как мы помним по откликам русской печати 1864—65 гг., была создана специальная комиссия, заседавшая в Тарту. Но эта комиссия сразу же выступила против применения к Прибалтике основных положений русского законодательства, доказывая их неприемлемость в условиях остзейского края. Особенно рьяно выступили остзейцы, желавшие оставить суд в руках дворянства, против системы выбора мировых судей и института присяжных.²⁵⁸ В результате, выра-

²⁵⁵ См. об этом: Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 55—64.

²⁵⁶ См. Моск. вед., 4. VII. 1867, № 145 (передовая).

²⁵⁷ См. Ю. <Кузнецов>ов, ук. соч., статья 1, Отечеств. записки, 1867, т. CLXXI.

²⁵⁸ См. об этом: Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 97—100; Москва, 23. IX. 1867, № 136.

ботанный комиссией в 1865 г. проект нового судоустройства был совершенно неудовлетворителен (это было ясно и правительству), и утверждён он не был. В русской печати неоднократно высказывалось возмущение по поводу затяжки судебной реформы.²⁵⁹ Газеты отмечали, что ожидание гласного судопроизводства, наряду с надеждой на наделение землёй, является основным ожиданием крестьян-эстонцев.²⁶⁰

Наиболее полно вопрос о судебной реформе в Прибалтике поставлен в цикле передовых статей «С.-Петербур. вед.» в 1869 г. (19. IX., № 258; 24. IX., № 263; 25. IX., № 264; 9. X., № 278; 11. X., № 280). Судебная реформа, подчеркивается здесь, имеет совершенно особое значение для Прибалтики, там это вопрос политический. Это не просто введение более справедливого судоустройства, но и разрешение ряда политических проблем: будут ли по-прежнему немцы-дворяне верховодить в суде, будет ли введён суд присяжных, которого, как огня, боятся остзейцы, будет ли здесь господствовать русский или немецкий или эстонский и латышский языки, наконец, в каком отношении будет здешний суд к сенату. От разрешения этих вопросов зависит — будет ли связь Прибалтики с целым государством более тесной или она ослабнет. Подробно разобрав историю остзейского законодательства и судоустройства, автор этих статей приходил к выводу, что основной недостаток современной системы судопроизводства в Прибалтике — исключительное право дворян занимать в нём все главные должности. Разработанный остзейцами проект судебной реформы предлагает сохранить словесный выбор судебных должностей из дворян. Это мотивируется: 1) «примерным и активным отношением» остзейских дворян к судебным должностям (но ведь это не спасает их от сословной пристрастности при решении дел); 2) финансовыми жертвованиями дворянства на суд (но они не велики); 3) якобы местные собрания сумеют избрать на судебные должности действительно достойных людей, между тем, как назначение судей свыше несравненно менее гарантирует правильность выбора — это верно, но необходимо, чтобы выборы судей производились бы не узким кругом дворянства, а широким кругом земских представителей, доказывают «С.-Пет. вед.», опровергая один за другим все доводы остзейцев.

Для критики остзейских судебных порядков русской прессой широко было использовано дело прусского подданного лесничего Арнима. «Моск. вед.» посвятили по меньшей мере пять заметок и статей этому делу (1868 г. — №№ 172, 194, 197, 208; 1869 г. — № 52), оно было освещено и на страницах других газет. Лесничий Арним приехал из Пруссии в Лифляндию

²⁵⁹ См. Моск. вед., 14. III. 1868, № 56 (передовая).

²⁶⁰ См. Лифляндец, С. лифляндского побережья Пейпуса, Совр. летопись, 18. V. 1869, № 18.

по приглашению помещика фон Л<ипгардта>.²⁶¹ Во время объяснения Арнима с помещиком по поводу неполучения причитающегося ему жалованья дело дошло до ссоры, до словесных препирательств. На обидное слово помещика Арним ответил тем же. Тогда фон Л. приказал своим слугам связать лесничего и отвести его в Полицейский суд. Так как лесничий оказал слугам сопротивление, то его избили и отвезли в суд самым варварским образом — буквально волокли по земле. В городе его посадили в тюрьму ещё до расследования дела, и суд приговорил его к тюремному заключению за оскорбление личности помещика. Жалоба же лесничего на жестокое обращение с ним слуг фон Л. и на невыплату ему жалованья долгое время вообще судом не рассматривалась, лишь через полтора года, уже после первых выступлений русской и германской печати, дело было, как будто, решено в его пользу, но не окончательно, ибо фон Л., пользующийся огромным влиянием и имеющий большие связи, перенёс его в сенат. Прусское посольство, нежелавшее давать оружие в руки критиков остзейских порядков, отказалось формально заступиться за Арнима.

Поскольку сведения о деле Арнима проникли и в германскую печать и вызвали возмущение в «Norddeutsche Allgem. Zeit.» и «Allgem. Zeit.», то остзейцы вынуждены были заняться им всерьёз: в «Kreuzzeitung» появилось официальное письмо лифляндского предводителя дворянства с защитой остзейского суда, в других германских газетах (в частности, в «Köln. Zeit.») также появились заметки, доказывавшие, что в конце-концов дело решено было всё же в пользу Арнима. Вся скрытая пикантность этого дела заключалась в том, что, как явствует из письма П. П. Альбединского к графу Шувалову, Арним был дальним родственником Бисмарка и был лично знаком с одним из членов прусской королевской фамилии, которому он и писал о своём деле. Можно себе представить, сколько иронических и ехидных замечаний русской прессы вызвало бы это сообщение, если бы оно стало ей известным! Дело Арнима было, в какой-то мере, характерным для остзейских судебных порядков: «И это вопиющее дело приключилось не с латышским бобылём, не с эстонским подёнщиком, а с прусским подданным, в виду заступничества, которое он мог найти у своего правительства. Отсюда легко сделать заключение о том, какова должна быть доля туземных рабочих, лишённых всякого покровительства законов,

²⁶¹ Я. Я. Зутис в ук. статье (сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», стр. 486) утверждает, основываясь, видимо, на данных германской печати, что помещик, с которым произошло столкновение у Арнима, — лифляндский предводитель дворянства Г. Г. фон Лилиенфельд. Но П. П. Альбединский писал во второй половине августа 1868 г. П. А. Шувалову (письмо хранится в РО ГПБ, ф. 16), излагая историю этого столкновения, о помещике Липгардте. Поскольку Альбединский, как явствует из письма, был превосходно осведомлён о деле Арнима, мы склонны считать более достоверным его сообщение.

которых стоны никуда не долетают»,²⁶² — писали «Моск. вед.»

Вопрос о положении православия в крае оставался злободневным, пожалуй, лишь в 1867 г., после этого он постепенно перестает интересовать прессу, хотя отдельные заметки время от времени появляются на страницах русских газет и позже. Русская печать ещё в 1863—65 гг. выяснила политическую роль православия в Прибалтике, и этот политический аспект религиозного вопроса продолжает подчёркиваться в газетах и теперь.²⁶³ Но с 1868 г. и русская консервативная печать почувствовала, что пропаганда православия в Прибалтике не имеет никакого успеха, идеи православия не встречают сочувствия даже в антиюстицистских кругах, например, среди деятелей латышского и эстонского национального движений. В этих условиях усиленное подчёркивание важности распространения и поддержки православия могло лишь скомпрометировать другие антиюстицистские лозунги, выдвинутые либеральной и консервативной прессой. Поэтому-то вопрос о православии и отступает на второй план, его продолжают выдвигать лишь такие безнадежно отставшие от сложной политической борьбы современности и прямолинейно действующие люди, как М. П. Погодин в книге «Остзейский вопрос».

Но в 1867 г. вопрос о православии в связи с целым рядом эксцессов в Прибалтике был ещё довольно злободневным. Наибольший резонанс вызвала история с «пастырскими посланиями» архиеп. Платона по поводу книги Дебнера, послужившая одной из причин перевода Платона в другую епархию. В 1864—66 гг. пастор Дебнер издал историю христианской религии для латышей, в которой он с точки зрения лютеранства публично порицал и издевался над православием, называя его суеверием, извращением истинного христианства. В ответ на это Платон выступил со своими шестью «пастырскими посланиями» к православным (Странник, 1866, № 7, 8, 9, 10 и 12; 1867, № 1), в которых он «доказывал» «истинность» православия, обличал лютеранство во всех смертных грехах и призывал свою паству хранить верность православной церкви. В своём письме в редакцию «*Rig. Zeit.*»²⁶⁴ он объяснил, что его послания вызваны лишь необходимостью защиты православия от нападок Дебнера. Вопрос был довольно щекотливым, и Главное управление по делам печати решило запретить всякую полемику вокруг письма Платона.²⁶⁵

Но в печати уже успело появиться несколько «громовых»

²⁶² Моск. вед., 8. IX. 1868, № 194.

²⁶³ См.: Моск. вед., 28. II. 1867, № 46; Совр. известия, 9. II. 1869, № 38.

²⁶⁴ Изложение письма дано в «Моск. вед.», 28. II. 1867, № 46.

²⁶⁵ См. Дело по циркуляри. (конфиденц.) предложению г. Нач. Главн. Упр. по делам печати гг. Председ. Ценз. Ком. и отдельн. цензорам по внутренней цензуре о *недопущении полемики* и вообще статей по поводу *письма Рижского архиепископа Платона к редактору Рижской газеты*, ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 740.

статей по этому поводу. Особенно резко выступила «Москва» в передовых статьях в №№ 56—57 (11 и 12. III. 1867, статьи были написаны Ю. Ф. Самариним, первая при участии В. П. Перцова, кстати, нередко выступавшего на страницах газеты со статьями по остзейскому вопросу) и в заметке в № 65 (22. III.). В первых двух статьях изложение дела Дебнера послужило лишь поводом для подробного рассказа о движении в православие в 1840-ые гг., о преследовании православных местными властями и помещиками. Вместе с тем газета обратила внимание на ещё один пример приниженного положения православия в крае: издающийся при Рижской православной семинарии журнал «Училище благочестия» отдал на цензирование лютеранину, бывшему частному приставу Шмидту, который «надевал на нос очки и, просмотрев одобренную православным архиереем рукопись, давал своё заключение о том «ob der russische Pop auch wirklich streng orthodox schreibt und ob er unsern Localverhältnissen nicht etwa zu nahe tritt» (точно ли русский поп пишет строго православно и не задевает ли он как-нибудь наших местных порядков)». Вот это немецкая работа! — восклицал Самарин.²⁶⁶

В заметке в № 65 автор сожалел об увольнении Дебнера с занимаемой им должности: ведь Дебнер лишь открыто и гласно сказал то, что в остзейских кругах думают все, но не осмеливаются высказать вслух. Он наказан за свою честность и искренность; такой акт может только дискредитировать православие и правительство, он обрекает остзейцев на молчание и делает невозможным полемику с ними, в процессе которой могла бы проясниться истина. Эти статьи вызвали целый ряд суровых цензурных мер против «Москвы», послужили основой для третьего предупреждения газете и приостановки её на три месяца²⁶⁷; впоследствии они фигурировали в большой докладной записке министра внутренних дел сенату в связи с обсуждением в последнем вопроса о запрещении газеты.²⁶⁸

Много заметок и статей вызвал перевод архиеп. Платона по требованию остзейцев из Риги в Новочеркасск. Из других фактов, обративших на себя внимание русской прессы, нужно отметить истории в Вейсенштейне (Пайде)²⁶⁹ и Вендене²⁷⁰ —

²⁶⁶ Москва, 12. III. 1867, № 57.

²⁶⁷ См. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 138.

²⁶⁸ Там же, стр. 7—8.

²⁶⁹ См. Моск. вед., 21. IV. 1867, № 86; 28. V., № 116 (передовая).

²⁷⁰ Эта история наиболее подробно изложена в официальной записке С. П. Зыкова Валуеву (см. Русская старина, 1910, июнь, стр. 520—523). Эта записка была вызвана следующими обстоятельствами. Когда в газетах появились сообщения о случае в Вендене, Валуев решил напечатать опровержение не в официальной «Сев. почте», а в «Русском Инв.», исходя из того, что публика более поверит опровержению, напечатанному в бывшем антиостзейском органе. Д. А. Милютин порекомендовал Зыкову проявить

факты открытых издевательств остзейцев над православными церковными обрядами.

В дальнейшем вопрос о православии на страницах русской прессы, в основном, сводился к вопросу о благотворительности в пользу бедствующей православной церкви в Прибалтике²⁷¹ и к необходимости поддержки православных братств в остзейском крае, на которые либеральные и консервативные органы печати возлагали большие надежды.²⁷²

Очень актуальным в 1867—69 гг. оставался вопрос о введении русского языка в школы и государственные учреждения края. Этому вопросу посвящено огромное количество статей, заметок и корреспонденций во всех русских газетах. Начало его активного обсуждения было вызвано следующими обстоятельствами. В 1867 г. царское правительство предприняло ряд мер для усиления значения русского языка в крае. Признав, что все меры, предпринимаемые до сих пор, не имели успеха, правительство вновь подтвердило закон 1850 г., согласно которому официальное делопроизводство в губернских правлениях и во всех присутственных местах трёх остзейских губерний должно было вестись на русском языке и чиновники должности заниматься лишь людьми, владеющими русским языком. Этот закон, принятый ещё в 1850 г., к данному времени выполнен не был. В этот же период правительство ввело преподавание истории на русском языке в одной из немецких гимназий и организовало русскую гимназию в Риге, долженствующую стать рассадником русского образования в крае.

Все эти меры, не отличавшиеся особенной решительностью, вызвали, тем не менее, большой шум в остзейской и германской печати, утверждавшей, что это акты возмутительного насилия, нарушения всех прав остзейских провинций, акты преследования немецкого языка, проявление «русского варварства» и т. д.²⁷³ Выступления остзейской прессы носили настолько неприкрытый антиправительственный характер, что Главное управление по делам печати решило запретить всякую критику в прибалтийских газетах правительственных распоряжений о введении русского языка.²⁷⁴ Это вызвало ещё больший шум в заграничной печати и, кстати, не было с восторгом встречено и

большую осторожность, чтобы не скомпрометировать газету в антиостзейских кругах. Тогда Зыков и составил записку, в которой были изложены все факты преследования православия в Прибалтике, известные русской печати. Валуев должен был составить опровержение всех этих фактов.

²⁷¹ Этот материал частично систематизирован в приложении к книге: М. П. Погодин, Остзейский вопрос.

²⁷² См. обобщающую статью: Н. С., Церковно-приходские братства в Прибалтийском крае, Отечеств. записки, 1867, т. CLXXV.

²⁷³ См. об этом: Моск. вед., 18. VIII. 1867, № 181 (передовая), 29. VII. 1869, № 165; Москва, 13. IX. 1867, № 128 (передовая); От. записки, 1868, т. CLXXVI (Обозрение 1867 года).

²⁷⁴ См. Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 247.

русскими публицистами, всё ещё стремившимися хотя бы внешне выступить в роли честных борцов на журнальном фронте.²⁷⁵ Остзейцы, между тем, опять стали откровенно игнорировать, вернее, бойкотировать правительственный указ. Они стали доказывать невозможность столь быстрого введения русского языка в присутственные места края (чиновники не знают русского языка) и в школы (это якобы отрицательно скажется на учебном процессе).²⁷⁶

Всё это вызвало массу откликов и в русской печати. Русские газеты подробно осветили историю правительственных попыток ввести русский язык в Прибалтику, неизменно заканчивавшихся полной неудачей из-за систематического и организованного, хотя и скрытого сопротивления остзейцев.²⁷⁷ Русские публицисты стали приводить многочисленные факты откровенного противодействия остзейцев введению русского языка и чаще всего противодействия небезуспешного из-за нерешительности русских властей в крае²⁷⁸ и из-за всеобщего и организованного характера сопротивления остзейцев, поддерживаемых и немцами в высших петербургских кругах.²⁷⁹ В качестве особо возмутительного проявления остзейских попыток противодействия утверждению русского языка приводится знаменитая история в Оберпалене (Пыльтсамаа), где пастор и подчинённые ему школьмейстеры убеждали крестьян подписываться под петицией, направленной против введения русского языка в школе и против подчинения народных школ общерусскому министерству народного просвещения. При этом пастор и школьмейстеры пугали крестьян ещё и тем, что введение русского языка поднимет плату за обучение, собираемую с крестьян.²⁸⁰

Русская либеральная и консервативная печать очень много внимания уделила критике остзейских доводов против введения русского языка в крае. Она доказывала, что русский язык как государственный в России имеет законное право быть официальным языком и в Прибалтике; все утверждения немцев об особых правах немецкого языка в крае противоречат общепризнанным в современном обществе представлениям о госу-

²⁷⁵ См. Москва, 12. X. 1867, № 151. Статья вызвала отношение Московского цензурного комитета Главному управлению по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, лл. 170—171 об.).

²⁷⁶ См. об этом: Моск. вед., 10. X. 1867, № 220 (передовая); Голос, 4. X. 1867, № 274 (передовая).

²⁷⁷ См. цикл статей W. «Русский язык в прибалтийских губерниях» — Москва, 1867, №№ 114, 115, 116, 117, 118, 123, 124.

²⁷⁸ Об этом см.: Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 111—119. Здесь приводится распоряжение остзейского генерал-губернатора подведомственным ему учреждениям, в котором значительно ограничивалось, в угоду остзейцам, действие закона 1850 г.

²⁷⁹ См. Моск. вед., 15. IV. 1869, № 83 (передовая).

²⁸⁰ См. об этом: Голос, 18. III. 1869, № 77; Моск. вед., 30. III. 1869, № 70 (передовая), 15. IV. 1869, № 83 (Эстонец-крестьянин И. Т., Из Лифляндии).

дарственном единстве.²⁸¹ Разбирая доводы остзейцев, Самарин довольно убедительно показал, что они образуют заколдованный круг. С одной стороны, остзейцы доказывают, что нельзя усиливать преподавание русского языка в школе, ибо это 1) отрицательно скажется на учебном процессе, приведёт к сокращению объёма преподавания других важных дисциплин²⁸²; 2) в этом нет и необходимости, так как остзейцы и сами понимают важность изучения русского языка, насильственное же введение его в школе только вызовет ненависть к нему со стороны учеников (впрочем, иногда остзейцами высказывается, в противоречии со вторым пунктом, и другое — в Прибалтике официальным языком является немецкий, поэтому нет необходимости и тщательного изучения русского языка). В то же время возможность введения русского языка в присутственных местах отрицается на том основании, что ещё не создано подходящих условий для этого: чиновники не знают русского языка.²⁸³ Здесь, действительно, получается замкнутый круг: чтобы ввести русский язык в присутственные места, надо подготовить в школах знающих его чиновников, а чтобы ввести русский язык в школах, надо сделать его обязательным в присутственных местах, тогда только ученики — будущие чиновники вынуждены будут его учить.

И вот вся русская либеральная и консервативная печать полна статей и заметок, в которых высказываются решительные требования усилить преподавание русского языка в школах и вводить его в присутственные места.²⁸⁴ Здесь ни в коем случае нельзя ограничиваться мерами постепенными и осторожными, это приведёт лишь к тому, что остзейцы вновь сумеют воспрепятствовать введению русского языка, воспользовавшись всеми доступными им средствами, уже разработанными приёмами сопротивления.²⁸⁵ Даже «Весть» на этот раз выступила против остзейцев за введение русского языка в школах и присутственных местах.²⁸⁶ Нечего опасаться криков остзейцев и шума, поднятого заграничной немецкой печатью, считал Катков: весь этот шум должен лишь прикрыть бурно идущий процесс германизации.²⁸⁷ Катков утверждал, что принятая правительством программа действий носит слишком скромный характер и не приведёт к желательным результатам. Он перепечатывал в «Моск. вед.» все заметки и корреспонденции, свидетельствующие о неудовлетворительном изучении русского языка в школах, об игнорировании его в официальных учреж-

²⁸¹ См. Голос, 4. X. 1867, № 274 (передовая).

²⁸² Об этом см. также: Моск. вед., 31. V. 1869, № 117 (передовая).

²⁸³ См. Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 108—110.

²⁸⁴ См. Моск. вед., 10. X. 1867, № 220 (передовая); От. записки, 1867, т. CLXXIV (Полит. хроника) и многие другие материалы.

²⁸⁵ См. статьи, перечисленные в списке 276.

²⁸⁶ См. Весть, 4. IX. 1867, № 101.

²⁸⁷ См. Моск. вед., 18. VIII. 1867, № 181 (передовая).

дениях. Пользу от особой русской гимназии Катков вообще отрицал, доказывая необходимость открытия параллельных русских классов в немецких гимназиях с тем, чтобы постепенно превратить их в чисто русские, перевести всё преподавание в старших классах на русский язык.²⁸⁸

Но особенно энергично подчёркивалось, что введение русского языка может быть успешным лишь в том случае, если оно будет подкреплено всеми другими мерами по русификации края.²⁸⁹ В этом отношении характерна передовая статья «Голоса» «Русский язык по учебным заведениям эсто-латышского края» (22. VIII. 1869, № 231). Правительственные меры, принятые для введения русского языка в Прибалтике, при последовательном проведении могут привести к положительным результатам, но лишь в том случае, если они будут подкрепляться другими, ибо: «Всякая правительственная мера тогда только вполне достигает цели, когда, кроме подчинения ей всего непосредственно лежащего на пути её или обнимаемого сферой её действия, и все точки прикосновения с нею других правительственных мер подводятся под общий с нею уровень.» С этой точки зрения в статье, между прочим, рекомендовалось организовывать в будущем в Прибалтике только русские учебные заведения.²⁹⁰

При этом русские либеральные и консервативные публицисты стремились представить свои требования как голос коренного населения края — латышей и эстонцев, как и их требования. Поэтому русская печать и обратила внимание на речь латышского священника Дрекслера о пользе русского языка для латышей,²⁹¹ на требование латышских учителей, собравшихся в Трейдене, ввести преподавание русского языка в школе²⁹² и т. д. «Моск. вед.» даже разработали целый план мероприятий, которые необходимо провести якобы для претворения в жизнь требований крестьянских масс: организовать обучение учителей русскому языку, подчинить народные школы министерству народного просвещения, перевести училища и гимназии на русский язык преподавания, организовав в интересах местного населения параллельные младшие классы с преподаванием на местных языках с тем, чтобы постепенно подготовить эстонцев и латышей к русскому языку.²⁹³ Впрочем, как мы видим уже здесь, требование ввести русский язык во все области жизни Прибалтики переходит в открытое обоснование политики обрусения коренного населения края. Пожалуй, именно

²⁸⁸ См. Моск. вед., 16. IX. 1867, № 201 (передовая), 25. X. 1867, № 233 (передовая), 25. XI. 1869, № 256 (передовая).

²⁸⁹ См. Вестник Европы, 1868, т. I (Ежемесячная хроника. 1-е января, 1868).

²⁹⁰ Голос, 22. VIII. 1869, № 231 (передовая).

²⁹¹ См. Моск. вед., 3. X. 1869, № 214 (передовая).

²⁹² См. Моск. вед., 19. VIII. 1869, № 181.

²⁹³ См. Моск. вед., 13. XII. 1869, № 271 (передовая).

в вопросе о русском языке порою наиболее откровенно проявились обрусительные тенденции русской либеральной и консервативной публицистики. Особенно отчётливо проявились эти тенденции у Погодина, вообще, как мы уже отмечали, отличавшегося прямолинейностью и неумением вести дипломатическую игру в сложных политических условиях 1860-ых гг. В книге «Остзейский вопрос» он писал: «В латышских училищах и гимназиях все предметы должны, разумеется, преподаваться по-русски <...> Обрусить эстов, ливов и куров есть политическая необходимость, и надо быть слепу, чтобы не видеть её!»²⁹⁴

Много внимания уделила русская печать и вопросу об эстонском и латышском национальных движениях. Отношение к ним в общем остаётся прежним. Русские либеральные и консервативные органы печати, как и в 1864—65 гг., рассматривают эти национальные движения в качестве своих естественных союзников в борьбе с остзейцами, с особым остзейским режимом. Ср. характерное высказывание Самарина о младолатышах, группировавшихся вокруг «Петербургас Авизес»: «В новом литературном органе целое племя в первый раз приобретает голос для выражения своих потребностей, желаний и стремлений <...> В противность сепаратистическим стремлениям немецкой балтийской прессы эти неожиданные, как бы с неба упавшие к нам союзники проповедывали латышскому племени, что вся его будущность в возможно полном объединении его с Россиею.»²⁹⁵

Катков также неоднократно подчеркивал, что народные массы Прибалтики и выразители их интересов в обществе стремятся к единению с Россией и русским народом, сопротивляются онемечению. Вся беда в том, что это движение не встречает содействия со стороны русских властей, которые никак не могут решиться на проведение ряда необходимых реформ в Прибалтике, идут на поводу у остзейцев.²⁹⁶ С решительным требованием всемерной поддержки эстонского и латышского национальных движений Катков выступил в уже знакомый нам передовой статье (Моск. вед., 5. VIII. 1869, № 171), посвящённой брошюре «Балтийские провинции на Рубиконе». В этой статье отразились его опасения перед новой тактикой остзейцев, стремившихся объявить себя союзниками эстонцев и латышей в общей борьбе с русскими «началами».²⁹⁷ Это заставляло Каткова ещё более решительно требовать «на-

²⁹⁴ М. П. Погодин, Остзейский вопрос, стр. 108. Эти высказывания Погодина вызвали большие опасения у деятелей эстонского национального движения — см. об этом: Н. Кюус, ук. соч., стр. 256—258.

²⁹⁵ Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 120.

²⁹⁶ Моск. вед., 15. IV. 1869, № 83 (передовая).

²⁹⁷ Об этом см. также: Моск. вед., 16. V. 1869, № 105 (передовая), 4. VII. 1869, № 145 (передовая) и ряд статей, связанных с празднованием 50-летия «освобождения» крестьян в 1869 г.

дѣжного покровительства» немемецких элементов, мер по организации русских школ, по введению нового судопроизводства, земских учреждений в Прибалтике, по проведению земельной реформы, что должно было бы привлечь широкие массы края к России. «Юно-латышские стремления», подчёркивает он в этой статье, также направлены в сторону России, их нужно только поддержать, что даже не требует дополнительных финансовых ассигнований. Катков утверждает, что при государственной поддержке младолатышских стремлений латыши легко и добровольно последуют по пути постепенного обрусения.²⁹⁸

С наиболее развёрнутым призывом поддержки местных национальных движений выступил К. Вальдемар в первой статье из цикла «Русские интересы на Балтийском побережье» (Деятельность, 9. III. 1869, № 41). Он доказывал здесь, что распространение латышского и эстонского языков в школах, развитие национальных культур этих народов являются лучшим средством борьбы с немецким элементом, с германизирующей краем и не представляют никакой опасности для России. При условии утверждения местных языков в школе и подъёма местных национальных культур образованные эстонцы и латыши без всякого нажима поняли бы необходимость изучения русского языка и важность связи с Россией, которая обеспечила их национальное развитие. «Правда, большая масса населения ещё не прониклась бы русским национальным сознанием, но образованные люди её были бы одушевлены местным патриотизмом, энергичным желанием усовершенствовать и облагородить местные языки и литературу. Возвышение местных национальностей сделало бы невозможным, так сказать, политическое отчуждение; следуя давлению массы, малочисленное (...) немецкое население было бы вынуждено отказаться от своего родного языка. Впоследствии русский государственный интерес имел бы дело только с пограничными языками и литературою, которые не тяготели бы к иностранным государствам и не были бы враждебны русскому государству (...) Итак, это пробуждённое местное национальное чувство повсюду практически имело бы следствия, выгодные для России; своим существованием оно было бы обязанным только России, а не какому-либо другому государству или народу».²⁹⁹ Всё это, продолжает автор, подготовило бы почву для позднейшего ещё более тесного сближения с Россией. Однако ничего этого сделано не было, и сейчас русская государственность имеет дело с распространившимся германизмом, но, к счастью для правительства, ещё сохранилась небольшая группа местных интел-

²⁹⁸ См. Моск. вед., 5. VIII. 1869, № 171 (передовая).

²⁹⁹ Деятельность, 9. III. 1869, № 41. Эти размышления вождя младолатышского движения удивительно близки ко взглядам на остзейский вопрос, высказанным В. В. Берви-Флеровским в книге «Положение рабочего класса в России» (о ней ниже).

лигентов, которые заботятся о развитии национальных культур эстонцев и латышей, об их языках, стремятся к единению с Россией. Правительство должно их поддержать, ибо российскому государству никакой опасности от этого нет.

Во всех этих высказываниях и Самарина, и Каткова, и даже Вальдемара на первый взгляд причудливо смешиваются требование развития национальных культур балтийских народов с требованием обрусения края. Противоположность этих двух требований ещё почти не ощущается — говорим «почти», потому что уже есть отдельные откровенно обрусительные выступления, в которых видно понимание опасности национального развития для обрусения³⁰⁰ (об этом ниже). Объяснение того факта, что эти противоположные требования с точки зрения русских публицистов той поры как будто не противоречили друг другу, нужно, видимо, всё же искать не столько в сознательной демагогии, обмане или маскировке истинной сути своей программы русской консервативной и либеральной печати, сколько в ещё недостаточной внутренней дифференциации сложившегося в 1860-ые гг. антиэстонского лагеря. Не случайно, «Голос», иногда выступавший в этот период с откровенно обрусительными лозунгами, в то же время в передовой статье «Что делается в Эстляндии?» (12. VII. 1869, № 190) ратует за передачу в руки эстонцев и латышей всех местных учреждений в крае. С этой целью газета предлагает ввести и в Эстляндском крае земские учреждения. Чтобы разноязычность не была бы препятствием для этого, газета считает необходимым провести административное деление края на губернии по национальному признаку — всех эстонцев надо объединить в одной, всех латышей в другой — или двух других — губерниях. Местные языки достаточно развиты, чтобы на них можно было бы вести земские дела. Необходимо и в управление краем и в будущем преобразованный суд ввести представителей коренного населения края и т. д.

Вообще вопрос о трёх возможных путях развития прибалтийских народов: онемечение, обрусение или самостоятельное национальное развитие — ставился ещё редко. Обычным была постановка вопроса о двух возможных путях развития: онемечение или обрусение, онемечение или развитие эстонской и латышской национальных культур. При этом на первом плане всегда оказывался вопрос об антинемецком характере того или иного пути, который позволял объединять требования руси-

³⁰⁰ См.: Голос, 19. V. 1869, № 137 (Лифляндский Латыш, «Балтийский вестник», новая латышская газета), Рижский вестник, 19. VII. 1869, № 58 (передовая). Впрочем, в русской печати имеются и высказывания совсем другого рода, в которых также не смешиваются требования национального развития балтийских народов и обрусения: напр., Ю. Кузнецов отмечал, что неверно ставить вопрос так — латыши должны или онемечиться или обрусеть, надо им дать возможность остаться латышами. См.: Ю. <Кузнецов>ов, ук. соч., Отечеств. зап., 1867, т. CLXXII, стр. 293.

фикации с требованием развития национальных культур, как в равной мере действенных средств против германизации. Когда всё же вставал вопрос о трёх возможных выходах для балтийских народов, русская либеральная и консервативная печать всегда предпочитала (за исключением крайних её представителей типа Погодина или, реже, Самарина) вставить на компромиссную позицию, выгодную и необходимую из дипломатических соображений единства антиостзейского фронта: пусть латыши и эстонцы сохраняют свой язык, обычаи, нравы, литературу, но пусть они знают и русский язык, усваивают достижения русской культуры, будут «патриотами» русской государственности, будут поддерживать русскую политику. Либеральная и консервативная пресса надеялась, что это и так, без шума и сопротивления, приведёт к постепенному обрусению.

Опасность германизации, общий враг — особый остзейский режим, балтийские немцы, ориентирующиеся на Пруссию, — всё это сглаживало внутренние противоречия в антиостзейском лагере, заставляло русских консервативных публицистов не замечать возможной в будущем опасности для царской России самостоятельного развития местных национальностей и в то же время даже преувеличивать значение фактов, свидетельствующих о влиянии немецкой культуры и языка на местные народы.

Статьи и корреспонденции в русской печати, посвящённые местным национальным движениям, в основном, делятся на две группы: 1) материалы, свидетельствующие о всё усиливающемся влиянии немецкой культуры на латышей и эстонцев, эти факты вызывают осуждение русской прессы; 2) материалы, описывающие самостоятельное национальное развитие местных народов, которое расценивается как прорусское и поддерживается.

Нам уж приходилось отмечать, как расценила русская печать эстонский певческий праздник 1869 г. Отметим, в связи с этим, что русская печать даже выдвинула предположение о большей национальной развитости латышей по сравнению с эстонцами: если у эстонцев удалось осуществление остзейской пронемецкой идеи празднования 50-летия «освобождения» крестьян, то у латышей она провалилась. «Несмотря на величайшие нравственные принудительные средства, которым подвергаются бедные латышские крестьяне, совершенно зависящие от своих начальств и сельских учителей, составленное с трудом в Вольмаре (Вальмиера — С. И.) весьма скудное празднество не произвело ничего кроме чрезвычайно неприятного для некоторых сфер спора *о необходимости русского языка для Лифляндии.*»³⁰¹

Русская пресса с тревогой отмечала всё усиливающееся

³⁰¹ Моск. вед., 25. VII. 1869, № 162.

влияние немецкой культуры на молодую культуру эстонцев и латышей и, в частности, на их литературу. Х. Х. в «Письмах из Пернова» отмечал: «Нельзя отрицать, что здешние землевладельцы и лютеранские пасторы оказали услугу образованию народа, основывая народные школы (...) Равным образом и литература, как эстская, так и латышская, не совсем бедна. Но народная школа и народная литература при описанных обстоятельствах, особенно в последние 15 лет, более и более онемечивалась и в степени гораздо значительной, чем это было когда-либо прежде. Теперь, когда из-за моря сильно повеяло прусским духом, можно себе представить, что следует ожидать в будущем».³⁰² В связи с опубликованием А. Швальбе библиографической описи эстонских сочинений, газ. «Москвич» в 1868 г. привела сведения о количестве изданий на эстонском языке. «Мы бы просили, — писала газета, — людей, специально знакомых с эстонской литературой, потрудиться отделить из этого числа изданий всё, что издано не эстонцами, а немецкими пасторами, т. е. выделить всё, что писалось с тенденциозными целями. Знать это весьма важно. Мы имеем повод не без основания полагать, что число таких тенденциозных изданий (особенно брошюр) увеличилось в последние годы. По крайней мере и доселе эстонская, как и латышская, журналистика почему-то не ляётся в руки эстонцев: ею заправляют руки более *искисные*».³⁰³

Само собой разумеется, не все явления латышской и эстонской литературы и искусства вызывали к себе отрицательное отношение русских газет. Национально-самобытные произведения, благодаря обычной для них антинемецкой направленности, наоборот, вызывали сочувствие русских публицистов. Так, в вышеназванном «Письме из Пернова» Х. Х. вкратце охарактеризован «Калевипоэг» Ф. Р. Крейцвальда³⁰⁴, в одной из статей «Моск. вед.» описывалась знаменитая картина И. Кёлера «Пробуждение от волшебного сна».³⁰⁵ Особенно интересны включённые в четвёртую статью Ю. Кузнецова (Отечеств. зап., 1867, т. СLXXII) народные рукописные памфлеты в стихах «Песнь на Иванов день 1860 г.» и «66 куплетов», рассказывающие о современном положении латышей, о самых насущных проблемах их жизни, полные ярой ненависти к

³⁰² Моск. вед., 25. I. 1867, № 20. Ср. в заметке «Голоса» (11. VII. 1869, № 189) по поволу некролога бывшего дерптского профессора К. Л. Блума: «Другое зло в Эсто-латышском крае состоит в том, что эстская и латышская литература находится в руках немцев и онемеченных туземцев. Переводится всё с немецкого и ничего (кроме худого) с русского. Поэтому эсты и латыши восхищаются всеми немецкими знаменитостями, не зная о существовании России и русских великих людей».

³⁰³ Москвич, 3. I. 1868, № 6.

³⁰⁴ См. Моск. вед., 25. I. 1867, № 20. Отметим, кстати, что «Письма из Пернова» пользовались большой популярностью в печати, некоторые из них перепечатывались в «Голосе», «Русском Инв.» и др. газетах.

³⁰⁵ См. Моск. вед., 15. IV. 1869, № 83 (передовая).

помещикам. Эти примечательные произведения латышской литературы тех лет не могли быть напечатаны в латышских изданиях. Сочувственно была встречена русской печатью и книга И. Спрогиса «Памятники латышского народного творчества» (Вильно, 1868), знакомившая русских читателей с латышским фольклором.³⁰⁶

Более всего не удовлетворяла русскую прессу латышская и эстонская периодическая печать, поставленная местной цензурой и властями в очень трудное положение, почти целиком находившаяся под влиянием остзейцев. Критика прибалтийской латышской и эстонской печати за её пронемецкий характер, за чуждость общерусским интересам, за мелочность и ничтожность содержания представляла собой обычное явление на страницах русских газет. И эта критика, в известной мере, была справедливой — подавляющее большинство латышских и эстонских органов печати, действительно, было довольно далеко от насущных интересов народа, от актуальных проблем жизни; не случайно тогдашняя прибалтийская журналистика вызывала к себе отрицательное отношение и виднейших деятелей эстонского и латышского национальных движений. Ю. Кузнецов писал, что «Петербургас Авизес» «явилась, конечно, блестящею кометою среди усыпительных латышских и эстонских недельных листков, пространно трактующих о благодеяниях, оказываемых народу милостивым дворянством, благочестивым немецким духовенством, богатых ещё старчески благодушными советами да назидательными рассказами об успехах христианства, распространяемого миссионерами в далёких заатлантических странах, «у тёмных языческих народов».³⁰⁷ Современная латышская печать не знакомит латыша с Россией, писал «Голос», «она составляет только назидательное продолжение школьной и пасторской риторики».³⁰⁸

Такой же критике подвергался и основной орган тогдашней эстонской печати — газета Янсена «Ээсти Постимээс». Нам уже приходилось отмечать, что «Москва» как-то охарактеризовала соображения, высказанные этой газетой, как мнения «самого немецкого дворянского стана» (см. «Москва», 22. VIII. 1867, № 113; ср. — в письме И. Кёлера, одного из руководителей буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения, к И. Хурту от 13. III. 1864 г. «Ээсти Постимээс» назван «sakste eraleheks eesti keeles»³⁰⁹). Особенно резкий характер приняла

³⁰⁶ В русской прессе появилось несколько рецензий на эту книгу. См.: Голос. 11. III. 1869, № 70 [рец. Ю. <Кузнец>ова]; Современная летопись, 13. IV. 1869, № 14 (Т., Латышская народная поэзия); Совр. известия, 28. I. 1869, № 26; Известия имп. Русского географического общества, 1869, т. V, № 3, отд. 1, стр. 177—178 (О. Ф. Миллер).

³⁰⁷ Отеч. зап., 1867, т. CLXXII, стр. 273.

³⁰⁸ Голос, 22. X. 1868, № 292 (передовая).

³⁰⁹ Цит. по книге: Н. Kruus, Eesti ajaloo XIX. sajandi teisel poolel, стр. 248. Частная немецкая газета на эстонском языке — эст.

критика «Ээсти Постимээс» в 1869 г., когда в печать стали проникать сведения об организации новой эстонской газеты. И «С.-Петербур. вед.»,³¹⁰ и «Моск. вед.»,³¹¹ и другие органы русской печати подчёркивали антирусские высказывания «Ээсти Постимээс», её отрицательное отношение ко всему, связанному с Россией. «С.-Петербур. вед.» даже оправдывали перенесение цензуры газеты в Ригу, что очень затруднило её издание.³¹²

В то же время русская печать выступила за создание новых органов латышской и эстонской прессы, которые отвечали бы интересам борьбы с остзейцами, носили бы прорусский характер, были бы связанными с центрами латышского и эстонского национальных движений, уже выступившими в роли союзников русской печати. Она поддерживала каждый новый орган эстонской и латышской прессы в надежде найти в нём союзника в борьбе с особым остзейским режимом. В этой связи по-прежнему актуальным остаётся вопрос о «Петербургаз Авиэс», как образце для местной журналистики — об этой газете, её злощастной судьбе продолжают печататься статьи, о ней пишут в книгах.³¹³ Большие надежды возлагала русская либеральная и консервативная пресса на латышскую газету «Baltijas Wehstnesis», начавшую выходить с 1869 г. Ещё до выхода её в свет «Голос» выражал надежду, что это будет совершенно самостоятельная латышская газета, «свободная от клерикального и иного сословного влияния».³¹⁴ Газета и в 1869 г. вызвала к себе сочувственное отношение русской прессы³¹⁵, хотя в «Голосе» появилась и критика этого латышского издания за недостаточную поддержку политики русификации и равнодушие к православию.³¹⁶

Особенно энергичную поддержку оказала русская печать проектируемому в 1869 г. изданию эстонской газеты, которая должна была выходить под редакцией К. Р. Якобсона. История многократных попыток вождя буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения Якобсона добиться

³¹⁰ См. С.-Петербур. вед., 31. III. 1869, № 89.

³¹¹ См. Моск. вед., 26. II. 1869, № 46.

³¹² С.-Петербур. вед., 15. VI. 1869, № 162. См. также более раннюю заметку — 12. VI. 1869, № 159. О тех трудностях, которые испытывал «Ээсти Постимээс» от перенесения цензуры в Ригу, см. письмо Альбединского к П. А. Шувалову от июля 1869 г., сохранившееся в копии в архиве П. П. Альбединского в РО ГПБ: «издатель дерптской эстской газеты заявил мне, что при оставлении вновь установленного порядка цензирования, с которым несовместимы своевременный выход газеты и своевременное помещение в ней известий, он, по всей вероятности, вынужден будет прекратить её издание».

³¹³ См., Отеч. зап., 1867, т. CLXXII, стр. 268—276; Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. 119—122 и т. д.

³¹⁴ Голос, 22. X. 1868, № 292 (передовая).

³¹⁵ См. Рижский вестник, 5. IV. 1869, № 28.

³¹⁶ См. Лифляндский Латыш, «Балтийский вестник», новая латышская газета, Голос, 19. V. 1869, № 137.

разрешения издавать газету на эстонском языке, попыток, предпринимавшихся им с 1868 г., была уже предметом изучения.³¹⁷ Но исследователям эстонской литературы и журналистики остался неизвестным факт активного содействия, оказанного Якобсону русской прессой в его ходатайствах о разрешении издавать газету. В конце ноября 1868 г. Якобсон подал в Главное управление по делам печати прошение об издании газеты «Walgus», а уже в феврале 1869 г. в «Моск. вед.» появилось сообщение о попытках исходатайствовать разрешение на выпуск эстонской газеты. Хотя разрешение ещё не было получено, но Катков выражал уверенность, что это дело недалёкого будущего. Тут же он отмечал, что «Ээсти Постимээс» стал в последнее время откровенно антирусским и проостзейским органом, не случайно его редактора Янсена остзейцы подняли на щит и прославляют в качестве первостепенного литературного «свегила».³¹⁸

«Голос» посвятил даже специальную передовую статью «Поводу бесцензурной эстонской газеты» (27. III. 1869, № 86) вопросу о новой газете, которая должна была издаваться в Петербурге, в связи с выступлением против неё «Rev. Zeit.» (4. III. 1869, № 52, передовая статья). «Причины, заставляющие желать появления такого органа, заключаются не в одних только местных цензурных условиях, но в тех условиях, благодаря которым эстонская печать до сих пор сохраняет характер школьной и пасторской риторики». Современная эстонская печать не знакомит эстонцев с Россией, с русским народом, не даёт она и русскому обществу материалов о внутренней жизни эстонского народа. Между тем необходим именно такой орган, который способствовал бы сближению эстонского народа с русским. Русские, не меньше чем немцы из «Ревельской газ.», желают дать эстонскому народу умственную и нравственную пищу, — писал «Голос», — «различие между тем и другим желаниями только в том, что почтенная газета желает эстонскому народу преобразиться в немецкую натуру, мы же, русские, желаем, чтоб этот народ или развился, сохраняя свою национальность и ясно в то же время понимая свои отношения к русскому народу, или чтоб он слился с русским народом, но чтоб ни в коем случае не *онемечился*».³¹⁹ Этого направления и должна придерживаться будущая эстонская газета, потому-то её так и боится остзейцы.

С большой статьёй по поводу опасений «Rev. Zeit.» выступили и «С.-Петерб. вед.» (31. III. 1869, № 89). «Rev. Zeit.» вы-

³¹⁷ Из последних работ см.: I. Depman, Materjale C. R. Jakobsoni ajalehe asutamise katsete ja kirjastamistegevuse kohta aastatel 1868—1876, сб. «C. R. Jakobson ja tema ajastu».

³¹⁸ См. Моск. вед., 26. II. 1869, № 46.

³¹⁹ Голос, 27. III. 1869, № 86 (передовая). Нужно учесть, что Якобсон был сотрудником «Голоса», хотя характер и объём его сотрудничества в газете сейчас определить невозможно.

сказала опасение, что эстонская газета в Петербурге не сможет проверять получаемых ею корреспонденций, оторвется от родной почвы, от массы читателей, находясь вдалеке от них. К тому же, как отмечала «*Rev. Zeit.*», местные препятствия не столь велики, чтоб нельзя было бы издавать газету в Таллине. Автор статьи в «С.-Петерб. вед.» опровергает все предположения остзейцев. Он особенно подчёркивает народный не-немецкий характер будущей газеты. «Мы слышали, что редактор будущей эстонской газеты, г. Якобсон, каждое лето бывает в Эстляндии и проводит несколько месяцев среди эстляндских крестьян и что он вообще весьма хорошо знаком с их бытом и стремлениями, так как прежде был там учителем народных школ». Отметим, кстати, что имя Якобсона впервые появилось на страницах русской печати в связи с обсуждением вопроса о новой эстонской газете в 1869 г. Автор статьи подробно обосновывает мысль о необходимости издания газеты именно в Петербурге, где эстонская газета будет свободна от влияния остзейцев и где она сможет быстрее и легче получить проверенную информацию о России — знакомство эстонского читателя с Россией, с русским народом и реформами должно быть одной из основных задач нового издания. В статье подчёркивается популярность идеи новой эстонской газеты: «Что потребность в новой газете существует у самих эстонцев, это доказывается тем, что сельские старшины и учителя, только что заслышав об издании новой газеты, в короткое время успели собрать значительное число подписчиков и обещают, в случае недостатка суммы на издание, пополнить её».³²⁰

Русская печать поддерживала и подготавливавшие издания других эстонских газет и журналов. Так, «Голос» приветствовал проектируемое Й. Хуртом при участии владельца типографии Лаакманна издание журнала «Пчела».³²¹ В русской печати появились сообщения и об издании Янсеном газеты «Ээсти Пелломээс» (сохраняем транскрипцию русской газеты), хотя это сообщение и не вызвало особых восторгов — репутация Янсена в русских журналистических кругах была слишком плохой.³²²

Русская пресса освещала также деятельность всякого рода обществ в Прибалтике. В одной из статей отмечался немецкий характер Эстонского учёного общества, «закрывающего в числе 36 членов своих 32 пастора» (далее рассказывалось о попытке общества организовать издание газеты на эстонском языке, закончившейся провалом уже на подготовительной стадии — в обществе не было людей, способных издавать газету).³²³ Были

³²⁰ С.-Петерб. вед., 31. III. 1869, № 89.

³²¹ См.: Голос, 10. VIII. 1869, № 219; С.-Петерб. вед., 27. VIII. 1869, № 235.

³²² См.: С.-Петерб. вед., 11. XII. 1868, № 339; Новое время, 19. III. 1869, № 54.

³²³ См. Голос, 22. X. 1868, № 292 (передовая).

сообщения об Эстонском сельскохозяйственном обществе³²⁴ и о ряде латышских обществ.

Крупным мероприятием эстонского национального движения 1860—80-ых гг. была организация Александровского училища, призванного стать первым эстонским учебным заведением повышенного типа. Русская печать довольно подробно осветила сложную историю создания этого училища, всячески поддерживала саму идею учебного заведения и давала отпор остзейским попыткам похоронить план его организации. История Александровского училища подробно изложена в известной монографии Х. Крууса «Eesti Aleksandrikool» (Tartu, Noor-Eesti Kirjastus, 1939), но автор её совершенно не касается вопроса о той поддержке, которую оказала русская печать плану его создания; между тем, эта поддержка, видимо, сыграла свою роль в утверждении правительством проекта училища в 1869 г. Плану организации училища, возникшему в 1862 г. и представленному властям ещё в 1863 г., по-настоящему был дан ход лишь в 1868 г. из-за постоянного сопротивления остзейцев, увидевших с самого начала опасность в создании особого эстонского учебного заведения, тем более подчинённого министерству народного просвещения. Ширрен при первом же знакомстве с планом спросил одного из его составителей, не хотят ли они сделать эстонцев с помощью этой школы русскими, и тут же добавил, что самый верный и счастливый для эстонцев путь — стать немцами.³²⁵ В программе школы видное место занимал русский язык.

Отсюда вполне естественным становится энергичная поддержка, оказываемая этому проекту русской печатью. В одном из «Писем из Пернова» Х. Х. ещё в 1867 г. рассказал о плане организации высшей эстонской школы в Феллине (Вильянди) или в его окрестностях. «Как не пожелать, — добавлял Х. Х., — чтобы здешняя администрация поддержала это патриотическое предприятие или, по крайней мере, допустила его! Добрые, скромные эсты будут совершенно довольны, если не оправдается опасение, что каждого из участвующих в этом деле не преминут преследовать как мятежника. Против этого очень любимого здесь образа действий в случаях, неприятных для немецкой партии, нет никакой защиты».³²⁶

В июне 1868 г. в ЖМНП был опубликован проект училища. Вслед за тем и началось активное обсуждение его. В защиту проекта выступила в передовой статье № 88 (18.VII. 1868) «Москва», назвав мысль об училище не только полезной, но даже «единственно полезной и неизбежной». Газета рассматривала училище как средство сближения эстонцев с русскими, как средство утверждения русских начал в крае. Большое возмуще-

³²⁴ См. Новое время, 19. III. 1869, № 54.

³²⁵ См. Н. К р у с, Eesti Aleksandrikool, стр. 22.

³²⁶ Моск. вед., 15. IV. 1867, № 84.

ние автора статьи вызвали затяжки с утверждением плана, чинимые остзейцами. Он выступил и против предложения министерства вначале определить необходимую сумму денег и срок для их сбора, считая, что это заранее сделать невозможно. Нужно скорее начать сбор средств, пока в местном обществе не охладел жар к этому делу. Программа обучения в училище, включавшая изучение всех основных предметов на эстонском языке и некоторых дисциплин в старших классах на русском, встретила полную поддержку газеты. Также поддержала она и мысль о непосредственном подчинении училища министерству народного просвещения, чтобы обезопасить его от влияния остзейцев. В поддержку проекта выступили также «Моск. вед.»³²⁷, «Голос»³²⁸ и другие газеты. Вопрос об Александровском училище, в связи с затяжкой в утверждении проекта уже в министерстве, поднимался и в дальнейшем.³²⁹ Когда, наконец, проект был утверждён, в газетах появились сообщения об этом.³³⁰

Известные отклики в русской печати вызвала и идея организации высшего латышского училища, при обсуждении его проекта были высказаны откровенно обрусительные предложения.³³¹

Видную роль в создании проектов высших училищ для эстонцев и латышей и в борьбе за них играли сельские учителя, вообще крупная сила в национальном движении прибалтийских народов. Русская пресса обратила внимание на активное участие учителей в национальном движении в Прибалтике.³³²

Таково освещение эстонского и латышского национальных движений в русской печати 1867—69 гг.

10.

Одна из особенностей обсуждения в 1867—69 гг. положения в Прибалтике заключается в том, что в этот период русские публицисты не ограничиваются лишь разбором тех или иных вопросов обширной остзейской проблемы, но стремятся понять, в чём были ошибки предшествующей правительственной политики в Прибалтике и как их следует исправить в будущем. Никогда до этого критика правительственной системы управления остзейским краем не была столь резкой, как в этот период,

³²⁷ См. Моск. вед., 2. VIII. 1868, № 167.

³²⁸ См. Голос, 22. VII. 1868, № 200. Ср. С.-Петербург. вед., 29. VII. 1868, № 204

³²⁹ См. Моск. вед., 19. VIII. 1869, № 181 (за несколько дней до напечатания этой заметки проект был утверждён, но Катков ещё не был информирован об этом). См. также Бирж. вед., 26. VIII. 1869, № 231.

³³⁰ См. Моск. вед., 24. IX. 1869, № 208.

³³¹ См. Рижский вестник, 19. VII. 1869, № 58 (передовая).

³³² См. Ю. <Кузнец>ов, ук. соч., статья IV, Отеч. зап., 1867, т. CLXXII, стр. 263—264; X. X., Письмо из Пернова, Моск. вед., 15. IV. 1867, № 84.

и никогда русская консервативная и либеральная печать не разрабатывала столь подробного плана действий, направления правительственной политики в Прибалтике, как теперь. Собственно, нам в связи с анализом отдельных вопросов уже приходилось останавливаться и на планах, предлагаемых русской прессой, и на критике правительственной политики в крае. Попробуем теперь систематизировать эти материалы.

Русская пресса неоднократно подчёркивала, что все правительственные мероприятия в Прибалтике не привели к ощутительным результатам и нередко они даже не улучшали, а ухудшали положение в крае.³³³ В чём причина?

Основная причина заключается в том, что правительство отдало всю власть на местах в руки немцев, что традиционная политика русского государства на окраинах заключается в поддержке здесь привилегированного меньшинства.³³⁴ В Прибалтике это привело к тому, что вся власть оказалась в руках остзейских баронов и бюргеров, чуждых русским государственным интересам и ориентирующихся на Германию. Правительство, опираясь в остзейском крае на это меньшинство, не только игнорировало интересы «туземцев», но и права русских в Прибалтике.³³⁵ В результате организованного противодействия всемогущих остзейцев, защищающих свои особые привилегии, в Прибалтике провалились все попытки правительства улучшить положение крестьян, реформировать суд и городское управление, ввести русский язык в делопроизводство и школы, уравнять права русских с немцами.

Но есть ещё и другая причина неуспеха русских «начал» в балтийском крае — это нерешительность и половинчатость правительственных мер.³³⁶ Меры, предпринятые правительством, в своей основе чаще всего носят робкий характер и не могут коренным образом изменить положение в крае. К тому же само правительство всегда как бы боится довести до конца даже те нерешительные мероприятия, которые оно само предпринимает.

³³³ См. Отеч. зап., 1867, т. CLXXI (Полит. хроника. С.-Петербург. 8-го марта); Ю. Ф. Самарин, Окраины России, вып. 1.

³³⁴ См. об этом: Голос, 4. X. 1867, № 274 (передовая).

³³⁵ См. об этом: Москва, 19. III. 1867, № 63 (передовая); Голос, 20. IX. 1868, № 260 (Объединение окраин с Россией, статья 1-я).

³³⁶ См. об этом: Моск. вед., 15. IV. 1869, № 83 (передовая), 5. VIII. 1869, № 171 (передовая). В уже цитированном нами «фельетоне» Незнакомца в № 251 «С.-Петерб. вед.» за 1868 г. в этой связи видим едкую издевку над государственным гербом царской России: «Говорят, что орёл — птица хищная; это несомненно, когда дело идёт об орле одноглавом, какой существует в природе; двуглавый же орёл — птица весьма нерешительная, ибо то, чего желает одна голова, другая не желает; то, что видит одна пара глаз, другая отвергает, и от этого происходит некоторый мрак, разбросанность зрения и шатание». Этот фельетон неоднократно фигурировал в делах С.-Петербургского цензурного комитета — см. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, № 14, ч. II, лл. 27—27 об.

Что же надо сделать, чтобы исправить положение? Вкратце ответ на этот вопрос сводится к требованию проведения в Прибалтике твёрдой и последовательной политики русификации. Вопрос стоит только так, писал «Голос»: «или предоставить прибалтийским немцам полную возможность онемечивать местное население и таким образом собственными руками расширять постепенно область германского фатерланда, в соседстве с которым уже и теперь, когда он ещё не вполне сформировался, первая военная держава в Европе чувствует сильное беспокойство, или же открыто, не закрываясь стыдливо разными масками, водрузить русское знамя в Прибалтийском крае».³³⁷ Но что практически означает требование «водрузить русское знамя»? У большинства либерально-консервативных публицистов (нам уже приходилось говорить о единстве их программы в 1867—69 гг.) это значит:

1) утвердить русские государственные начала в Прибалтике — управление по общерусскому образцу, общерусское законодательство, русский язык в качестве государственного. «Одно цельное государство и один признаваемый государством язык, или, что то же, одна политическая национальность — вот в чём вся сила вопроса, вот что должно быть поставлено вне всяких сомнений и колебаний», — писал Катков.³³⁸

2) Уравнять в Прибалтике в правах с немцами коренное население края и, в особенности, в первую очередь, русских.³³⁹ Это будет означать ликвидацию остзейских привилегий.

3) Провести земельную реформу в крае — наделить крестьян землёй по русскому образцу, по образцу реформы 19. II. 1861 г.³⁴⁰

4) Ввести в школы русский язык с тем, чтобы подготовить в будущем обрусение края.³⁴¹

³³⁷ Голос, 26. IX. 1867, № 266 (передовая).

³³⁸ Моск. вед., 17. II. 1867, № 39 (передовая; кстати, это цитата из одного газетного выступления Каткова 1865 г.).

³³⁹ См.: Моск. вед., 10. VII. 1868, № 149 (передовая); Отеч. зап., 1867, т. CLXXI, (Полит. хроника, 21-го марта).

³⁴⁰ Выше мы уже приводили соответствующие статьи. В дополнение к ним отметим: Голос, 18. IV. 1869, № 108 (передовая), Моск. вед., 24. IV. 1869, № 87 (передовая). В последней статье проводится интересное сравнение Прибалтики с Ирландией. Казалось бы положение в них совершенно различное: русское правительство, не имеющее никаких оснований преследовать латышей и эстонцев, должно бы поддерживать местных крестьян, ограждать их исконное право на землю; английское же правительство, наоборот, против ирландцев, за отобрание у них земли в пользу английских помещиков. Но на практике в положении двух областей оказывается много общего, ибо и у эсто-латышских крестьян отбирают землю. Этому надо положить конец. Сейчас даже английское правительство принимает меры к ограждению прав ирландцев. Надо и в Прибалтике провести реформы (в том числе и земельную) в пользу «туземцев».

³⁴¹ См.: Отеч. зап., 1867, т. CLXXV (Полит. хроника, 14-го ноября); Москва, 18. VII. 1868, № 88 (передовая); Моск. вед., 5. I. 1869, № 4.

- 5) Реформировать суд — ввести институт присяжных и выборы мировых судей по русскому образцу.³⁴²
- 6) Провести реформу городского управления.
- 7) Поддержать православие в крае.³⁴³

Таким образом будет утверждено полное слияние Прибалтики с Россией, которое и составляет основную задачу русской политики в крае, по мнению русской либеральной и консервативной публицистики.

У некоторых публицистов требование русификации уже в этот период смыкалось с требованием обрусения коренного населения края, которое мотивируется желанием самих эстонцев и латышей. Об этом писал Самарин: «Туземное, финское народонаселение остзейского края, как племя, видимо, не предназначено к самостоятельному политическому развитию; будущность его — в слиянии с какой-нибудь другою, смежною народностью. Таких народностей две: русская и немецкая. Вопрос в том: должны ли латыши и эсты обрусеть или онемечиться? Мы ещё не поняли важности этого вопроса, но другие поняли давно и усердно трудятся над его разрешением. Теперь латыши и эсты тянут к нам, т. е. к русской народности, они обрусели бы очень легко и охотно; наоборот они положительно не желают немечиться; но обрусеть собственными средствами, без помощи и содействия с нашей стороны, они не могут; наоборот, все снаряды для невольного их онемечения давно подготовлены и приведены в действие».³⁴⁴ Совершенно аналогичные мысли высказывал и «Голос», требуя для русских «права объединения с местным народонаселением, права поглощения туземного племени, так сильно уже тяготеющего к русскому народу», ибо от этого «зависит, очевидно, устойчивость скрепы между окраиною и центром империи.»³⁴⁵ То же мы видели и в книге М. П. Погодина.

Но такой взгляд отнюдь не является господствующим. Как мы уже показали выше, несравненно чаще высказывается другая точка зрения: надо дать простор местным национальностям, ибо основная опасность — в германизации Прибалтики, а развитие местных национальностей, дружественных по отношению к России и русскому народу, всем обязанных им, — лучшее средство противодействия онемечению края.³⁴⁶

³⁴² См., напр.: Москва, 23. IX. 1867, № 136 (передовая); Отеч. зап., 1867, с. CLXXV (Полит. хроника, 14-го ноября).

³⁴³ Это требование характерно не для всех органов печати. Наиболее энергично его выдвигают славянофилы («Москва») и близкий к ним Погодин, встречается оно и у Каткова.

³⁴⁴ Москва, 18. III. 1867, № 62.

³⁴⁵ Голос, 20. IX. 1868, № 260.

³⁴⁶ Ср. в передовой «Совр. известий» (9. II. 1869, № 38): «Латыши желают быть русскими, желают быть православными, а может быть, и более всего, желают быть, вероятно, латышами. Давайте свободный ход; несправедливо и неблагоприятно сдерживать это желание принудительными мерами из уважения к немецким опасениям».

Для воплощения в жизнь намеченной русскими публицистами программы необходима решительная и последовательная правительственная политика, не допускающая никаких компромиссов, робких и половинчатых мер.³⁴⁷

Русская пресса постаралась даже известную речь Александра II в Риге 15 июня 1867 г. воспринять в плане обоснования русификации Прибалтики. Царь отметил в своём выступлении перед остзейцами: «Но я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите к единой русской семье и образуете нераздельную часть России, за которую отцы ваши и братья и многие из вас самих проливали кровь. Вот почему я надеюсь найти со стороны вашей в мирное время содействие мне и моему представителю в среде вашей, генерал-губернатору, на коего вполне полагаюсь, к приведению в исполнение тех мер и реформ, которые я считаю необходимыми и полезными для вашего края».³⁴⁸ Это достаточно дипломатичное выступление царя русская печать объявила целой программой действий по утверждению русских государственных начал в Прибалтике. Раз остзейцы принадлежат к «единой семье русской», значит вполне естественным является введение русского языка в крае, общерусское устройство правительственных учреждений и суда, городского управления и т. д. — именно таков смысл комментариев «Моск. вед.»³⁴⁹ и других русских органов печати.

Таковы основные вопросы, разбиравшиеся русской печатью 1867—69 гг. в связи с обсуждением остзейской проблемы.³⁵⁰

Нам приходилось уже отмечать, что для периода 1867—69 гг. характерно не только обсуждение отдельных сторон положения в Прибалтике, но и попытки создания обобщающих трудов, охватывающих в совокупности весь комплекс вопросов сложной остзейской проблемы. Наиболее удачной попыткой, без сомнения, был первый выпуск «Окраин России» Ю. Ф. Самарина — «Русское Балтийское поморье в настоящую минуту», вышедший в 1868 г. в Праге. Эта книга хорошо знакома исследователям, мы в соответствующих разделах нашей работы уже неоднократно останавливались на положениях, высказанных Самариним, поэтому считаем излишним вновь возвращаться к «Ок-

³⁴⁷ См. Моск. вед., 15. IV. 1869, № 83 (передовая); 10. XII. 1869, № 268 (передовая).

³⁴⁸ Северная почта, 20. VI. 1867, № 134.

³⁴⁹ См. Моск. вед., 1. VII. 1867, № 143 (передовая).

³⁵⁰ Мы сознательно не останавливались на некоторых второстепенных вопросах, связанных с остзейской проблемой, напр., на вопросе о направлении строительства железных дорог в Прибалтике, вызвавшем огромное количество статей в русских газетах. Этот вопрос в условиях тех дней имел политическое значение: речь шла о том, связывать ли Прибалтику цепью железных дорог с Пруссией или с внутренними губерниями России. Остзейские и прусские органы печати стояли за железную дорогу Рига—Тильзит, русские — за Ковно (Каунас)—Либаву с целью превратить русскую незамерзающую Либаву (Лиепая) в основной порт на Балтийском море.

раинам России» и подробно анализировать их в отдельности. В этом тем более нет необходимости, что книга Самарина вырастает из богатого материала о Прибалтике, помещённого на страницах русской прессы, и чаще всего повторяет те выводы, которые были высказаны отдельными русскими публицистами. Всё это, конечно, не снимает вопроса о важном значении издания — соединение всего материала остзейской проблемы в одной книге, к тому же написанной автором, хорошо знавшим балтийскую действительность и не лишённым публицистического таланта, во многом, по-новому поставило вопрос о Прибалтике, как о некоей целостной и сложной проблеме. Не случаен тот колоссальный резонанс, который вызвала книга Самарина в русской и заграничной журналистике да, шире, и в общественном мнении России и Германии.

Литература за границей, в особенности, в Германии, вызванная выходом в свет «Окраин России» — известные статьи и брошюры Бокка, Ширрена, Эккардта, вышедшая анонимно брошюра бапона Мейендорфа «*Lettre à M^r. Samarine sur ses brochures: «Окраины России»*» (Бален-Баден, 1868; «Письмо к г. Самарину по поводу его брошюры «Окраины России») и другие издания, — зафиксирована в справочнике Винкельманна и также хорошо известна исследователям. Поэтому мы остановимся лишь на вопросе об откликах на книгу Самарина в русской прессе и обществе.

Русская пресса сразу же осознала, что книга Самарина будет запрещена правительством, поэтому, не дожидаясь официального запрета, основные антиостзейские органы печати скорее стали перепечатывать обширные отрывки из книги со своими комментариями и отзывы о книге, опять же чаще всего превращавшиеся в изложение основных её положений. Первыми выступили «Моск. вед.», поместившие в передовых статьях №№ 191 (5. IX. 1868), 193 (7. IX.) и 194 (8. IX.) большие выдержки из книги (отрывки из «Окраин России» неоднократно давались в статьях «Моск. вед.» и позже), а в № 200 (17. IX.) резко критиковавшие анонимную брошюру по поводу книги Самарина, вышедшую в Баден-Бадене на французском языке и расценивавшую «Окраины России» не более и не менее как призыв к революционному мятежу. Катковский орган чрезвычайно высоко оценивал труд Самарина: «Это действительно замечательное сочинение, которое должно быть настольною справочною книгой у всякого добросовестного русского деятеля в балтийском крае, разоблачает во всех подробностях интригу, несравненно более опасную и изворотливую, чем польская».³⁵¹

В аксаковской «Москве» ещё 4. IX. 1868 в № 122 была помещена передовая рецензия на первый выпуск «Окраин России» — перепечатка из чешской газеты «*Narodni Noviny*», в которой довольно точно был изложен смысл книги. Но затем Аксаков, памятуя о постоянных цензурных ударах, сылавшихся на его газету, решил немного обождать («я нарочно пуснул вперёд себя «Моск. Ведом.», — писал он Самарину 21. IX. 1868³⁵²), чтобы

³⁵¹ Моск. вед., 5. IX. 1868, № 191. Статья эта обратила на себя внимание цензуры, которая, впрочем, ещё не знала, как быть со статьями, излагающими книгу Самарина. К тому же в 1868 г. цензура уже вообще побаивалась предпринимать какие-нибудь репрессивные меры против столь влиятельного и пользующегося покровительством определенных придворных кругов органа, как «Моск. вед.» О цензурных отзывах на эту статью см.: ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 5, лл. 467 об-468 об.

³⁵² РО ИРЛИ, ф. 3., оп. 2, № 48, л. 117. Самарин в письме к Аксакову от 15. IX. 1868 г. также убеждал его хранить молчание: «Вчера я получил «Моск. вед.» и прочёл в них статьи об «Окраинах России», вероятно, произведение Моллера. Как хорошо, что трескотня из-за них началась не в

не быть первым, осмелившимся перепечатывать отрывки из книги Самарина. Зато после выступления влиятельных «Моск. вед.» Аксаков, — один из ближайших друзей и соратников Самарина по славянофильскому лагерю, поддерживавший его антиостзейскую программу, напечатал в «Москве» ряд больших и чрезвычайно резких по тону статей в подробном изложении «Окраин России».³⁵³ Это было, вероятно, наиболее полное изложение книги Самарина в русской печати. Аксаков расценивал «Окраины России», как «ответ настоятельному запросу нашего времени». «Эта книга — гражданский поступок, заслуга перед всей Россией и её государем». Это — правда о Прибалтийском крае, основанная на точных данных, неопровержимых исторических свидетельствах и документах администрации.³⁵⁴

Не отстал от «Москвы» и другой видный антиостзейский орган — «Голос».³⁵⁵ зачастую перепечатывавший большие отрывки из книги, даже не упоминая источника (это вызвало, между прочим, возмущение Аксакова в письме к Самарину от 1. X. 1868³⁵⁶).

Вслед за этими ведущими органами печати на книгу Самарина откликнулись в той или иной форме почти все русские столичные и часть русских провинциальных газет — и «Русский», и «Биржевые вед.» и даже «Новое время», не осмелившееся в данном вопросе идти против общего потока.³⁵⁷ И. С. Аксаков, оправдываясь позже перед сенатом, писал: выписки из книги Самарина «делались одновременно как в «Москве», так и в «Московских Ведомостях», в «Голосе», в «Биржевых ведомостях» да и во всех русских газетах и журналах»³⁵⁸

На книгу Самарина откликнулись и русские журналы. «Вестник Европы», изложив вначале содержание книги,³⁵⁹ откликнулся в следующем номере рецензией на неё, впрочем, довольно критичной на фоне всеобщего

«Москве» и не от твоего лица. Убедительно прошу молчать и молчать. Во всех отношениях это будет лучше и для самого дела и для меня лично. «Москве» уже довольно терпела от меня» (РО ГБЛ, ф. 265, папка 38, № 2, л. 246).

³⁵³ См. Москва, 10. IX. 1868, № 127; 11. IX. № 128; 12. IX., № 129; 13. IX., № 130 (Московский цензурный комитет нашёл, что автор этой статьи «не ограничивается пивведением особенно резких мест из книги г. Самарина, но старается ещё более усилить их своими пояснениями и при этом постоянно обращается с едкими укорами ко всем распоряжениям правительства». ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3. № 425, л. 350 об.); 21. IX., № 136; 24. IX., № 138; 25. IX., № 139; 28. IX., № 141. Выдержки из книги Самарина содержались и в ряде других статей «Москвы».

³⁵⁴ Москва, 10. IX. 1868. № 127 (передовая).

³⁵⁵ См. Голос, 24. IX. 1868, № 264 (Объединение окраин России, статья 2-я): 25. IX., № 265 (то же, статья 3-я): 28. IX., № 268 (то же, статья 4-я); 6. X., № 276 (Органы немецкой балтийской печати); 9. X., № 279 (Эстляндские сельские батраки, статья 1-я); 20. X., № 290 (то же, статья 2-я); 5. XI., № 306 (то же, статья 3-я). Особенное возмущение Главного управления по делам печати вызвали последние статьи, напечатанные уже после официального запрещения книги и после сделанного редактором газет «вычисления» о недопустимости обсуждения труда Самарина — см. об. этом: ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 5, лл. 519 об — 520, 561—562 об.

³⁵⁶ См. РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 121 об.

³⁵⁷ См. Новое время, 30. IX. 1868, № 191 — «Г. Самарин подарил нас превосходным сочинением о балтийских немцах. Трудно было написать что-либо более популярное при теперешнем настроении всех оттенков общественного мнения. Мы охотно рукоплещем г. Самарину наравне с прочими газетами, с которыми мы однако во многом не соглашаемся».

³⁵⁸ Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, ч. II, стр. 56.

³⁵⁹ См. Вестник Европы, 1868, ноябрь (Ежемесячная хроника, 1-го ноября 1868).

восхваления книги³⁶⁰. Во «Всемирном труде» (1868, ноябрь) появилась статья Михеля Веялугаса (М. А. Загуляева) «Прибалтийские илоты», написанная на основе второго выпуска «Окраин России», вышедшего одновременно с первым; в этой статье книга Самарина сравнивается с прославленной «Хижинной дяди Тома» Бичер-Стоу, а положение прибалтийского крестьянина с положением негров-невольников в Америке.³⁶¹ Статья М. Веялугаса была опубликована уже после сделанного «по высочайшему повелению» предупреждения редакторам периодических изданий, вызванного книгой Самарина. Поэтому когда номер журнала был представлен в цензuru, цензор потребовал изменения статьи, но редактор журнала внёс в неё лишь незначительные коррективы, что вызвало целое цензурное дело, обсуждавшееся на заседании Совета Главного управления по делам печати 31 декабря 1868 г. Дело закончилось благополучно, благодаря следующему обстоятельству: «Председательствующий нашёл, что действительно дать предостережение по поводу книги Самарина, значило бы снова вызвать замолкающие о ней толки».³⁶²

Из этого же цензурного дела мы узнаём и о том, что в «Отеч. записках» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Шедрина в ноябрьском номере за 1868 г. должна была появиться статья А. М. Унковского о книге Самарина, но цензурное ведомство посоветовало редактору исключить эту статью, что и было сделано — видимо, Некрасов не хотел рисковать журналом из-за статьи по остзейскому вопросу, мало интересовавшему русскую демократическую печать. Впрочем, статья Унковского, вероятно, заключала не только соображения об остзейских делах, ибо, как заметил председательствующий на заседании, в этой статье «заклучались намёки на необходимость представительного правления».³⁶³

Были и другие отзывы о книге Самарина на страницах русских журналов. Книга Самарина привлекала внимание русской прессы и в следующем году в связи с многочисленными возражениями и памфлетами против неё в германской печати.³⁶⁴

Не меньший резонанс вызвали «Окраины России» в широких кругах русского общества и даже в высших правительственных сферах. Уже 21 сентября 1868 г., когда в Москве и Петербурге было получено лишь несколько экземпляров книги, И. С. Аксаков отмечал в письме к Самарину: «Впечатление, производимое выписками из твоей книги на публике, огромное; я знаю это потому, что редакцию просто осаждают запросами — где можно достать книгу, хоть за какие бы то ни было деньги».³⁶⁵ Со слов Л. М. Оболенского, видевшегося с канцлером кн. А. М. Горчаковым в Валенбадене, стало известно, что «Горчаков уже прочёл книгу и объявил Оболенскому: (...) Конечно, на многое можно возразить, но зато многое он (Самарин — С. И.) осветил совершенно в новом свете, — я на многое

³⁶⁰ См. Вестник Европы, 1868, декабрь. Рецензия анонимна.

³⁶¹ Первую книгу Самарина с романом Бичер-Стоу сравнил М. П. Погодин в статье «Остзейский вопрос» (Русский, 16. X. 1868, № 80), где он, между прочим, отмечает, что мысли Самарина совершенно созвучны его мыслям, высказанным ещё в программной статье альманаха «Утро» за 1866 г.

³⁶² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 5, л. 612 об.

³⁶³ Там же, лл. 612 об. — 613.

³⁶⁴ См., напр.: Моск. вед., 20. IX. 1869, № 205 (передовая в связи с изданием немецкого перевода Ю. Эккардта «Окраин России» с его предисловием и комментариями).

³⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 117 об. Ср. в дневнике А. В. Никитенко запись 28 сентября 1868 г.: «Читаю, наконец, «Окраины» Юрия Самарина. Эта книга доказывает, что и у нас есть люди, хотя их и немного, с государственным умом и характером. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть без аффектации, убедительно и красноречиво», А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, Гослитиздат, 1956, стр. 133.

взглянул теперь иначе.»³⁶⁶ Как мы узнаём из того же письма, канцлер в разговоре с Оболенским стал развивать мысль о необходимости подчинения Прибалтики общерусским государственным началам, о необходимости ликвидации особого остзейского режима и даже рассказал о том, как бы он, Горчаков, это сделал. Это важно отметить потому, что Горчаков был до тех пор известен как сторонник остзейцев в придворных кругах. Впрочем, представители антиостзейского лагеря не слишком доверяли изменившемуся отношению Горчакова к прибалтийским делам — в письме Аксакова к Самарину от 1. X. 1868, основанном на сведениях, полученных от Ф. И. Тютчева, находим характерное высказывание: «Канцлер отзывается о самаринском издании с большой похвалой и сознаётся, что он узнал из него много нового (а правильное, вовсе неожиданного), уверяет даже, что он дал знать влиятельным лицам остзейского края, что если они самым положительным образом не выскажутся в смысле (...) органической солидарности с Россией, то чтобы они не рассчитывали на его сочувствие... Но всё это, разумеется, одни слова.»³⁶⁷ Но, видимо, какой-то сдвиг во взгляде Горчакова на остзейский вопрос в конце 60-ых гг. действительно имел место, что, вероятнее всего, связано с опасностью со стороны всё усиливающейся Германии, опасности, которую Горчаков, как опытный дипломат, прекрасно видел.

Из этих же писем И. С. Аксакова мы узнаём, что ряд мер против предполагавшегося издания книги Самарина ещё ранее предприняла великая княгиня Елена Павловна, вюртембергская принцесса, жена Михаила Павловича (брата Николая I), чей салон в Петербурге был одним из активных центров поддержки остзейцев³⁶⁸. Выход же книги в свет вызвал в проостзейских да и даже в нейтральных по данному вопросу кругах, близких ко двору и правительству, бурю негодования. Об отношении официальных русских властей в Прибалтике к книге лучше всего говорит письмо Альбединского к Шувалову, написанное в июне 1869 г., когда уже страсти улеглись, и связанное с появлением антисамаринской брошюры Ширрена: «я нахожу, что ни Самарин, ни Ширрен не могут служить для нас руководящею нитью. Один хочет сделать из Прибалтийских губерний чисто русские, подобные какой-нибудь Смоленской или Калужской, но это не может сделаться так скоро, как он того желает, и теми способами, какие предлагает, да и едва ли вообще возможно; другой требует создания из Лифляндии и Эстляндии, а по возможности, и из Курляндии, отдельных княжеств под русским скипетром — притязание столь бессмысленное и противное истории и русскому народному сознанию, что даже тень чего-нибудь подобного в правительственных действиях не может остаться без ужасающих последствий».³⁶⁹

Цензурные власти уже в конце сентября решили запретить книгу Самарина в России. Но этот запрет, как явствует из письма члена Главного управления по делам печати Ф. И. Тютчева к Аксакову, не был особенно строгим, что обусловлено тем затруднительным положением, в какое были поставлены власти в связи с перепечатками из книги в русских газетах. И. С. Аксаков отмечал: «теперь запретить, после того как, благодаря выпискам, внимание всей России приковано к этой книге, — значит произвести величайший скандал. С другой стороны — терпеть в русской печати, дозволить обнародование всего того, что содержит твоя книга, через газеты — это значит признать полную свободу печати... Фед. Ив. Тютчев пишет, что доза, заданная московскими газетами, кажется, уже слишком сильна и надо ожидать какой-нибудь общей законодательной меры, ограничивающей права

³⁶⁶ РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 117 об.

³⁶⁷ Там же, л. 119.

³⁶⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, лл. 117 об — 118. О салоне Елены Павловны, как одном из центров проостзейской партии в Петербурге, см.: Baron R. Staël von Holstein, ук. соч., стр. 160—161; A. Tobien, ук. соч., стр. 144—146; H. Kruus, Eesti ajaloo XIX sajandi teisel poolel, стр. по именному указателю.

³⁶⁹ РО ГПБ, ф. 16.

периодической печати, — но формулировать эти ограничения будет довольно трудно».³⁷⁰ Со слов Тютчева Аксаков писал автору «Окраин России»: сборник «не будет допущен в продажу, но разрешено выдавать его, не стесняясь, желающим <...> Полумера — но знаменательная. Мне сдаётся, что впечатление было сильное, нечто вроде откровения, и что оно отзовется на деле. Но надо дать время лекарству подействовать на организм».³⁷¹

Александр II, всегда с большой симпатией относившийся к верному остзейскому дворянству, оплоту правительства в борьбе с революцией, был в числе тех, кто был возмущён книгой Самарина. По его указанию московский генерал-губернатор сделал строгий выговор Самарину, вызвавший его известное «Всепоподданнейшее письмо к императору».³⁷² Царь также нашёл совершенно недопустимым широкое обсуждение книги в печати, и редакторам газет было сделано соответствующее внушение (о нём ниже). Единственной же жертвой оказалась газета «Москва», вообще подвергавшаяся непрерывным цензурным преследованиям; впрочем, как отмечал демократический журнал «Дело», «почти все предостережения давались г. Аксакову не столько за *сущность* его убеждений, сколько за неприличие *формы*, в которой они проявлялись, а также и за его нападки на <...> административную власть».³⁷³ Действительно, Аксаков, в сущности, защищал русскую буржуазно-дворянскую государственность, самодержавие, православие, он лишь хотел «подправить» существующий порядок с позиций своего славянофильства и именно в интересах его «подправления» критиковал правительство и политику царизма, но эта критика велась порою в чрезвычайной резких тонах, что и вызывало цензурные преследования. Статьи о книге Самарина в «Москве» послужили одним из основных поводов для фактического запрещения газеты.

Правительство в 1867—68 гг. неоднократно предпринимало попытки прекратить обсуждение остзейского вопроса, и все эти попытки неизменно оканчивались полной неудачей, тем более, что правительство не осмеливалось (если не считать истории с газетой «Москва») на строгие репрессивные меры против консервативной и либеральной прессы, выступавшей с «патриотических» позиций защиты интересов России, государственного единства. В 1869 г. правительство уже не принимает больше серьёзных мер против полемики по остзейскому вопросу.

Но в 1867 г. правительство ещё думало иначе. 1 октября 1867 г. последовало конфиденциальное предписание Начальника Главного управления по делам печати за № 2682, вменявшее в обязанность цензурным комитетам предупредить редакторов периодических изданий о недопустимости продолжения нападков на остзейцев и полемики с прибалтийской печатью, тем более, что последние запрещены всякие выступления против русских газет. Цензурным комитетам рекомендовалось принимать меры к недопущению полемики по остзейскому вопросу, что вряд ли могло привести к желательным результатам, поскольку большинство столичных газет и журналов выходило без предварительной цензуры. И. С. Аксаков в письме к Ю. Ф. Самарину от 28 октября 1867 г. рассказывает об этом правительственном распоряжении: «На днях были делаемы мне и Каткову личные внушения местной власти о том, что желательно было бы оставить полемику и «стусевать» вопрос. На это я отвечал, что, прекращая всякую полемику с немецкими балтийскими газетами, я не могу прекращать с иностранной журналистикой, что

³⁷⁰ Письмо И. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину от 21. IX. 1868, РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 117.

³⁷¹ Письмо И. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину от 1. X. 1868, там же, л. 119.

³⁷² См. Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, стр. IX—XXVII. О благожелательном отношении Александра II к остзейцам см.: А. Тобиен, ук. соч., стр. 81—85.

³⁷³ Дело, 1868, № 6, стр. 73 (Внутреннее обозрение). Ср. также: А. В. Никитенко, Дневник, т. 3, стр. 123—124.

теперь наша русская позиция есть позиция оборонительная, а не наступательная. Теперь я употребляю такой приём: делаю выписки из иностранной газеты и возражаю, вступаясь за оскорблённую честь России и русской власти. Впрочем, кажется, было бы полезным теперь всячески сводить прибалтийское дело с пьедестала «Остзейского вопроса» <...> на сей высоте он пугает правительство так, что оно готово вступить с ними (остзейцами — С. И.) в разные компромиссы; его бы надо разжаловать в домашнее дело, с которым <...> нечего и церемониться.³⁷⁴ Аксаков, Катков и другие публицисты довольно последовательно применяли вышеохарактеризованный приём, и полемика отнюдь не прекратилась.

Правительство вынуждено было прибегнуть к новой мере. В «Сев. почте» (9. XI. 1867, № 246) была помещена официальная статья, выражавшая точку зрения правительства на полемику по остзейскому вопросу. В статье отмечалось: «Возникшая и непрекращающаяся по этому предмету полемика неоднократно принимала вредные по своей раздражительности формы и обнаруживала крайность взглядов и направлений, одинаково несоответствующих существу дела, видам правительства и общим государственным пользам. Поверхностная оценка действующих постановлений, опрометчивое осуждение системы законодательства и управления предшедших царствований, произвольное и оскорбительное сравнение дел Прибалтийских губерний с делами Западного края, возбуждение неосновательных подозрений и распространение неосновательных нареканий вошли в обычай». В результате, правительственным мероприятиям в Прибалтике даётся неверная оценка, а среди местного населения возникают «ошибочные опасения» относительно нарушения правительством его «законных прав». Далее «Сев. почта» доказывала, что распространение русского языка в крае, введение общих начал государственного единства не нарушает этих прав местного населения, правительство не сомневается в преданности остзейцев «престолу и отечеству» и не собирается преследовать немецкий язык и лютеранство. Заканчивалась передовая статья угрозой по адресу русской печати, что «возбуждение племенной неприязни, систематическое порицание завещанных временем и временем освященных особенностей, упорное заявление подозрений и недоверия и всякое усилие восстановить один класс общества против другого или одну часть населения против другой», допускаемые русскими газетами и журналами, терпимы быть не могут и вызовут, в случае повторения, строгие репрессивные меры правительства.

Статья в «Сев. почте» вызвала восторг в немецкой прессе. Русская же печать, не сговариваясь, прибегла к единой тактике, к единому приёму: она стала утверждать, что точка зрения правительства, выраженная в статье, полностью совпадает с точкой зрения русских газет и журналов, что последние никогда не выступали вообще против немецкого языка и протестантизма в крае, всегда доказывали пользу для самих остзейцев введения русского языка и русских государственных начал (суда присяжных, земельной реформы и т. д.) в Прибалтике.³⁷⁵ Аксаковская «Москва» пошла ещё дальше и постаралась уверить публику в том, что выступление «Сев. почты» направлено не против русской печати, а против ... немецкой, которая возбуждает словесную и национальную ненависть и допускает «крайность взглядов».³⁷⁶ Это уже было откровенное извращение прямого смысла официальной статьи, которое цензура верно расценила как иронизирование над правительственным распоряжением.³⁷⁷ Нужно отметить, что сама «Сев. почта» была несколько напугана теми проявлениями восторга, которые выказали остзейцы в связи со статьёй в № 246, и поспешила для успокоения русского общест-

³⁷⁴ РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, лл. 112 об. — 113.

³⁷⁵ См., напр., Моск. вед., 3. XII. 1867, № 265 (передовая); Отеч. зап., 1867, т. CLXXV (Полит. хроника. 14-го ноября).

³⁷⁶ См. Москва, 14. XI. 1867, № 179 (передовая).

³⁷⁷ См. Отношение Моск. ценз. Комитета в Главное управление по делам печати от 15. XI. 1867 за № 479, ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 425, лл. 175—177 об.

венного мнения в № 266 (5. XII. 1867) перепечатать статью из «Моск. вед.» (3. XII. 1867, № 265), где Катков как раз доказывал, что заграничная пресса неверно оценила выступление «Сев. почты», что русская печать всегда утверждала то же и призывала к тому же, к чему призывает и что утверждает официальный правительственный орган.

Но и это официальное предостережение «Сев. почты» не привело ни к каким ошутимым результатам. В 1868 г. после выхода в свет книги Самарина «Окраины России» полемика по остзейскому вопросу, обсуждение положения в Прибалтике достигает своего апогея. В многочисленных откликах на «Окраины России», в других статьях были подробно обсуждены все вопросы, связанные с остзейской проблемой. Всё это заставило правительство ещё раз прибегнуть к мерам воздействия на печать, о которых мы вкратце уже упоминали выше. Александр II, крайне раздражённый статьями в русской прессе о книге Самарина, лично рассматривает 27 сентября 1868 г. проект официального письма министра внутренних дел к московскому генерал-губернатору кн. В. А. Долгорукову «о приглашении редакторов «Московских Ведомостей» и «Москвы» воздерживаться от резкой полемики». На следующий день письмо было подписано А. Е. Тимашевым и отослано в Москву; одновременно министр сделал соответствующее внушение редакторам петербургских газет. Приводим текст письма Тимашева.

«Гос<ударь> Император», обратив внимание на усвоенную с некоторого времени нашими периодическими изданиями крайне резкую полемику, которая, избирая своим предметом преимущественно положение дел и управление в западных и прибалтийских губерниях, принимает характер систематического осуждения и нередко извращения действий местной администрации, не избегая даже оскорбительных укоризн против лиц, обличенных особым монаршим доверием, — изволил выразить мне своё неудовольствие за допущение таких злоупотреблений печатным словом.

Вследствие сего, сделав соответственные распоряжения относительно изданий, выходящих в СПб, я считаю себя обязанным обратиться к В<ашему> Си<ятельству> с покорнейшею просьбою взять лично на себя труд поставить вышеизложенное на вид редакторам «Московских Ведомостей» и «Москвы», пригласив их воздерживаться от вышеуказанного направления, которое подрывает необходимое уважение к власти и доверие к ней населений и вносит в общество смуту, рознь и раздражение, плодя, таким образом, для правительства новые затруднения, ослабляя желаемое действие принимаемых им мер и замедляя осуществление его предначертаний, имеющих в виду те самые интересы, за которые, по-видимому, ратуют газеты. При этом благоволите предупредить их, что если и за сим их деятельность будет проявляться в том же крайнем направлении, и именно не в духе спокойного и зрелого обсуждения текущих вопросов, а в духе вражды и озлобления против лиц и даже против целых классов общества, — я вынужден буду, по обязанностям на меня возложенным, принять зависящие от меня меры, чтобы этому крайнему направлению положить предел».³⁷⁸

5 октября 1868 г. В. А. Долгоруков доносил Тимашеву об исполнении данного предписания. И Катков и Аксаков оправдывались тем, что «оскорбительные для русского патриотизма сочинения г. фон-Бокка, распространяемые свободно в г. г. Риге и Митаве, невольно вызывали на резкие протесты».³⁷⁹ «Относительно же разбора книги Самарина «Окраины России» и Катков и Аксаков отозвались тем, что они считали эту книгу дозволенною в России, так как о запрещении её не было им известно».³⁸⁰ Оба редактора обе-

³⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 124, лл. 342—342 об.

³⁷⁹ Там же, л. 344.

³⁸⁰ Там же, лл. 345—345 об. Само собой разумеется, это была не то чтобы сознательная ложь, но своего рода игра в наивность. Аксаков отмечал в одном из писем, рассказывая о перепечатке в «Москве» отрывков из книги Самарина: «Преследовать нас за это нельзя, ибо нам не объявлено, что книга запрещена: ведь запрещают они секретно и не терпят в этом отношении огласки» (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 117).

щали в дальнейшем «полемизировать без раздражения» и «быть умереннее».³⁸¹

Но и это ни к каким определённым результатам не привело — полемика продолжалась едва ли не в прежнем тоне. В 1869 г. правительство уже отказывается от каких-либо общих мер к прекращению обсуждения остзейского вопроса, ограничиваясь предупреждениями в адрес отдельных органов печати — старому средству, неоднократно применявшемуся и ранее.

II. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ ОСТЗЕЙСКОГО ВОПРОСА.

1.

Как мы видели, в полемике по остзейскому вопросу приняли участие почти все как ведущие, так и второстепенные органы русской либеральной и консервативной прессы. При этом подавляющее большинство газет и журналов встало на антиостзейскую позицию. К концу 1860-ых гг. образуется довольно сплочённый в отношении к данному вопросу, хотя и разношерстный антиостзейский лагерь в русской прессе, базирующийся, как правило, на единой теоретической основе — на теории государственного единства, наиболее полно разработанной М. Н. Катковым. В этот лагерь входят «Моск. вед.» с ее фактически самостоятельным приложением «Современная летопись», славянофильские «Москва» И. С. Аксакова и «Русский» М. П. Погодина, петербургские органы либеральной прессы «Голос», «С.-Петерб. вед.», «Бирж. вед.», «Вестник Европы», а также «Русские ведомости», «Современные известия», ряд более мелких изданий типа «Деятельности» и «Петербургского листка», все православные духовные журналы (кроме «Радуги» А. Бюргера) с примыкающей к ним «Домашней беседой» В. И. Аскоченского.

Центральным органом антиостзейского лагеря были, без сомнения, «Моск. вед.», с 1863 г. перешедшие в руки М. Н. Каткова. Правда, в 1863 г., в связи с польскими событиями, газета мало интересовалась остзейскими делами, зато, начиная с передовой статьи в № 97 за 1864 г. по поводу выступления Вальтера, остзейский вопрос становится одним из основных в газете и ему уделяется чрезвычайно много внимания. Если вначале, даже при обсуждении выступления Вальтера, тон газеты был довольно умеренным³⁸², то очень скоро «Моск. вед.» перешли

³⁸¹ Аксаков в письме к Самарину от 11. X. 1868 г. рассказывает о приёме у князя Долгорукова: «Князь неоднократно повторял, видимо, только что привезённое им из Петербурга внушение: «очень ведь все эти бароны там сердятся...» Распространился здесь и действительно слух, будто служащие бароны грозят выдти в отставку и эта угроза (которую они никогда не исполняют) очень смущает в Петербурге» (РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, № 48, л. 121).

³⁸² В этом отношении характерна, напр., корреспонденция Х. «Из Петербурга» — см. Моск. вед., 3. VI. 1864, № 122.

к резкой критике особого остзейского режима, как противоречащего интересам России, и прибалтийского дворянства, как склонного к сепаратизму и стремящегося к объединению края с Германией. Принципиальная теоретическая установка, с позиций которой на страницах «Моск. вед.» обсуждался остзейский вопрос, уже выше выяснена.³⁸³

Ведущую роль «Моск. вед.» в антиостзейском лагере прекрасно понимали и немецкие органы печати. «Rig. Zeit.» однажды подсчитала, что в 1865 г. в русской печати появилось 98 статей (заметки, корреспонденции, письма здесь, видимо, в счёт не шли), содержащих «нападки» на остзейские губернии, из них около 40 приходится на долю «Моск. вед.»³⁸⁴ В «Kreuzzeitung», «Allgem. Zeit.» и «Köln. Zeit.» в 1866—67 гг. неоднократно высказывалось мнение, что правительственные меры по русификации Прибалтики предприняты в угоду «ультра-русской партии», основным органом которой являются «Моск. вед.». Это справедливо лишь отчасти, но здесь верно подчеркнуто значение «Моск. вед.» в антиостзейском лагере.

Видными антиостзейскими органами были также газеты И. С. Аксакова «День» (1861—1865) и «Москва» (1867—1868). Но критика особого остзейского режима здесь велась с иных позиций, нежели катковская. Теория государственного единства Каткова для Аксакова неприемлема, ибо она означает поддержку современной российской государственной машины, которая, по Аксакову, построена на не-русских началах и которую надо изменить в славянофильском духе — в духе «исконных» национальных традиций допетровской Руси. Отсюда характерное признание И. С. Аксакова в письме к В. И. Ламанскому от 14. XII. 1864 г. о Каткове: «Он хорошо делает, что обличает немцев, но во имя чего, собственно, он их обличает? Все во имя той государственной мощи, которая прежде всего сама должна быть обличена в немечестве».³⁸⁵ С этих позиций борьба с особым остзейским режимом и остзейским дворянством была для Аксакова лишь частью борьбы с «внутренними немцами», с построенной на неверных, не-национальных, по его мнению, осно-

³⁸³ См. об этом: наст. изд., стр. 28—30, 36.

³⁸⁴ См. об этом: Моск. вед., 12. I. 1866, № 8 (передовая).

³⁸⁵ РО ИРЛИ, 2968, Хм 8, л. 3 об. Ср. в письме И. С. Аксакова от 14. III. 1865 г., вероятно, М. О. Кояловичу: «Ламанскому нужно приехать в Москву и несколько очиститься. Это необходимо всякому порядочному человеку после двух-трёх лет житья в Петербурге <...> Я боюсь, что Ламанский ударится в славянофильство — ненависть к немцам. Это чисто петербургское славянофильство. Там Русский понимается только как не-немец. Борьба происходит не между немцами и русскими, а между немцами и немцами. Ненавистнее должно быть нам остзейского края — сам Петербург. Странна борьба против немцев под знаменем Sanctpetersburg 'a! Немцев травить надо в нас самих; в каждом из нас сидит немец, — а что такое Sanctpetersburg, как не воплощение немецкого начала на русской почве! Катковское государственное единство и цельность <...> есть чисто немецкое понятие, немецкий идеал государства» (РО ИРЛИ, 2969, Хм 9, лл. 3—4).

вах государственной системой, которую надо «подправить» согласно славянофильским рецептам. Но нужно отметить, что это не снижало резкости и остроты выступлений газет Аксакова против остзейцев, хотя и приводило иногда (особенно у Самарина) к открытым призывам к обрусению края.

Москва, точнее, её пресса вообще шла впереди Петербурга в критике остзейских порядков. Это, кстати, многократно отмечала и немецкая печать, характеризуя антиостзейские выступления как московские. В Петербурге ведущими антиостзейскими органами были «Голос», «С.-Петерб. вед.» и «Русский Инвалид». Особенности их первоначальной точки зрения на остзейский вопрос, причины их антиостзейских выступлений, как и более поздний переход на катковские позиции, нами были уже выше рассмотрены.³⁸⁶ Но позиция этих органов печати по вопросу о положении в Прибалтике на протяжении 1860-ых гг. не была неизменной.

«Голос» начал в 1863 г. едва ли не как проостзейский орган, и в течение 1864—65 гг. его позиция отличалась неопределенностью, изобиловала выступлениями и за и против остзейцев — это, без сомнения, связано с тем, что газета А. А. Краевского в это время получала правительственную субсидию и должна была согласовывать свою позицию с правительственной.³⁸⁷ Но с конца 1865 г. «Голос» является беспощадным избивателем баронов в остзейских губерниях», как писал Катков в «Моск. вед.»,³⁸⁸ прямо связывая изменение направления газеты с прекращением субсидий. Во второй половине 1860-ых гг. «Голос» — один из основных антиостзейских органов, непрерывно и чрезвычайно резко атаковавший особый остзейский режим и критиковавший местных баронов.

В конце 60-ых гг. устанавливается почти полная солидарность «Голоса» в остзейском вопросе с «Моск. вед.» Каткова. Однако, при этом, если выступления «Моск. вед.», при всей их антинемецкой направленности и при открыто иезуитских приёмах критики прибалтийских немцев, всё же в какой-то мере носили по форме корректный характер, то «Голос» отличался откровенной бестактностью, ухарски-нагловатым тоном своих «разгромных» статей по остзейскому вопросу. Именно его выступления нередко превращались в насмешки над немцами вообще, в издевательство над немецкой образованностью и культурой (ср. частые фельетоны Нила Адмирари — Л. К. Пянтютина — на страницах газеты).

³⁸⁶ См. об этом: наст. изд., стр. 30—32, 36—38, 79—80.

³⁸⁷ См. об этом: М. Лемке, Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, СПб., 1904, стр. 239—244; Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л., 1929, стр. 132—133. С правительственными субсидиями «Голосу» связано сатирическое стихотворение Некрасова «Легенда о некоем покающемся старце» — см. Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. II, М., Гослитиздат, 1948, стр. 509—511.

³⁸⁸ Моск. вед., 16. I. 1866, № 12 (передовая).

Но в программных выступлениях «Голос» на словах всегда стоял на либеральных позициях, утверждая в духе типичной либеральной демагогии тех лет, что он защитник угнетённых прибалтийских крестьян, борец за их права. Подводя итоги 15-летней деятельности газеты, её бывший сотрудник В. О. Михневич писал: «Известна горячая полемика «Голоса» с немецкой (остзейской) печатью по вопросу о прибалтийских окраинах и его проповедь об усилении русского элемента в этом крае. Нужно при этом заметить, что в своей пропаганде «национальной» политики «Голос» прежде всего являлся сторонником интересов народа, обойдённой в своих правах массы, против привилегированного влиятельного меньшинства, которому племенная обособленность и провинциальный партикуляризм служили орудием для эксплуатации. Таким образом, ратуя против польской шляхты, против остзейского рыцарства, «Голос» становился на сторону угнетённых польских крестьян в одном случае и не менее угнетённого эстляндского населения в другом».³⁸⁹

«Русский Инвалид», наоборот, лишь в 1864—65 гг. занимал активную антиостзейскую позицию, благодаря деятельности группы сотрудников во главе с С. П. Зыковым и покровительству Д. А. Милютина. Но с 1866 г. позиция газеты меняется: её отношение к остзейским порядкам продолжает оставаться отрицательным, но от активных выступлений против них газета отказывается и материалов о Прибалтике на её страницах вообще мало. Это связано, видимо, с нажимом высших правительственных кругов, едва ли не самого императора, указывавших на недопустимость в официальном правительственном органе столь резких критических выступлений против особого остзейского режима.³⁹⁰

Либеральной неопределённостью и половинчатостью отличалась на протяжении почти всех 1860-ых гг. позиция «всероссийской пенкоснимательницы» — «С.-Петерб. вед.» Этот порою довольно активный антиостзейский орган стремился неизменно сохранять тон беспристрастности и объективности, не запятнать себя единством с правой катковской печатью. В 1865 г. «С.-Петерб. вед.» были одним из немногих либеральных органов, дававших на своих страницах место как антиостзейским, так и проостзейским выступлениям.³⁹¹ Либеральная распливчатость и

³⁸⁹ Пятнадцатилетие газеты «Голос», СПб., 1868, стр. XXVIII.

³⁹⁰ См об этом выше: наст. изд., стр. 37.

³⁹¹ <Никола>й <Литк>е писал по этому поводу на страницах газеты: «Не могу не заметить, что «СПб. Вед.» почти единственная газета, которая сохранила в настоящее время гонения на немцев достаточно хладнокровия и беспристрастия, чтобы, не увлекаясь общим потоком брани на прибалтийский край, давать иногда место в своих столбцах голосу, защищающему этот край». Это тем более достойно внимания, «что редакция «СПб. Вед.» вовсе не разделяет мнения защитников остзейского края» (С.-Петерб. вед., 3. V. 1865, № 108).

неопределённость привели к тому, что в 1867 г., напр., газета, ввиду той решительной и нетерпимой позиции, которую занимали катковские и славянофильские органы печати, а также «Голос», даже ослабила критику остзейских порядков.³⁹² Но в конце 1868—1869 гг. газета опять принимает деятельное участие в борьбе с особым остзейским режимом.

На «Бирж. вед.» остзейцы вначале даже возлагали надежды, считая, что этот орган русских промышленных и финансовых кругов будет если не на их стороне, то, по крайней мере, займёт нейтральную позицию в полемике по остзейскому вопросу. «St.-Petersb. Zeit.» по поводу одного из антиостзейских выступлений газеты в 1864 г. доброжелательно заметила, что это случайное грехопадение «Бирж. вед.».³⁹³ Но этим надеждам не суждено было сбыться — во второй половине 60-ых гг. (особенно в 1868—69 гг.) газета занимает вполне определённую антиостзейскую позицию, примыкает в данном вопросе к прочим органам русской печати.

Антиостзейская направленность характеризует и «Рижский вестник», орган «русских» в Прибалтике, созданный в 1869 г. при содействии русских властей в крае.³⁹⁴ Катков уже давно поддерживал идею создания русского органа печати в Прибалтике³⁹⁵ и взял газету под своё покровительство. Но нужно учесть, что «Рижский вестник», как газета провинциальная, подвергалась предварительной цензуре, причём цензуре рижской, которая беспощадно вычеркивала все материалы, носившие характер антиостзейских выступлений.³⁹⁶ Это приводило к тому, что высказывания газеты носили сравнительно умеренный характер.

Выступления русской либеральной и консервативной прес-

³⁹² В «Общем обозрении» в № 334 (3. XII. 1867) намечена типичная для «С.-Петербур. вед.» в 1867 г. крайне умеренная программа: «Для более тесного слияния прибалтийских губерний с остальной Россией нужно время, время и время, нужно медленное, но постоянное преследование определённой цели в границах политического благоразумия и терпимости. Общая и решительная ломка всего старого нарушила бы в настоящем случае такое множество укоренившихся интересов и самых условий общежития, что нельзя и желать её без той настоятельной необходимости, какая представилась, например, в западном крае».

³⁹³ Это вызвало ядовитые насмешки в русской печати — см. Русский Инвалид, I. I. 1865, № 1 (передовая).

³⁹⁴ За газету ходатайствовал генерал-губернатор Альбединский, см. его письмо от 23. XI. 1868 к А. Е. Тимашеву (ЦГИАЛ, ф. 176, оп. 4, № 123).

³⁹⁵ См. Моск. вед., 24. IX. 1867, № 208 (передовая).

³⁹⁶ А. А. Чумиков (известный педагог и журналист, автор многочисленных статей о Прибалтике) писал несколько позже, 29. IV. 1874, Ю. Ф. Самарину из Таллина: «До чего усердствуют здешние цензора! Цензор «Рижского» Вестника не только не пропускает ничего, что касается здешних устаревших порядков, но вычеркивает даже всё неприязненное для Пруссии: отзыв прусского офицера о том, что прусс. офицеры дурно обходятся с солдатами, переведённый из «Gartenlaube», не был пропущен» (РО ГБЛ, ф. 265, карт. 207, ед. хр. 43).

сы, как нам уже приходилось отмечать выше, нередко заставляли правительство обращать внимание на положение в Прибалтике, толкали его к проведению новых (чаще всего очень робких) реформ в крае. Выступления этой печати, исходившей в своей критике остзейских порядков из русского «патриотизма», из интересов российской государственности, защищавшей «честь» царской России, нельзя было оставлять без внимания. Власти в этот период нередко проявляют заинтересованность в поддержке печати, и довольно видные представители администрации специально заигрывают с либерально-консервативной прессой. Желая добиться благоприятных отзывов о своей деятельности.

В этом отношении характерно несколько эпизодов из деятельности корреспондента «Моск. вед.» А. Моллера (автора ряда статей по остзейскому вопросу на страницах катковского органа), связанного с многими влиятельными лицами в столице. 4. IX. 1869 г. он писал Каткову о том, что несколько раз встречался с министром государственных имуществ А. А. Зеленым, который, между прочим, жаловался ему на несерьезный характер проекта кувляндского губернатора Лиленфельда об основании мореходных училищ. Но наиболее интересно в этом письме сообщение о свидании Моллера в Ревеле с губернатором Галкиным. Галкин обижено заметил корреспонденту, что «Моск. вед.» его не поддерживают, совершенно не пишут о Ревеле (губернатор заинтересован в поддержке «Моск. вед.»!). На это Моллер, кстати, тесно связанный с высшими правительственными и дипломатическими кругами, ему довольно бесцеремонно заметил: его хвалят не за что, никакими важными делами (если не считать проверочной тревоги для пожарной команды, с ехидством добавляет Моллер в письме Каткову) он не ознаменовал своего пребывания на должности губернатора, даже русские в Ревеле жалуются на него.³⁹⁷ Картина, достойная внимания: корреспондент отчитывает губернатора, который, в свою очередь, добивается благосклонности газеты!

Выступления русской печати 1860-ых гг. о положении в Прибалтике сыграли важную роль и в выработке определённого общественного мнения по остзейскому вопросу. Широкие круги либеральной да и консервативной интеллигенции и чиновничества в этот период именно под влиянием выступлений русской прессы усваивают антиостзейский взгляд на прибалтийские дела. Такие взгляды находят отражение в жизни и творчестве даже многих видных русских писателей, в частности, Н. С. Лескова³⁹⁸, ставшего позже одним из горячих публицистов антиостзейского лагеря. Мы могли бы привести много фактов, говорящих о формировании такого рода настроения под влиянием выступлений печати, ибо подавляющее большинство представителей либеральной интеллигенции, конечно, непосредственно с положением в Прибалтике знакомо не было. Ограничимся двумя фактами, имеющими прямое отношение к полемике по остзейскому вопросу.

³⁹⁷ См. РО ГБЛ, ф. 120, № 22, лл. 123 об. — 124. О А. А. Моллере см.: С.-Петерб. вед., 2. I. 1880, № 2; Новое время, 3. I. 1880, № 1382 (некрологи).

³⁹⁸ Подробнее об этом см.: А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, М., Гослитиздат, 1954. Один из характерных эпизодов из жизни Н. С. Лескова описан в статье: А. Лесков, Н. С. Лесков о немцах, Знамя, 1945, № 2.

Нам уже приходилось отмечать антиостзейские убеждения И. А. Гончарова; таковы же были взгляды и другого видного цензора — поэта Ф. И. Тютчева, неоднократно оказывавшего помощь И. С. Аксакову.³⁹⁹ Вообще под влиянием выступлений прессы даже в кругах высшего цензурного ведомства — Главного управления по делам печати — утверждается представление о том, что критика остзейских порядков в русской печати справедлива и поэтому подвергать её особым преследованиям не стоит. Это не было официальная правительственная позиция — об этом свидетельствует тот факт, что нередко министр внутренних дел не соглашался с либеральными предложениями Главного управления относительно антиостзейских статей и иногда прямо вопреки его предложениям лично давал газетам предупреждения, приостанавливал их и т. д. 17 августа 1868 г. на заседании Совета Главного управления обсуждалось отношение Московского цензурного комитета о передовой статье № 91 «Москвы», в которой резко критиковались прибалтийские порядки и остзейцы, в частности, за отказ провести крестьянскую реформу по общерусскому образцу. Член Совета Стремоухов, рассматривавший статью, не нашёл в ней «преступного характера», отмеченного в донесении московской цензуры. Стремоухов посвятил, в сущности, своё выступление... оправданию «Москвы» и её статьи, критике остзейских порядков.⁴⁰⁰ Зато какое возмущение вызвала официальная записка редакторов «Rig. Zeit.» и «Rev. Zeit.» в Главное управление, обсуждавшаяся 10. IX. 1868 г.! В этой записке, адресованной в Главное управление, указывалось на неравноправное положение остзейской печати, которая в противоположность столичной русской подвержена предварительной цензуре и которой запрещено вести полемику с московскими и петербургскими газетами. Редакторы остзейских газет просили, если невозможно освободить их от предварительной цензуры, предоставить им хотя бы некоторую свободу ведения полемики с русской печатью. Совет после доклада того же Стремоухова не только отказал им в просьбе, но даже указал на «неуместность» такого обращения.⁴⁰¹

Интересный материал об антиостзейской настроенности русской либеральной общественности в этот период даёт судебный процесс над автором корреспонденции из Ревеля в «С.-Петерб. вед.» (19. VII. 1869, № 195) М. Стравинским и временным редактором газеты Сомовым по обвинению в искажении истины, клевете и возбуждении недоверия к губернскому начальству. В этой корреспонденции утверждалось, что эстляндские власти использовали жертвования для голодающих в своих корыстных целях, раздавали их не голодным крестьянам, а помещикам, ни в чём не нуждающимся. Эстляндским губернским властям удалось с помощью документов опровергнуть все обвинения Стравинского; доказать искажение им истины. Защищавший Стравинского и Сомова адвокат Спасович прекрасно понимал, что опровергнуть доводы остзейцев и доказать истинность корреспонденции невозможно. И вот он, опытный адвокат, прекрасно учитывая настроение членов суда, прибегает к иной тактике. Он начинает с рассказа о положении в Прибалтике вообще, указывает на крайне неудовлетворительное там состояние крестьян, связанное с тем, что в крае не проведена реформа типа русской 19. II. 1861 г., затем обращает внимание на обособленность края от России, на стремление правительства и общества к утверждению государственного единства. Спасович указывает на враждебное отношение остзейцев ко всему русскому и на трудность положения немногочисленных русских в Прибалтике. Он говорит, что в таких условиях резкие, порою односторонние выступления «великих колоколов печати» «С.-Петерб. вед.» и «Голоса» вполне оправданы. Всё это снимает вину и со Стравинского — вся его вина заключается только в том, что он попал в Ревель в атмосферу этой борьбы партий и воспользовался в своей корреспонденции непроверенными слухами. Далее адвокат

³⁹⁹ См. об этом: Г. Чулков, Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой, Мурановский сборник, вып. I, М., 1928.

⁴⁰⁰ См. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 5, лл. 416—416 об.

⁴⁰¹ Там же, лл. 456—467 об.

тонко намекает, что, в сущности, эти слухи правильны, ибо хорошо известно, что крестьянские общества и волостные старшины в Эстляндии находятся в полной зависимости от помещика и, следовательно, распределение денег всё равно зависело от последнего. В заключение Спасович предупреждает суд, что если он примет суровое решение по этому делу, то это отразится крайне отрицательно на обсуждении остзейского вопроса — заставит замолчать русскую печать и поднимет дух противной партии. «Если печать может принести пользу <...>, если суд находит, что газетные статьи могут быть полезны, если они могут быть употребляемы как рычаг для того, чтобы приносить какую-нибудь пользу окраинам России, если они могут содействовать в какой бы то ни было степени, согласно видам правительства и общественному мнению, улучшению хоть несколько положения бедного латыша, то я полагаю, что самое лучшее будет умеренная и весьма умеренная ответственность, если ей должен быть подвергнут Стравинский».⁴⁰² И, действительно, суд в высшей степени умеренно наказал обвиняемых, присудив их к незначительному штрафу.

Всё это достаточно ярко раскрывает перед нами влияние печати на создание определённого общественного мнения в либеральных и даже правых кругах.

2.

В конце 1850-ых гг. демократический лагерь русской прессы принимал активное участие в обсуждении остзейского вопроса, и в «Современнике», «Колоколе», в ряде вышедших за границей изданий резко критиковались остзейские порядки, в особенности, безземельное освобождение крестьян, местные рыцари — угнетатели эстонцев и латышей. «Колокол», например, систематически освещал жизнь Прибалтики, останавливаясь на таких событиях, о которых прочая русская пресса умалчивала.

Отношение русской демократической и революционно-демократической прессы к остзейцам и местному особому режиму продолжает оставаться отрицательным и в 1860-ые гг. Борьба революционных демократов за освобождение трудящихся путём крестьянской революции была вместе с тем и борьбой за освобождение эстонцев и латышей от ига остзейцев. Требование подлинной свободы для России в выступлениях революционных демократов означало и требование её для народов Прибалтики. Демократическая и революционно-демократическая печать последовательно отрицательно отзывалась об остзейских баронах и о той политике германизации, которую они пытались проводить в крае. В этом плане характерны неоднократные выступления «Колокола» о прибалтийских делах. 15. VI. 1864 в «Колоколе» появляется заметка «Für den lifländischen Adelstag hoch!», в которой Герцен резко выступил против остзейских баронов, охарактеризовав их как идеал русской бюрократии и военщины, как оплот правительства в борьбе с революцией. В заметке содержались иронические замечания по адресу суперинтендента Вальтера и ландтага 1864 г., на котором, как мы помним, были

⁴⁰² С.-Петерб. вед., 4. IV. 1869, № 93. Здесь в отделе «Судебная хроника» дан подробный отчёт о судебном процессе.

намечены мероприятия по сохранению остзейских привилегий. 15. VI. 1865 в «Колоколе» публикуется маленькая заметка об узаконенном применении розог в остзейских провинциях, это расценивается как потрясающее варварство и цинизм. Ещё 1. V. 1866 г. в заметке «Благодетельные помещики» Герцен указывал на типичное для Прибалтики явление — барон Иксуль отнял у крестьян дома и выгнал их на болото, при этом в суде крестьяне правды не нашли. Эти заметки достаточно ясно говорят об истинном отношении русской революционной демократии к остзейским баронам и прибалтийским крестьянам.

Но нужно заметить, что количество заметок о Прибалтике в «Колоколе» 60-ых гг. несравненно меньше, чем в 50-ые гг. В демократической печати в России, особенно начиная с 1864 г., вопрос о положении в Прибалтике вообще почти исчезает со страниц газет и журналов. В том оживлённом обсуждении остзейского вопроса, в той ожесточённой полемике с немецкой прессой, которая разгорелась на страницах русской печати, демократические газеты и журналы почти не принимали участия. В чём дело?

Объяснение этого факта нужно искать в обстановке общественно-политической борьбы внутри России в 60-ые гг. Основными противниками революционной демократии и примыкавших к ним демократических кругов русского общества в идеологической борьбе той поры были Катков и либералы. И вот оказывается, что именно Катков и либеральные органы печати выступают в роли активных борцов с особым остзейским режимом, с местными баронами, в роли защитников интересов прибалтийского крестьянства. Катковская и либеральная пресса выдвигает вопрос об окраинах и, в частности, после подавления польского восстания, вопрос о Прибалтике, на первый план во внутриполитической жизни России. Ради остзейского вопроса ею отодвигаются на второй план действительно актуальные проблемы внутренней жизни России — вопрос о положении русского крестьянства после реформы 1861 г., о политической свободе в России и т. д. Всё это не могло не настораживать русскую демократическую и революционно-демократическую печать и, в условиях ожесточённой политической борьбы с катковскими и либеральными идеями, не приводить, исходя из тактических соображений, к игнорированию важности остзейского вопроса, к подчёркнутому невниманию к нему (в противоположность интересу к важным политическим вопросам внутренней жизни России), к ироническому отношению к полемике по остзейскому вопросу вообще.

Особенно отрицательно относилась демократическая печать к катковской теории государственного единства, к его сепаратизмобязни, а ведь именно на этом базировалась критика остзейских порядков в консервативной шовинистической, позже и в либеральной прессе. Насмешки над сепаратизмобязнью Кат-

кова, над его борьбой с остзейцами, над полемикой по остзейскому вопросу вообще — частое явление на страницах «Современника» 1864—65 гг.⁴⁰³

Это, конечно, ни в коем случае не означает сочувствия к «преследуемым» русской печатью остзейским баронам, отказа от поддержки прибалтийских крестьян в их борьбе за землю и равноправие в гражданском отношении — об этом достаточно ясно говорят хотя бы отмеченная нами выше заметка о положении прибалтийских крестьян в «Отечеств. записках» Некрасова (1868, т. CLXXXI, стр. 152—153) или книга В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (о ней ниже). Это означает другое: в сложных условиях внутривнутриполитической борьбы 1860-ых гг., когда правые консервативные и либеральные круги сделали остзейский вопрос оружием в своих руках, доказательством своей «прогрессивности» и своего «народолюбия», демократическая общественность сознательно отказывается от использования этого оружия и, наоборот, переходит к нападкам на его применение.

Для понимания позиции русских демократических кругов в остзейском вопросе очень важны статьи журнала «Дело». Во «Внутреннем обозрении» П. А. Гайдебурова за 1867 г. (№ 12) давалась характеристика журнальной полемики тех лет. В качестве типичной её особенности автор отмечает отсутствие определённого направления у журналов и газет. Это следствие того равнодушия и той апатии в обществе, которые наступили после польского восстания (т. е. в период реакции). Теперь отдельные органы печати стремятся выделиться на общем сером и безликом фоне только с помощью резких выходов «патриотического» свойства. Считающиеся ведущим органом печати «Моск. вед.» «представляют самое печальное явление <...> Они по

⁴⁰³ См. напр.: Современник. 1864. № 5, стр. 7—9 (Литерат. мелочи). В шестом «Письме в глушь» («О размножении трихинов в окопках и заседаниях в столице») Петербургского жителя, т. е. П. М. Ковалевского, осмелывается пустопорожня болтовня в столичном обществе. Сейчас, в связи с открытием трихинов, дебатировается «животрепещущий» вопрос о том, можно ли есть на праздниках окорока или нет. «А в ближайшей книжке «Русского Слова» появится повесть, где при описании красоты и достоинств героини будет сказано: «организм её был вполне девственный — ни один трихин ещё не проникал в него». В «Дне» <...> будет напечатана статья от редакции об окончательном разложении Запада на трихины и совершенной крепости России, которая кулаком перебьёт их всех с одного маху. «Весть» припишет появление этих гнусных животных уничтожению крепостного труда: а «Московские Ведомости» — подвохом остзейских немцев и вообще «врагов отечества». «Сын отечества» перепечатает всё это на своих страницах; а «Голос» выскажет несколько свободных мыслей о копчении и кстаи обличит нескольких колбасников Большой Мещанской и Васильевского острова. «С.-Петербургские Ведомости» откроют свои столбцы для всестороннего обсуждения этого вопроса. Чепуха таким образом пойдёт страшная, и кончится тем, что «Ревельская газета» (т. е. «Revalsche Zeitung» — С. И.), обругавшая уже всех русских публицистов «баранами», выругает их «свиньями!» (Современник, 1865, № 11—12, отд. II, стр. 199).

необходимости выдохлись и потеряли всё своё влияние. Они даже не находят предметов для бесед с читателями». ⁴⁰⁴ Не лучше и другие органы печати. «Когда был кончен польский вопрос и притуплены перья по поводу различных способов обращения западного края, газеты обратили своё внимание на прибалтийских немцев. Доказывалось, что немцы в этом крае должны быть сделаны безусловно русскими, причём пускались в ход самые неприличные приёмы. Особенно отличались на этом поприще «Москва», «Московские ведомости» и «Голос». ⁴⁰⁵ Автор обозрения с явным неодобрением относится к этой проповеди русификации Прибалтики.

В другом «Внутреннем обозрении» (июль 1869 г.) Гайдебуров, выражая точку зрения редакции «Дела», ещё более резко подчеркнул, что «Моск. вед.» и другим органам консервативной и либеральной прессы не о чём говорить с читателями, потому что они боятся касаться актуальных вопросов внутренней жизни России, и им остаётся только пропагандировать дикую теорию псевдопатриотизма, согласно которой «можешь быть отчаянным взяточником, не иметь в голове ни одной здоровой мысли, можешь быть бездарным профессором или учителем, плохим чиновником, но если ты только патриот, т. е. ненавидишь поляков и немцев, то ты достойный гражданин своего отечества и заслуживаешь всякого уважения». ⁴⁰⁶ «Относительно «Московских Ведомостей» приходится заметить, что они потеряли всякую точку опоры. Сознав, наконец, решительную бесплодность отыскивать в русском обществе антинациональные элементы, они всё своё внимание обратили на русские окраины и ведут нескончаемую, скучную и ни для кого не интересную полемику с балтийскими немцами». Дальше остаётся только «открыто проповедывать негодность всех новых преобразований и необходимость возврата к прошлому застою». ⁴⁰⁷ Итак, интерес к остзейскому вопросу — это следствие отказа от обсуждения действительно актуальных вопросов русской действительности.

В 1860-ые гг. журнал «Дело» однажды попытался выступить с принципиальной статьёй по остзейскому вопросу, в которой должен был быть изложен взгляд демократических кругов русского общества на положение в Прибалтике. Это была статья Н. В. Шелгунова «Увлечение национальным превосходством», но цензура запретила её, статья осталась ненапечатанной и, видимо, затерялась. В делах Главного управления по делам печати сохранилось довольно подробное изложение

⁴⁰⁴ Дело, 1867, № 12, Внутр. обозрение, стр. 99.

⁴⁰⁵ Там же, стр. 100.

⁴⁰⁶ Дело, 1869, июль, Внутр. обозрение, стр. 3.

⁴⁰⁷ Там же, стр. 16. Ср. также статью Н. В. Шелгунова «Нечто о ненависти к немцам» (Дело, 1869, май), полную иронию по адресу «Моск. вед.» за их нападки на остзейцев.

статьи, которое даёт нам возможность восстановить её существенные черты, специфику трактовки остзейского вопроса русской демократической прессой. Приводим в отрывках докладную записку о статье С.-Петербургского цензурного комитета от 23. V. 1869.

«Статья эта написана по поводу сочинения Экгардта «Baltische und russische Culturstudien», в которой немецкий автор относится ко всему русскому в духе нетерпимости и ненависти <...> Стараясь опровергнуть такие доводы и доказать их несправедливость, Шелгунов говорит, что немецкий элемент в остзейском крае действовал только в своих эгоистических видах на счёт сил и свободы несчастных эстов и латышей, доведённых немцами до крайности <...> Обвиняя русских в разных ужасах по отношению к немцам, немцы сами поступают точно также с латышами и эстонцами. За что, спрашивает Шелгунов, вооружается Экгардт на Россию? За то, что, как он доказывает, она хочет подавить немецкий элемент. Но разве немцы поступают иначе с славянами, латышами и эстонцами? Разве не повсюду, не во всём мире совершается подобный процесс подавления одной национальности другою, одной расы другою? Почему Экгардт, вступаясь за подавляемых немцев, не вступается за подавляемых славян, за греков, подавляемых турками, за турок, подавляемых европейцами, за индейцев, подавляемых англичанами, за кабиллов, подавляемых французами, за французов, подавляемых Наполеоном?»

По мнению Шелгунова, вопрос, поставленный в эти пределы, является не частным прибалтийским вопросом, которым заинтересованы 200.000 немцев, а вопросом общечеловеческим, которым заинтересованы сотни миллионов. Это вопрос о подавлении вообще, вопрос об отсутствии вообще свободы развития и об эксплуатации всего слабого всеми более сильными. Пока, говорит он, право подавляющей силы будет служить основным принципом в действиях отдельных людей и тот же принцип будет служить руководителем общественных и международных отношений, история человечества будет такою же, какою мы знали её до сих пор, и вечно будут существовать страдающие и угнетённые национальности. Следовательно, лечить эту болезнь возбуждением национальных ненавистей то же самое, что отравленному двумя гранами стрихнина давать ещё два грана, чтобы он умер несомненно. Самодурство и подавление не есть болезнь одного какого-либо народа; это враг общий. Но вот против кого нужно действовать; а вовсе не в частности против англичан, французов, немцев, турок, русских. Все хорошо и всем нужно быть лучше.

Вследствие такого содержания статьи, в которой автор, перенося вопрос из сферы частного случая, разбираемого Экгардтом, в сферу общую, доказывает неудовлетворительное состояние политического положения всех национальностей, подавляемых будто бы гнетом превозмогающей силы, и выставляет господство этой силы принципом, определяющим в современном обществе и действия отдельных лиц и общественные и международные отношения, — Комитет <...> определил <...> статью Г. Шелгунова к напечатанию не дозволить».⁴⁰⁸

Итак, для Н. В. Шелгунова, остзейский вопрос это лишь часть вопроса об угнетении национальностей и, шире, трудящихся вообще в современном эксплуататорском обществе, и бороться надо не только против остзейских немцев, а против существующего строя в целом, против системы эксплуатации и угнетения, утвердившейся во всём мире.

⁴⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, № 398, лл. 161—163. Краткое изложение содержания статьи и отзыв о ней Лазаревского дан также в протоколах заседаний Совета Главного управления по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, № 6, лл. 143—144).

Наиболее полным изложением взглядов демократического лагеря русского общества по остзейскому вопросу в 1860-ых гг. без сомнения, нужно считать книгу В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб, 1869). В этой книге он решительно выступил против политики национального угнетения народов России, проводившейся царизмом, против политики русификации за самостоятельное национальное развитие отдельных народов. Флеровский прямо писал, что русификация является самым существенным препятствием для объединения народов России и что «самым сильным средством для объединения их с нами было бы возвышение их собственной национальности».⁴⁰⁹ Он требовал введения национальных языков в работу администрации, в школы и гимназии.

Флеровским разработана и целая программа действий в отношении Прибалтики. Он считал, что эстонцы и латыши слишком малочисленны, чтобы составить отдельное государство, они должны примкнуть к другой, более многочисленной национальности. Естественной опорой в этом отношении им должна быть Россия. «Россия славяно-финское государство; союз с Россией — единственный союз, который может придать финскому племени значение и дать ему возможность придать себе мировую известность подвигами на поприще просвещения».⁴¹⁰ Нужно создать благоприятные условия для развития латышей и эстонцев, необходимо вникнуть в их потребности и удовлетворить их; этим была бы установлена действительная связь края с Россией, которая может быть лишь непрочной из-за русификации. Прибалтийским народам надо дать возможность разговаривать с правительством на своём родном языке, обучаться в школе на этом же языке. «Здравый инстинкт самосохранения должен внушить нам мысль поднять уровень цивилизации этих племён и признать, что несравненно справедливее одному русскому чиновнику выучиться говорить по-латышски и по-эстонски, для того чтобы поговорить с полуторамиллионным населением латышей и эстонцев, чем этим миллионам латышей и эстонцев выучиваться по-русски, для того чтобы разговаривать с горстью чиновников. Инстинкт самосохранения должен нас натолкнуть на другой путь, чем тот, на котором погубили себя поляки, турки и австрийские немцы».⁴¹¹

Вместе с тем, в своей книге Флеровский подверг резкой критике остзейские порядки. Он отметил совершенную ненормальность такого положения, при котором в остзейском крае из 8.497.000 десятин удобной земли 6 168 037 десятин, т. е. более 70% земли, находится во владении помещиков.⁴¹² О неудовле-

⁴⁰⁹ В. В. Берви-Флеровский, Избранные экономические произведения, т. I, М., Соцэксгиз, 1958, стр. 199.

⁴¹⁰ Там же, стр. 200.

⁴¹¹ Там же, стр. 201.

⁴¹² Там же, стр. 604.

творительном положении трудящихся в Прибалтике говорит уже тот факт, что народонаселение в крае увеличивается очень медленно.⁴¹³ «Собственность, которая вырывает из рук работника большую часть его произведений и делает его голодным и несчастным, не может привести ни к чему другому, кроме дорогого производства; и действительно, цены в остзейском крае одни из самых высоких в России».⁴¹⁴ И это несмотря на баснословно низкую цену на труд: «20, 25 и 30 коп. за мужской день, 12 рублей в год на хозяйском содержании, и на каком содержании. Работники должны жить по четыре и пять человек в одной комнате, по 25 человек в одной избе, кормят их исключительно рожью и ячменем, только в виде праздничного подарка им дают селёдку, пшеничный хлеб и горох, пива на 25 коп. в год. Это позорно нищенское содержание кажется остзейским дворянам ещё такой дороговизной, что к нему присовокуплялись крайне стеснительные искусственные меры, чтобы помешать переселению крестьян».⁴¹⁵ Далее Флеровский ссылается на «заслужившие себе громкую известность остзейские контракты», показывая, какие широкие возможности для эксплуатации арендаторов дают они помещикам. С возмущением отмечает он, что помещикам и этого кажется мало — они полностью подчинили себе суд, мешают введению нового судопроизводства. Выход в том, чтобы «все крупное землевладение там (т. е. в Прибалтике — С. И.) уничтожилось, земли разбились бы на мелкие участки и каждый владелец обрабатывал бы землю исключительно своими руками и в свою пользу безобратно».⁴¹⁶

Такова программа демократического лагеря, с восторгом встреченная, между прочим, вождём эстонского национального движения К. Р. Якобсоном⁴¹⁷, который отмечал, что требования Флеровского совпадают с требованиями самих эстонцев, с тем, что необходимо эстонскому народу.

3.

Книга Флеровского вновь ставит перед нами сложный вопрос, связанный с остзейской проблемой, — вопрос о русификации, обрусении Прибалтики, как он понимался русской печатью 1860-ых гг. Нам уже приходилось неоднократно останавливаться на этом вопросе. Подведём теперь некоторые итоги.

В отношении русской печати к обрусению прибалтийских

⁴¹³ См. там же, стр. 305—307.

⁴¹⁴ Там же, стр. 307.

⁴¹⁵ Там же, стр. 307—308.

⁴¹⁶ Там же, стр. 309.

⁴¹⁷ См. об этом: Н. К г у с, Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel, стр. 258—259; О. М. Ш т е й н, В. В. Берви-Флеровский и К. Р. Якобсон, Вопросы философии, 1958, № 12.

народов можно наметить несколько отличающихся (впрочем, довольно слабо) друг от друга этапов. Только нужно учесть, что это деление на этапы носит чисто условный характер.

В начале 1860-ых гг. русская либеральная и консервативная печать склонна была считать, что эстонцы и латыши, видимо, не имеют перспективы исторического развития и обречены на умирание как нации. Следовательно, весь вопрос состоит только в том — онемечиться ли им или обрусеть. С этих позиций русская не-демократическая пресса решительно выступила за обрусение. Катков готов был согласиться с Вальтером, «что эсты, ливы и латыши суть племена, лишённые самостоятельной культуры и исторического значения. Мы готовы согласиться с этим, мы понимаем, что эсту или латышу, получившему образование, неловко оставаться эстом или латышом, что племя, к которому он принадлежит, не имеет ни истории, ни аристократии, ни либеральных профессий, что оно никогда не имело ни общественной организации, ни политической самостоятельности, что племенное чувство этих людей служит символом тёмной доли, грубого быта и подчинённого положения, что оно часто исчезает бесследно с переменой общественного положения, с умственным развитием и образованием. Но если школа и образование должны выводить этих людей из тесной доли скудного племенного существования и приобщать их к какой-либо великой исторической народности, то всего естественнее желать, чтоб они приобщались к народности русской.»⁴¹⁸ Такого рода убеждения высказывались в русской печати и в дальнейшем и порю довольно откровенно — см. вышецитированное высказывание Самарина на страницах «Москвы»⁴¹⁹ и обрусительные рассуждения «Голоса» в первой статье «Объединение окраин с Россией».⁴²⁰

Но когда стало ясно, что эстонская и латышская нации развиваются, образуют свои кадры интеллигенции, свои органы печати, имеют свои национальные устремления и т. д., положение

⁴¹⁸ Моск. вед., 17. V. 1864, № 109 (передовая). Ср. Эпоха, 1864, май, стр. 248—253 (Заметки Летописца).

⁴¹⁹ См. наст. изд., стр. 148.

⁴²⁰ Прибалтийская народность «представляет в глазах этнолога странную и грустную картину нации, лишённой условий своей национальности («eine nicht nationale Nation», по выражению одного немецкого писателя). И, действительно, первобытное население края, самостоятельное племя, в течение времени лишилось почти всего, что составляет национальность народа, что гарантирует его органическое развитие, так что из всех этих условий за латышским племенем (так плохо разбирающийся в национальном составе прибалтийского населения автор называет местные национальности вообще — С. И.) остались единственно язык и нравы; всё прочее улетучилось. Правда, эти два условия национальной самобытности — довольно стойкие гарантии», но при постоянном воздействии сильного и развитого немецкого элемента латыши неминуемо онемечатся, ибо они не в состоянии что-либо противопоставить этому онемечению. Единственно правильный выход для латышей и эстонцев, как считает газета — обрусение. См. Голос, 20. IX. 1868, № 260.

ние изменилось. Поскольку эстонцы и латыши оказались союзниками русских в борьбе с остзейцами, призывы к их немедленному обрусению прозвучали бы, по меньшей мере, неактивно. Отсюда призывы лишь сблизиться с русскими, Россией — и этого кажется достаточным. Тот же «Голос», печатавший во второй половине 1860-ых гг. статьи с требованием обрусения, чаще выступал в этих условиях за предоставление равноправия латышскому и эстонскому языкам с немецким, за преподавание их в гимназиях,⁴²¹ за передачу управления в крае в руки эстонцев и латышей, за развитие в связи с этим местных языков.⁴²² Катков с осуждением писал в связи с германизацией коренного населения края об особом остзейском режиме: «вместо того, чтобы создавать образованных латышей и эстов, для которых языки латышский и эстский оставались бы языками родными, а русский был бы языком государства и высшей культуры, упомянутая система создаёт людей насильственно германизированных <...> которые, будучи чужды России, отделились и от своего племени до такой степени, что отрекаются от принадлежности к нему».⁴²³ Мысль о возможном самостоятельном национальном развитии прибалтийских народов в этот период не встречает осуждения в русской прессе.

Известный подъём обрусительных тенденций можно заметить в конце 1860-ых гг. Этот подъём был связан не столько с опасениями русской печати в связи с развитием национальных движений эстонцев и латышей, сколько с несколькими преувеличенными опасениями её относительно широкого распространения и успехов германизации в крае в 60-ые гг. Эти успехи германизации (они искусственно раздувались печатью с целью воздействия на русское правительство, впрочем, позже пресса подпала, в известной мере, под гипноз собственных преднамеренно преувеличенных представлений о распространении германизма и стала уже всерьёз считать это за истину) ставили под сомнение вопрос о возможности самостоятельного национального развития прибалтийских народов и заставляли требовать усиления русификации в целях недопущения германизма.

С другой стороны, здесь влияла и сложная борьба за массы в конце 60-ых гг. Остзейцы и их защитники в Германии поняли к этому времени, что победу той или иной стороны в конечном итоге обеспечит сочувствие большинства местного населения — т. е. эстонцев и латышей. Остзейцы теперь говорят о своём единстве с эстонцами и латышами в интересах противодействия русским началам. Всё это очень пугало русских правых публицистов, которые хотя и были уверены в поддержке эстонских

⁴²¹ См. Голос, 5. X. 1865, № 260 (Остзейские дела).

⁴²² См. Голос, 12. VII. 1869, № 190 (передовая «Что делается в Эстляндии?»)

⁴²³ Моск. вед., 9. IV. 1867, № 79 (передовая).

и латышских кругов, но всё же опасались усиления немецкого влияния и выход видели в усилении русификации.

Только что указанная нами статья «Голоса» «Объединение окраин с Россией» связана именно с этими опасениями. Показательно в этом отношении и некоторое изменение в позиции М. П. Погодина. Ещё в 1867 г. он, выступая с обрусительными требованиями, в то же время делал и существенные оговорки: «Латыши и эсты желают быть по преимуществу русскими и православными, сохраняя, впрочем, свои родовые отличия, т. е. язык и обычаи».⁴²⁴ В 1868 г. в своей книге «Остзейский вопрос» Погодин уже высказывает своё печально знаменитое: «надо русить латышей и эстов во что бы то ни стало и как можно скорее». И далее, обращаясь к Ширрену и немецким публицистам: «Русификация ... но ведь вы хотите онемечения: чем обрусение грешнее, преступнее онемечения? Вы запрещаете делать нам то, к чему сами стремитесь. Позвольте же нам действовать по своему усмотрению, как мы считаем для себя полезнее».⁴²⁵ Сам Катков, достаточно умелый дипломат, умевший ориентироваться в сложной борьбе тех лет, предпочитал прямо с призывами к обрусению не выступать, хотя подспудная мысль о необходимости обрусения, об обрусении как конечном результате русской политики в Прибалтике, во многих его выступлениях чувствуется довольно явно. Это, кстати, очень быстро заметили деятели эстонского национального движения, тонко реагировавшие на малейшие оттенки в выступлениях русской печати тех лет. К. Р. Якобсон, до тех пор целиком полагавшийся на русскую консервативную и либеральную печать, как на своих союзников, не разрывая своих связей с ней, тем не менее, стал относиться к её позиции и планам с известной осторожностью.⁴²⁶

Но если Катков стремился всё же к известной умеренности и тактичности в высказывании своих обрусительных идей, то у идущих в кильватере «Моск. вед.» органов печати эти идеи выражены несравненно яснее. В них иногда уже проскальзывает мысль об опасности национальных движений прибалтийских народов для русификаторской политики царизма. Прямолинейный русификаторский характер носила, например, линия «Рижского вестника». Когда в Дерпте (Тарту) было совещание представителей латышской общественности по вопросу об учреждении высшего латышского училища и там недостаточно определённо была высказана мысль о важности обучения латышей русскому языку, «Рижский вестник» писал, требуя обрусения до конца: «сближение латышей с русскими высказывается как-то робко и нерешительно <...> Только некоторые от-

⁴²⁴ Русский, 8. V. 1867, № 14 (Полит. обозрение).

⁴²⁵ М. П. Погодин, Остзейский вопрос, стр. 111.

⁴²⁶ См. об этом: Н. Kruus, Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel, стр. 256—257.

дельные личности, покончившие все старые счёты, требуют открытого образа действий и признания безусловного слияния с русской народностью на совокупное служение русскому престолу и русскому отечеству». ⁴²⁷ В другой заметке «Рижский вестник», не осмеливаясь безоговорочно выступать за полное обрусение латышей Прибалтики, тем более решительно требовал законченного обрусения латышских переселенцев во внутренних губерниях России. ⁴²⁸

Особенно откровенный обрусительный характер носила статья Лифляндского латыша «Балтийский вестник», новая латышская газета в «Голосе» (19. V. 1869, № 137). Автор с возмущением пишет, что «редакция новой латышской газеты подымает какое-то национальное знамя латышской самостоятельности, хлопочет о развитии и возвышении латышского племени помимо всяких других, соприкасающихся ему национальностей — русской или немецкой, кладёт краеугольным камнем в основание этого развития лишь одни общечеловеческие начала справедливости и добра». ⁴²⁹ Автор не возражает против сохранения пока латышского языка, развития латышской письменности и культуры, но «пусть во всём этом им будет присуща мысль, что верховное их счастье заключается в восприятии в себя жизненного духа и жизненного начала русского народа; пусть латыши никогда не разлучаются с великою мыслью, что идеал их политического счастья обуславливается единственно полным слитием их счастья с счастьем великой русской нации». ⁴³⁰ Но и здесь, как мы видим, не идёт речи о преследовании латышского языка и культуры, хотя и выражено опасение по поводу политических стремлений латышского национального движения.

В либерально-консервативных кругах русского общества, в которых русификаторские высказывания Каткова и других публицистов расшифровывались до конца, призыв к русификации расценивался как требование обрусения: ср. фразу из выступления адвоката Спасовича на суде по делу Стравинского — национальный вопрос у нас состоит в «том, чтобы сгладить, по возможности, пестроту, которая замечается в окраинах России, водворить однообразие в её оконечностях, водворить однообразие во всевозможных отношениях: и в учреждениях, и в языке, и в церкви, и в речах, даже в costume, даже в еде». ⁴³¹

При оценке позиции отдельных газет и публицистов в вопросе об обрусении ни в коем случае нельзя ограничиваться лишь указанием на наличие трех вышеохарактеризованных

⁴²⁷ Рижский вестник, 19. VII. 1869, № 58 (передовая).

⁴²⁸ См. Рижский вестник, 12. III. 1869, № 21. Эта заметка была перепечатана в других русских газетах.

⁴²⁹ Голос, 19. V. 1869, № 137.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ С.-Петербург. вед., 4. IV. 1869, № 93 (Судебная хроника).

этапов. Здесь нужно учитывать, так сказать, индивидуальные особенности позиции каждого органа печати и даже каждого отдельного публициста. Так, напр., позиция газеты «Голос» в данном вопросе отличалась вопиющей противоречивостью — она на протяжении всех 60-ых гг. выступала то с самыми откровенными призывами к обрусению, то с требованиями развития прибалтийских национальностей, их языка и культуры.⁴³² В «Москве» надо отличать позицию редактора И. С. Аксакова от выступлений Ю. Ф. Самарина. Самарин был почти неизменно убеждённым сторонником полного обрусения, считая, в то же время, что это совпадает с интересами и желаниями самого коренного населения края.⁴³³ Аксаков же, хотя и допускал иногда высказывания обрусительного характера, в целом в 1860-ые гг. ещё склонялся к признанию национального развития прибалтийских народов. Не случайно он защищал (в противоположность Каткову) и право финнов на самостоятельное развитие. Он доказывал, что только с помощью русских финны, освободившись от шведского влияния, воскресли «к новому бытию», принесшему им возможность самостоятельного развития своей народности и культуры; так же должны «воскреснуть» с помощью русских латыши и эстонцы. Такого рода взгляды были связаны и с позицией Аксакова по славянскому вопросу: как известно, он был горячим сторонником освобождения славянских народов, преследуемых и угнетаемых немцами, сторонником их самостоятельного национального развития. Это требовало у него признания права на национальное развитие и у прибалтийских народов, тоже, подобно южным и западным славянам, угнетаемых немцами, которые препятствуют утверждению и их национальных культур.

Сложность и непоследовательность выдвигавшегося русской консервативной и либеральной печатью требования обрусения Прибалтики объясняет нам и то обстоятельство, что даже после выявления в ней обрусительных тенденций деятели буржуазно-демократического крыла эстонского национального и младо-латышского движений всё же считали возможным продолжать сотрудничество в этих органах русской прессы и не приравнивали германизаторские тенденции остзейцев к русификаторским тенденциям правой русской прессы. В этом отношении показательно письмо К. Р. Якобсона к Л. Койдула от 22. II. 1870, в котором он высказывается по поводу книги Погодина, представлявшей собой открытое письмо к Ширрену: «Не-

⁴³² Причины такой противоречивости мы постарались объяснить выше, см.: наст. изд., стр. 137—138.

⁴³³ Ср. в этом отношении высказывание Индрика Страумита в «Записках православного латыша», изданных Ю. Ф. Самариним: «Мы (латыши — И.) все одного просим, одного желаем, к одному стремимся — слиться нею (Россией — С. И.), с русским народом, иметь с ним одну веру, один язык, как имеем уже теперь одного царя», Ю. Ф. Самарин, Соч., т. 8, р. 186.

сомненно, это письмо такая же крайность, как и письмо Ширрена с другой стороны, так как Погодин один из самых горячих московских русских. Но даже если у нас не было бы иного пути, то всё же мы не могли бы ни на один момент сомневаться в том, на чьей стороне почётнее быть, на стороне ли партии Ширрена или Погодина. Читайте сами! Одновременно могу Вам сообщить, что нам совсем нет необходимости придерживаться только этих крайностей, нет необходимости примыкать к одной или другой стороне <...> Правительство и московская партия две различных вещи. Правительство и наш любимый государь император больше за наш средний путь». ⁴³⁴ В другом, несколько более раннем письме Якобсон также отмечал, что нельзя приравнивать московскую печать с её обрусительными требованиями к правительству, «но и того хорошего, что принесла и сделала для эстонского народа московская газета (т. е. «Моск. вед.» — С. И.), нельзя недооценивать». ⁴³⁵

Отметим, кстати, что деятели эстонского и латышского национальных движений довольно активно сотрудничали в анти-остзейских органах печати как в 1860-ые гг., так и позже. Это сотрудничество не могло не оказывать влияния на характер обсуждения остзейского вопроса в этих изданиях, на характер требований, выдвигаемых ими. Естественно, что участие эстонских и латышских публицистов в полемике о положении в Прибалтике не могло не приводить и к известным коррективам в вопросе о русификаторстве, обрусении края. Впрочем, мы не встретили в русской печати 60-ых гг. ни одного протеста против обрусительства, который вышел бы из-под пера деятелей эстонского и латышского движений. Наоборот, Вальдемар в уже упоминавшейся нами первой статье «Русские интересы на Балтийском побережье» даже допускает обрусение, правда, путь к нему, по мысли Вальдемара, лежит через развитие латышской национальной культуры, через её поддержку. Выше мы уже пытались объяснить такого рода парадоксальное явление.

Вопрос о сотрудничестве деятелей буржуазно-демократического крыла эстонского национального движения в русской печати тех лет до сих пор ещё не разработан. В эстонской исследовательской литературе, правда, есть много указаний на активное сотрудничество К. Р. Якобсона, Й. Кёлера и других в «Моск. вед.», «Дне» и «Голосе». ⁴³⁶ Поскольку нам неизвестны первоисточники, на которых основываются данные исследова-

⁴³⁴ Цит. по книге: H. Kruus, Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel, стр. 257 (переводы с эстонского языка на русский отрывков из писем Якобсона принадлежат нам — С. И.).

⁴³⁵ Письмо к Л. Койдула от 1. XII. 1869. Там же.

⁴³⁶ См., напр.: H. Kruus, Eesti ajaloost XIX sajandi teisel poolel, стр. 256; L. Looe, Jooni C. R. Jakobsoni poliitilise võitluse taktikast, сб. «C. R. Jakobson ja tema ajastu», стр. 96—97.

тели, трудно определить, в какой мере верны эти утверждения. В будущем мы надеемся посвятить специальную работу вопросу о сотрудничестве деятелей эстонского национального движения в русской печати. Пока отметим, что изучение этого вопроса связано с рядом трудностей. Эстонские публицисты вынуждены были во избежание преследований чаще всего скрывать своё сотрудничество в русской антиоцзейской прессе. Их заметки печатались обычно анонимно. Даже в их личной переписке материалов об участии в антиоцзейских выступлениях русской прессы немного. Нам пришлось просматривать бумаги редакций «Дня», «Москвы», «Голоса», «Моск. вед.», сохранившиеся в ленинградских и московских архивах, и мы нигде не нашли следов этого сотрудничества. Возможно, это связано с тем, что архивы этих газет в своей основной массе до нас не дошли. Во всяком случае, на основе русских архивных материалов восстановить картину сотрудничества деятелей эстонского национального движения в русской прессе невозможно.

Однако уже сейчас некоторые утверждения эстонских исследователей вызывают у нас сомнение. Так, нам кажется крайне сомнительным утверждение Х. Крууса и Л. Лооне об активном сотрудничестве К. Р. Якобсона в «Дне» Аксакова. Собственно, в этой газете было опубликовано *только две* статьи, непосредственно посвящённые эстонской жизни и вышедшие из-под пера эстонцев: одна из них — статья «Эстонцы», написанная на основе рукописи Мярта Якобсона, другая — «Голос эстонца. Об эстонском языке» — на основе рукописного сочинения Я. Адамсона. Больше же анонимных материалов, которые у нас были бы основания приписать Якобсону, в газете нет. Остаётся предположить, что исследователи ошибочно называют «День» вместо другого издания Аксакова — газеты «Москва», в которой сотрудничество Якобсона вполне вероятно.

Не отрицая сотрудничества Якобсона в «Голосе», мы, тем не менее, несколько сомневаемся в том, чтобы в 60-ые гг. большинство антиоцзейских статей газеты основывались бы на его материалах, как утверждает Л. Лооне.⁴³⁷ Для этого у нас есть следующие основания. В 1878 г. вышло справочно-информационное издание «Пятнадцатилетие газеты «Голос»», в котором содержится список всех постоянных и большей части случайных сотрудников газеты за 15 лет её существования — с 1863 по 1877 г. Имя Якобсона здесь не упомянуто. Это, конечно, ни в коей мере не отрицает возможности сотрудничества Якобсона — авторы отдельных корреспонденций в книге не названы, но известное основание для предположения о том, что он не был постоянным сотрудником газеты, это даёт. Кстати, здесь перечислены и города, откуда в газету поступали корреспон-

⁴³⁷ См.: L. Loone, ук. статья, сб. «C. R. Jakobson ja tema ajastu», стр. 97.

денции: среди них мы встречаем — Кингисепп, Раквере, Хаапсалу, Тарту, Нарву, Пярну, Таллин и даже Мерекюла близ Нарва-Йыесуу.

Между прочим, мы часто не знаем и русских авторов анти-остзейских статей в либеральной и консервативной печати. Известно, что в «Моск. вед.» большая часть программных статей по остзейскому вопросу составлялась самим редактором — Катковым, в конце 60-ых гг. многие статьи принадлежали А. Моллеру. В газете активно сотрудничал Кр. Вальдемар и ряд других деятелей латышского национального движения, в том числе Фр. Бривземниек-Трейланд, опубликовавший, напр., в «Моск. вед.» в 1867 г. — три, в 1868 г. — десять, в 1870 г. — четыре статьи, плюс к этому ряд статей в «Совр. летописи». ⁴³⁸ В «Москве» авторами передовых статей по остзейскому вопросу обычно бывали И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и В. П. Перцов. В «Русском Инвалиде» многие статьи принадлежат перу А. Б. Бушена, а в «С.-Петербур. вед.» — Н. Альбертини. Но авторы очень многих статей по остзейскому вопросу до сих пор неизвестны. Атрибуция антиостзейских статей — дело будущих исследователей.

4.

Интересно сравнить правительственную точку зрения на остзейский вопрос с позицией русской либерально-консервативной прессы, правительственную программу действий с теми требованиями, которые высказывались этой прессой в 1860-ые гг.

Лучшим изложением взгляда правительства на положение в Прибалтике является официальная записка «Балтийский вопрос с правительственной точки зрения» ⁴³⁹, составленная в 1870—71 гг. и не только подводящая итог политике нацизма в остзейском крае в 1860-е гг., но и намечающая программу действий на будущее. Автор этой записки учитывает материалы полемики по остзейскому вопросу в русской печати, иногда соглашаясь, а нередко отталкиваясь от выдвинутых русской либерально-консервативной прессой положений и требований.

Первая часть записки посвящена происхождению и сущности балтийского вопроса. Здесь отмечается, что остзейский край в настоящее время не является ни немецким (немцев слишком мало), ни русским (русских ещё меньше да они лишены прав), ни эсто-латышским (латыши и эстонцы — крестьяне, не вышедшие из-под зависимости немецких помещиков, никогда не жившие самостоятельной государственной жизнью, бедные в отношении культуры). «На латышей и эстов нельзя смотреть как на самостоятельную национальность; они составляют этнографический материал, который может только примкнуть к народности, обладающей высшею культурою.

⁴³⁸ Пользуюсь случаем, чтобы принести искреннюю благодарность заведующему отделом библиографии Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР Я. Паэглису, сообщившему мне эти факты, как и некоторые другие.

⁴³⁹ ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 2, № 45, ч. II, лл. 125—176 об. Записка хранится в архиве П. А. Валуева, который принимал участие в её составлении.

Вот почему *вопрос о национальности остзейских губерний, не разрешенный ещё в настоящее время, может разрешиться в будущем только тем, куда направится тяготение численно в крае преобладающей латышско-эстской народной массы: (в русскую или немецкую сторону.*

В этом собственно и заключается весь узел так называемого *балтийского вопроса*».⁴⁴⁰

Этот вопрос создан не прессой. Он «был создан далеко не тождественно понимаемыми интересами и расходящимися стремлениями трёх заинтересованных в нём сторон: *русской, немецкой и латышско-эстской*».⁴⁴¹

Для России этот край необходим как выход к Балтийскому морю и как условие военной безопасности страны. Остзейские же немцы заинтересованы в сохранении своих прав и привилегий, в обособлении края от государства. Поэтому Россия и остзейские немцы давно стремились: первая — к объединению окраины со всей страной, вторые — к сохранению своего особого положения.

Переход балтийского вопроса из зародышевого состояния в один из важнейших вопросов внутренней политики произошёл в 1860-ые гг. в связи с реформами в России. Эсты и латыши в этих условиях начали открыто тяготеть к правительству, на которое они возлагали надежды в проведении реформы, в частности, земельной. Немцы стали, несравненно более активно защищать свои привилегии от возможных посягательств правительства. Русское же общественное мнение стало защищать государственные интересы на окраинах, требуя русификации Прибалтики, введения здесь русских законов. В стремлениях каждой из трёх сторон есть своя доля истины, но в процессе полемики «разгорелись страсти», что привело к нетерпимым проявлениям сословной ненависти и племенной вражды.

Правительство должно придерживаться в этих условиях примирительной политики, быть в роли беспристрастного судьи, более всего заинтересованного в установлении национального и сословного мира. Правительство должно играть роль посредника в споре. Его политика «должна, с одной стороны, ограждать справедливые интересы заслуживающего всякого уважения (и по степени образованности и честной преданности русским государям и по многим услугам, оказанным России) немецкого меньшинства <...>, но, с другой стороны, подчинять тесные и узкие местные интересы балтийского партикуляризма общим государственным интересам».⁴⁴² Исходная точка правительственной системы в Прибалтике: «Отвергая всякую мысль не только об угнетении, но даже и об обрусении немецкой народности <...>, вообще уважая местные и исторические особенности края и не нарушая истинного смысла тех прав, которые были даны и подтверждаемы балтийским сословиям и корпорациям, <правительство> должно в особенности стремиться к тому, чтобы тяготение эсто-латышской народной массы направлено было более в русскую, чем в немецкую сторону. Это, впрочем, не должно выражаться в неперменном обрусении составляющих огромное большинство населения края эстов и латышей, которые могут сохранить вполне свою народность. Необходимо только заботиться, чтобы те из них, которые при выходе из низших общественных положений, нуждаясь в более высокой культуре, чем та, которую может дать им их язык и народность, сами чувствуют потребность принять чуждый им язык и примкнуть к более образованной народности, *русели бы, а не немечились*».⁴⁴³

Как видно, правительственная точка зрения носит несравненно более проэстзейский характер, чем позиция подавляющего большинства русской прессы. Правительство считает необходимым ограждать интересы остзейских немцев, сохранять

⁴⁴⁰ Там же, лл. 126—126 об.

⁴⁴¹ Там же, лл. 126 об. — 127.

⁴⁴² Там же, л. 134 об.

⁴⁴³ Там же, лл. 135 об. — 136 об.

их особые права, оно совершенно отказывается от обрусения немцев. Зато по отношению к коренному населению края правительственная позиция носит, пожалуй, несколько более русификаторский характер, чем высказывания русской либерально-консервативной печати (если не считать её крайних представителей типа Погодина, Самарина и некоторых других, чья точка зрения, кстати, в основных чертах совпадает с правительственной). Но здесь нужно учесть, что конечные цели той политики, которую органы этой печати считали необходимым проводить в Прибалтике, отличались от позиции, занимаемой этими органами в текущей политической борьбе по остзейскому вопросу. Исходя из необходимости единства антиостзейского фронта, из необходимости борьбы, в первую очередь, с основным врагом — остзейцами, либерально-консервативная пресса, как мы видели, требовала признания национального развития прибалтийских народов, которое в конечном итоге ею всё же отрицалось. Поэтому в данном вопросе позиция правительства и соответствующей русской прессы (в особенности, катковской и славянофильской) близки друг к другу.

Вторая часть записки посвящена задачам русской государственной власти по каждой из главных составных частей балтийского вопроса.

В вопросе о религии правительство должно стоять за свободу совести, на позиции устранения возникающих между православием и лютеранством столкновений, сохранения равноправия двух церквей. Эта позиция совпала с требованиями либеральной прессы, но, в известной мере, расходилась с требованиями катковской и славянофильской печати, считавшей необходимым преимущественную поддержку православия в крае, как господствующей в империи религии.

По вопросу о введении русского языка в записке высказывалось мнение о необходимости полной свободы немецкого языка для остзейцев при широком распространении русского среди латышей и эстонцев. В этом вопросе автор записки исходит из того, что от остзейцев для русской государственности нет никакой опасности; единственная реальная опасность — возможное онемечение коренного населения, создание компактного немецкого большинства в крае. Именно последнему надо противиться, и лучшее средство для этого — широкое распространение русского языка среди эстонцев и латышей. Надо ввести русский язык уже в систему первоначального образования, в систему народных эстонских и латышских школ, для этого необходимо: 1) организовать русские учительские семинарии вместо ныне существующих немецких; 2) ввести преподавание русского языка в народных школах при полном исключении немецкого; 3) за пасторами оставить только закон божий; 4) создать инспекцию министерства народного просвещения, следящую за преподаванием русского языка; 5) доставить средства латышам и эстонцам продолжать своё среднее и высшее образование на русском языке — отсюда необходимость организации русских гимназий в крае (это лучше, чем введение русского языка преподавания в немецких гимназиях) и системы стипендий в Петербургском университете. Русский язык как официальный должен быть введён в административные и судебные учреждения.

Но надо категорически отказаться от каких-либо насильственных мер по введению русского языка среди немцев. Русский язык должен быть обязательен не для всех немцев, а только для тех, кто состоит на русской службе. Здесь мы опять видим очень мягкое отношение к остзейским немцам при жёсткой политике русификации по отношению к коренному населению края. Позиция прессы, как мы помним, была иной: жёсткая политика русификации именно по отношению к остзейцам при мягком дипломатическом отношении

к латышам и эстонцам. Основные же требования правительства и прессы в отношении введения русского языка одинаковы.

В отношении городского устройства в Прибалтике автор записки отмечает неудобство и несовременность его и ратует за распространение и на остзейский край общероссийского положения о городском управлении. Это означало бы допуск к управлению несравненно более широких слоёв городского населения. В данном вопросе печать была вполне солидарна с правительственной точкой зрения.

Наиболее интересен был взгляд правительства на поземельные отношения, самый большой вопрос в Прибалтике. В записке в полной мере признаётся неудовлетворительность реформы 1819 г., но всячески восхваляются правительственные мероприятия 60-ых гг., при этом особенно подчёркивается их постепенность и тот факт, что они были проведены без ущерба для помещиков. Впрочем, в известном противоречии с этим оптимистическим восхвалением реформ 1860-ых гг., в записке признаётся, что эти мероприятия не достигли всех определяемых государственными интересами целей, что крестьяне лишены возможности высказывать свои потребности и желания. В поземельном вопросе правительство должно учитывать интересы латышско-эстской народной массы. Местные крестьяне все надежды возлагают на русское правительство, и было бы величайшей политической ошибкой разрушить их надежды. Но в то же время: «Прежде всего в остзейском крестьянском вопросе нужно навсегда отказаться от всякого стремления изменить сложившийся и развившийся исторически в крае порядок поземельных отношений, в силу коего определённая часть земель под названием *повинностных* (собственно Bauerland) предоставлена крестьянскому сословию в виде определённых участков, права на которые принадлежат не целым крестьянским обществам, а отдельным крестьянам-хозяевам, между тем как большинство крестьянского сословия остаётся безземельными батраками. Можно, разумеется, до некоторой степени увеличить число крестьянских участков из свободных казённых земель, но о наделении всех безземельных крестьян землею не может быть и речи, так как подобные земли могли бы образоваться только из раздробленных участков повинностной земли, что не только произвело бы насильственное и полное расстройство существующей системы сельского хозяйства, но и вообще неудовольствие, как со стороны поземельных собственников, так и со стороны наиболее зажиточной и развитой части латышско-эстской народной массы крестьян-хозяев.»⁴⁴⁴ Единственный выход для батраков — обеспечение «свободы труда» с помощью свободы передвижения. В отношении же хозяев-арендаторов можно желать только постепенного выкупа ими арендуемой земли и освобождения их в общественных делах от мызной администрации. Правда, тут же признаётся, что определить, как это сделать, трудно.

⁴⁴⁴ Там же, лл. 151 об. — 152.

Никаких конкретных мероприятий в вопросе о поземельных отношениях в записке *не предусматривается*. Единственно, что предлагает автор, — устроить проверку осуществления на практике законов 1860-ых гг.⁴⁴⁵ В процессе этой проверки выяснить: 1) действительно ли уничтожена барщина или только замаскирована; 2) действительно ли обеспечена свобода передвижения крестьян; 3) действительно ли крестьянские общества независимы от помещиков; 4) действительно ли правила о вознаграждении крестьян за предоставление их хуторов другим лицам ограждают их от произвольного возвышения арендной платы; 5) действительно ли участки повинностной земли продаются крестьянам и при этом не по непомерно возвышенным ценам или же они переходят в руки не-крестьян, и продажа приводит к разорению хозяев. Правительство особенно опасалось того, что крестьянские земли постепенно сосредоточатся в руках немецких бюргеров и переселенцев, в руках онемечившейся верхушки крестьянства, это же привело бы в будущем к созданию немецкого земства.

В решении земельного вопроса наиболее полно проявилась классовая сущность царского правительства, которое почти полностью придерживалось остзейской точки зрения (кстати, доводы автора записки позаимствованы из остзейской публицистики) и не собиралось идти ни на какие реформы. В этом отношении позиция даже русской либерально-консервативной прессы существенно отличалась от правительственной. Как нам уже приходилось указывать, подавляющее большинство русских органов печати выступало за наделение эстонских и латышских крестьян землёй по образцу реформы 19. II. 1861 г. в России, при этом высказывалось требование наделения землёй и батраков. Здесь проостзейский характер компромиссной правительственной политики сказывается особенно отчётливо.

Несколько более решительна правительственная позиция по административному и судебному вопросам. Сейчас полиция и администрация в балтийском крае целиком зависит от привилегированных немецких корпораций, избирающих из своей среды лиц на административные и судебные должности. От этой зависимости изъяты только губернское и волостное правления, но между ними стоит плотная стена немецких учреждений, которая преломляет в своём духе все народные требования, идущие к правительству, и все правительственные распоряжения, идущие к народу. Необходимо изменение такого порядка вещей. Чины полиции и администрации должны сменяться и назначаться не немецкими корпорациями, а правительством. На те должности, в отношении которых может быть допущено избирательное начало, лица должны выбираться не одной не-

⁴⁴⁵ Этот план, в известной мере, предвосхищает знаменитую ревизию сенатора Н. А. Манасеина в 1882—83 гг.

мецкой корпорацией, а представителями всех национальностей и сословий. Правда, при проведении этой реформы нужны осторожность и постепенность. Земские учреждения сейчас вводить в Прибалтике не стоит, ибо есть опасение, что они могут попасть в немецкие руки. В отношении судопроизводства в записке требуется лишь немедленное постановление об отобрании письменных судебных показаний на языке тех лиц, от которых они отбираются. Столь скромное требование мотивируется тем, что в министерстве юстиции уже разрабатывается вопрос о судебных учреждениях в Прибалтике.

И здесь мы видим, что правительственная программа действий носит несравненно более умеренный и скромный характер, чем требования печати.

В третьей части записки — «Способы действия и средства достижения правительством вышеуказанных целей в Балтийском крае» — аргументируется необходимость установления точной, определённой системы правительственных действий в Прибалтике, при этом подчёркивается строгая постепенность в её осуществлении. В третьей части затронут и животрепещущий вопрос о правах правительства на проведение реформ в Прибалтике. Как известно, остзейцы, основываясь на своих привилегиях, отрицали эти права в противоположность русской либерально-консервативной печати, доказывавшей, что правительство, осуществляющее волю монарха, имеет даже основания отменять любые остзейские привилегии. Правительство придерживалось середины между этими двумя точками зрения. При проведении реформ, отмечено в записке, оно всегда считается с историческими особенностями и правами края и обычно запрашивает предварительно мнение местных корпораций. Но оно никогда не сомневалось в том, что законы должны изменяться по мере того, как они приходят в ветхость, и право изменения принадлежит верховной власти. Текст капитуляции и вся предшествующая правительственная практика этому не противоречат. Инициатива законодательных реформ в Прибалтике в настоящее время может исходить, в первую очередь, от правительственных учреждений, от генерал-губернатора.

В плане разработки конкретных мероприятий по проведению в жизнь правительственной политики в Прибалтике автор записки предлагает точно определить принятую в крае правительством систему особою инструкцией генерал-губернатору, а также учредить особую совещательную комиссию в Петербурге, в обязанность которой входила бы выработка новых мероприятий в крае и проверка осуществления старых.

Вся эта программа правительственных действий опять же отличалась от требований печати своей умеренностью и расчётом на постепенность, между тем как пресса требовала быстрых, немедленных и, главное, решительных мер по русификации края, не считаясь с возражениями и сопротивлением остзейцев.

*
* * *

Обсуждение остзейского вопроса на страницах русской прессы 1860-ых гг. вновь заставляет нас обратить внимание на сложность и противоречивость исторического процесса. Русская демократическая и революционно-демократическая публицистика 1860-ых гг. почти не принимала участия в обсуждении положения в Прибалтике. Это не могло не ограничивать обсуждения, в процессе которого были выдвинуты, в основном, либеральные

реформистские требования. Публицисты — участники полемики все надежды возлагали на правительство, на проводимые им реформы, никто из них не пришёл к революционным выводам, между тем как только революция могла бы решительным образом изменить существующий в Прибалтике несправедливый общественный порядок. Значение выступлений русских публицистов по остзейскому вопросу не могли не ограничивать и шовинистические русификаторские идеи, защита интересов царской России, царизма, но всё это не может уничтожить положительных моментов обсуждения остзейского вопроса в русской либеральной и консервативной прессе. Не подлежит сомнению, что критика особого остзейского режима, местного рыцарства, защита интересов прибалтийского крестьянства, проводимые этой прессой в 1860-ые гг., сыграли объективно прогрессивную роль в историческом развитии Прибалтики и общественно-политической мысли её народов. Не случайно общественный и экономический строй Прибалтики, господство в ней остзейских баронов, угнетённое положение крестьян вызывали резко отрицательное отношение к местным порядкам и его защитникам и со стороны немногих выступающих по данному вопросу русских демократических публицистов и деятелей буржуазно-демократического национального движения прибалтийских народов. Всё это ещё раз говорит о том, что в Прибалтике порою причудливо преломлялись, выступали в новом невиданном аспекте концепции, казалось бы безнадежно консервативные, давно разоблачившие себя в глазах передовой русской общественности применительно к внутриполитической жизни России.

Но, само собой разумеется, лишь став на демократические революционные позиции, в конце концов, лишь став на позицию марксизма, можно было дать верную оценку особому остзейскому режиму, его защитникам — остзейским баронам, наметить правильные перспективы общественного развития Прибалтики, пути борьбы за освобождение её народов от социального и национального гнёта. К. Маркс внимательно следил за общественно-политической борьбой вокруг остзейского вопроса, и в его трудах намечено верное решение и этой сложной проблемы. Достойную оценку остзейского дворянства — основного угнетателя эстонцев и латышей К. Маркс дал в своём известном письме к Людвигу Кугельману от 17. II. 1870: «Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою защитительную речь, с которой привилегированные сословия немецко-русско-балтийских провинций апеллируют в настоящее время к немцам, чтобы возбудить их сочувствие. Эти каналы, отличавшиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплуатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что их привилегированное положение колеблется.

Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян — вот что они называют *немецкой культурой*, во имя охраны которой должна подняться теперь вся Европа. Отсюда и последнее слово этой брошюры: *земельная собственность как основа цивилизации*, и притом такая земельная собственность, которая, по признанию самого же этого жалкого писаки, состоит большею частью из господских поместий или из крестьянских, *обложенных оброком* в пользу помещиков». ⁴⁴⁶ Это была одна из первых марксистских оценок положения в Прибалтике.

⁴⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, 1935, стр. 41—42.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Ход обсуждения остзейского вопроса	7
2. Некоторые итоги обсуждения остзейского вопроса	157

Тартуский государственный университет,
Тарту, ул. Юликооли, 18

С. Г. Исаков

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ
ПЕЧАТИ 1860-х ГОДОВ

Ответственный редактор Б. Егорова

Технический редактор Э. Выханду

Корректор А. Правдин

Сдано в набор 19/VI 1961. Подписано к печати
21/X 1961. Бумага 60×92, 1/16. Печатных листов
11,75. Тираж 500 экз. МВ-07958.

Заказ № 5935.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР,
г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. I.

Цена 69 коп.